

10.333
1964/2

ქართული
ბიბლიოთეკა

№ 2 • 1964

ლიტერატურная Грузия

1964/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная рузния

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

С О Д Е Р Ж А Н И Е

АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Ингури. Украшение гор. Бревна. Стихи. Перевод с грузинского В. Дробышева	3
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Я, бабушка, Илико и Илларион. Повесть. Перевод с грузинского З. Ахвледиани. Продолжение	5
ТЕЙМУРАЗ ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Красноармеец Октября. Коммунизма мастера-строители. Стихи. Перевод с грузинского В. Дробышева	28
АЛИО АДАМИА. Не праздно проходили наши дни. Пляска тушинок. Образ матери. Свадьба. Стихи. Переводы с грузинского В. Дробышева, Д. Маркиша, И. Тимофеева	30
ЭЛИЗБАР ЗЕДГИНИДЗЕ. Окно на третьем этаже. Рассказ. Авторизованный перевод с грузинского М. Эделя	32
ЕКАТЕРИНА ГУЛЬЯНОВА. Ищу сравнения... Стихи. Перевод с ассирийского Т. Степанова	40
ИОСИФ МАР-ЮХАНААН. Дух древней Ассирии. Стихи. Перевод с ассирийского Г. Павловской	40
ДАВИД ИЛЪЯН. Моя дорога. Стихи. Перевод с ассирийского Г. Павловской	41
А. Т. СТУЧЕНКО, генерал-полковник. Завидная наша судьба. Продолжение	42

2

ФЕВРАЛЬ

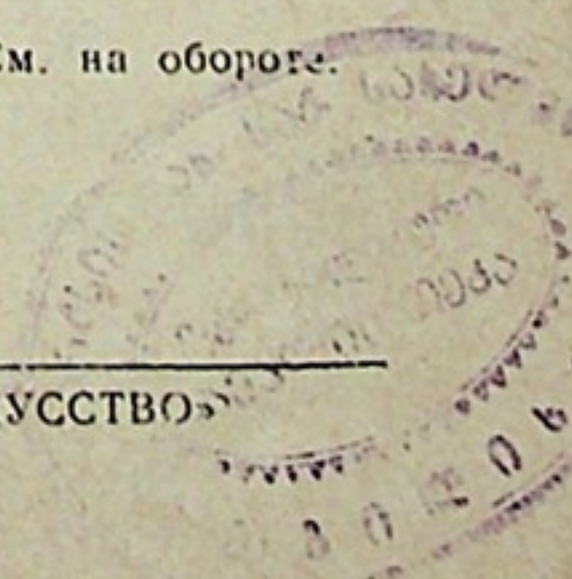
1964

ПУБЛИЦИСТИКА

ГРИГОЛ БРЕГАДЗЕ. В братской семье советских народов	55
---	----

См. на обороте.

75-132

ОЧЕРКИ	
ШОТА КАПАНАДЗЕ. Мы—строители Ингурской ГЭС	60
КРИТИКА	
САРГИС ЦАИШВИЛИ. Рассказы Георгия Леонидзе	65
ВАЛЕНТИНА БАЛУАШВИЛИ. Встреча с Леонидом Леоновым	68
ЭДУАРД ЕЛИГУЛАШВИЛИ. Герой с акцентом	76
ИСКУССТВО	
Выдающийся мастер советской хореографии	84
—	
ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	92

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, 8, улица Ленина, 5.

Алеко ШЕНГЕЛИА

ИНГУРИ

Я пришел поклониться родной стороне,
Горным кряжам и диким ущельям Сванетии.
Знаю, долго вы ждали вестей обо мне —
Звонким эхом при встрече ответили.

Вашей белой Ингури я давно опьянен,
Только разве одна эта буйная речка:
В каждом горном ущелье слышен рек перезвон,
В каждом горном ущелье Ингури я встречу.

И рождаются песни на их берегах,
И с водою потоков несутся в долины.
Стал Колхиде понятен Ингури размах,
Ее вольный язык, ее клекот орлиный.

Песни сванов и рек звучны, как струна,
И отыщешь их в самой далекой деревне,
Это ты, моя родина, моя сторона!
Я пришел поклониться Сванетии древней.

УКРАШЕНЬЕ ГОР

Свет глаз и свет волос,
о украшение гор,
Огнем не заставляй меня пылать!..
Ту девочку я помню до сих пор,
Как помнят родину, отца и мать.

Да счастлив тот, кто так тебя назвал
И светом озарил глаза и косы..
— О Дали! — громко я тебя позвал,
И горы — «Дали...» — повторили в голос.

Тетнульд седую снежной головой
Кивает мне и повторяет — «Дали...»
Я гостем здесь, тебе я не чужой —
Меня заботы долго не пускали.

Никто мне не сказал — ну кто же ты?
Быть может, ты ушла тайком от Ушбы,
И скрылась ты в туман моей мечты,
Забыв огонь и не желая дружбы?

Кто ты? У гор я спрашивать устал.
Цветы мне говорят — ты верховодишь ими.
Зажги огнем меня, я ждать устал,
Шепча твое затерянное имя.

БРЕВНА

У Джвари бревна срублены. В плоты
Собрались, точно войско для похода.
Я беспокойно замер. Мне природа
Вручает здесь частицу красоты.

На жизнь деревьев опустилась ночь:
То — высохло, то — срублено живое...
Плывут плоты, плывут куда-то прочь,
Не ведая посмертного покоя.

А где-то там, далеко, у реки,
Из бревен сделают тончайшую бумагу,
Чтобы на ней могли писать стихи
Про жизнь и смерть, про счастье и отвагу.

Перевод с грузинского В. Дробышева

Нодар ДУМБАДЗЕ

Я, БАБУШКА, ИЛИКО И ИМАРИОН

П О В Е С Т Ь

Перевод с грузинского З. Ахвледиани

Я тотчас же спустился с дерева и крепко обнял Илико.

— Как живешь, дядя Илико?

— Он еще спрашивает, бесстыдник! Целый час морочил мне голову! И все теперь пошло насмарку!

— Как насмарку? — не понял я.

— А так... Вот уже полгода, как я работаю полевым сторожем. Знаешь ведь об этом?

— Знаю, конечно. Ну и что?

— Дали мне, значит, коня... Не конь, а дьявол! Прошлый раз забралась на поле корова хромого Сипито... Я — с коня долой и — цап корову за хвост!.. Оглядываюсь, где конь?! Погнался за конем, еле поймал проклятого, оборачиваюсь — где же корова?! Отпустил коня, погнался за коровой, поймал ее, а коня — нет! Короче говоря, бегал целый день с высунутым языком от коровы к коню, пока оба не сбежали. А вчера на общем собрании получил нагоняй от председателя: или, говорит, выполняй свои обязанности добросовестно, или, говорит, сниму с поста...

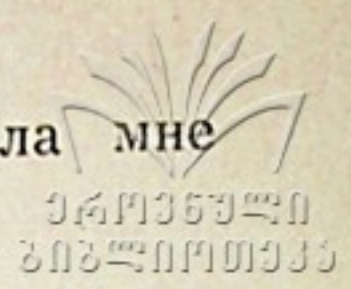
— А я тут при чем?

— При том! Увидел я вора на дереве и подумал: ну, я спасен! Поймаю сейчас его, отведу в контору и пусть потом посмеет председатель говорить: Илико, мол, плохо работает! А сейчас что я буду делать, просто не знаю!

— Доставь в контору меня!

Продолжение. Начало см. в № 1.

— Ты что, ошалел? Хочешь, чтобы твоя бабушка выцарапала мне последний глаз?!

— А что ты будешь делать?

— Отведу председателю козу. Пусть делает с ней, что хочет!

— А коза-то чья?

— Как это чья? Моя! Ты что, первый раз ее видишь?

— Но ведь она была с бородой?

— А теперь я ее остриг!

— Почему?

— Чтоб не узнали. Иначе нехорошо получится — сторож ловит собственную козу!

— А дальше?

— Ничего. Все равно в ней никакого проку. Хоть молоком ее пои, она доиться не станет... И на мясо не годится — кожа да кости. От нее мне только убыток.

— А вдруг узнают?

— Куда там! Мне самому и то не верится, что это моя коза... Ну, будь здоров, сынок! Спасибо за виноград, а то горло совсем пересохло!

— До свиданья, Илико!

— Смотри, Зурикела, дорогой, не проболтайся Иллариону, погубит он меня, — попросил Илико.

— Не бойся, Илико, я — могила!

...Спустя месяц в награду за хорошую работу Илико получил от правления колхоза заметно пополневшую козу...

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

На пригорке стоит одинокая ель. На ней висит старый колокол, снятый с часовни разрушенной церкви. Прежде чем совсем разрушить, церковь эту перестраивали несколько раз: сперва под клуб, затем — под склад, потом устроили в ней хлев, потом — медпункт, потом — библиотеку; после этого хотели перестроить под гараж, но двери оказались слишком узкими для машины. Тогда церковь разобрали и построили пекарню. Потом пекарню переделали в читальню. Сейчас опять разрушили. Илико говорил бабушке, что, кажется, снова под церковь перестраивают. В бога я не верую, так что мне все равно — что они там построят; бабушка моя тоже не очень-то верующая, но все же лучше, говорит, церковь, чем читальня.

Так вот, висит, значит, тот колокол на ели. Утренний звон колокола оповещает о начале занятий в школе, вечерний — о пожаре или общем собрании колхозников.

Меня, как единственного в семье мужчину, всегда приглашают на собрания, но только с правом совещательного голоса.

Сегодня колокольный звон раздался вечером. Дыма и огня не было видно. — значит, звали на собрание.

— Зурико, идешь? — раздался голос Иллариона.

— Иду, иду, Илларион! — крикнул я, мигом перемахнул через плетень и зашагал рядом с Илларионом.

— По какому делу собираемся, не знаешь? — спросил я.

— А что тут знать? Опять, наверное, по вопросу конторы!

Собрание уже началось. Мы заняли места в заднем ряду и прислушались. Говорил председательствующий на собрании колхозный бухгалтер Алфез:

— Значит, так: наш Авксентий, когда его избрали председателем, велел разобрать здание конторы и перенести его ближе к своему дому. По-

том, вы помните, председателем избрали Кирилла. И контора перекечева-
ла на новое место. В прошлом году контора стояла перед домом Дмитрия.
Теперь вот наш новый председатель Шалва требует перенести контору к
его дому. Ну, кто хочет высказаться? Только предупреждаю: придержи-
ваться регламента — пять минут! А то знаю я вас: дай вам только сло-
во, потом и не остановишь...

— У меня вопрос!

— Ну, что у тебя, говори, Трифон!

— Вы как желаете, уважаемый Шалва: новое здание конторы по-
строить перед вашим домом или старое заново перекрыть?

— Трифон Сихарулидзе! — вскочил председатель. — Ты мне зубы
не заговаривай, а говори серьезно, не то я тебе покажу твое место! Кон-
тору нужно разобрать и поставить перед моим домом! Понятно? Не могу
я столько времени терять по утрам. Выхожу чуть свет и только к вечеру
в контору попадаю!

— А ты ускорь шаг, дорогой Шалва!

— Кто это сказал? А ну, встань, покажись!

— Товарищи, ближе к делу! У кого еще вопрос?

— У меня! — сказал Макарий Цхоидзе и стал откашливаться, да
так, что чуть голосовые связки не порвал.

— Давай, жми, Макарий!

— Куда девалась породистая телка, которую я в прошлом году
привез из Самтредиа?

— Не пережила, несчастная, родов супруги нашего Шалвы.

— Кто это сказал? А ну, встань, покажись, провокатор!

— У меня есть предложение. Разрешите? — спросил Илларион.

— Дайте слово Иллариону!

— Нечего теперь вспоминать да уточнять — куда девалась телка,
почему казенный стройматериал пошел на постройку дома председателя,
каким образом колхозное вино очутилось в председательских кувшинах.
К чему это? Узнают люди, нас же засмеют. Нельзя выносить сор из соб-
ственной избы...

— Илларион Шеварднадзе! Ты тоже хороший провокатор! Погоди,
ответишь мне за клевету. А сейчас лучше садись!

— Дайте человеку досказать! Правду ведь он говорит, — вмешался
Илико.

— Так вот, я говорю, может, было бы лучше наоборот сделать: ра-
зобрать дом председателя и перенести его ближе к конторе?

— Чго ты, Илларион, только что он перекрыл новый дом, и уже
разбирать?!

— Тогда сделаем так: переселим председателя в контору, а его дом
займем под контору.

— От перестановки слагаемых сумма не меняется! — сказал учи-
тель.

— Тогда все! Больше предложений не имею! — Илларион сел.

— У меня есть предложение, — сказала Маргарита Чантурия. —
Завтра к нам приезжают тбилисские артисты, а так как материал для клу-
ба пошел на постройку председательского дома, мы проведем концерт у
него.

— И о чем я думал, когда тебя звеньевой назначил! — возопил
председатель.

— У меня вопрос! — встал кто-то. — Когда председатель думает
начать ремонт школы? Классные комнаты вот-вот обрушатся.

— Зачем ему классы? Он строит бесклассовое общество! — сказал
Илларион.

94135320
20240101033

Председатель побледнел. Дело осложнялось.

— У меня есть хорошее предложение! — поднял руку Илико.

— Говори!

— Друзья, мы опять отступаем от главного вопроса: где нам ставить контору?

— Что же ты предлагаешь?

— Может, вообще не стоит разбирать контору? Не лучше ли сложиться нам всем миром и купить председателю «М-1»?

— Ни в коем случае! Погубить нас хочешь? А вдруг, не дай бог, случится авария? Что нам, сиротам, тогда делать без председателя? Лучше уж посылать каждое утро к нему на дом двух здоровых верзил, пусть они его на руках приносят в контору!

— Не хватит, что на голове у нас сидит, еще на руках его носить!

— Ладно, есть еще одно предложение... Где наш шофер?

— Здесь я, Илико!

— Ну как у тебя дела, как чувствует себя твоя машина?

— Ничего, спасибо... А как ваше здоровье?

— Благодарю, не жалуюсь... Нет ли у тебя лишних четырех колес?

— А зачем тебе колеса?

— Приделаем колеса к конторе и будем перекатывать ее туда и обратно, туда и обратно!

В зале поднялся дикий хохот.

— Илико Чигогидзе! — встал председатель. — Запомни сегодняшний вечер... Если ты не пожалеешь об этом, плюнь мне в лицо!

— Пожалуйста, дорогой Шалва, пожалуйста... Просил тебя назначить меня почтальоном — ты назначил сторожем... Это меня-то, одноглазого! Инвалида! Что же ты еще можешь сделать со мной?

— А ты, небось, хотел стать председателем? Да?

— А почему бы и нет? Думаешь, я не смог бы построить себе дом из колхозных материалов? Или аппетит у меня похуже твоего?

Председатель смешался.

— Так на чем же порешили? — спросил председательствующий.

— Разрешите сказать? У меня есть предложение! — выкрикнул вдруг я и сам испугался своей смелости.

— Молчи, сопляк! — зашикали на меня.

— Пусть говорит! — крикнул Илико. — Каждый член собрания имеет право голоса!

— Ну, говори, говори, прохвост! — зашумело собрание.

— У меня есть предложение. Поскольку все село в сборе, и собрание близится к концу... Нельзя же расходиться без определенного решения...

— Не морочь нам голову! Выкладывай, наконец. Какое у тебя предложение?

— Воды, если можно, — еле выговорил я. Во рту у меня пересохло.

— Дайте ему воды, чтоб его!..

Я не спеша опорожнил полграфина, вытер губы и продолжал:

— Поскольку дело так обернулось и мы никак не придем к общему решению... Предлагаю: снять председателя и избрать нового!

Наступила мертвая тишина. С дрожью в коленях я ждал — вот-вот грянет гром...

И гром, действительно, грянул. Это было первое предложение, которое я произнес на общем собрании и которое прошло единогласно.

— Слава богу! Наконец-то нашелся один умный человек! Если бы не он, сидели бы мы тут до утра. Завтра выберем нового председателя и делу конец!

Илларион подошел ко мне и поцеловал в лоб.

БУРКА, САПОГИ И НОСКИ

Зима в этом году выдалась лютая. Беспреданно валил снег, дул пронизывающий ветер. Холод свободно проникал сквозь щели в нашу комнату. Бабушка сперва затыкала их тряпками, затем принялась за мои домашние тетради. Представляете, с какой радостью я помогал ей уничтожать эти позорящие меня документы!..

Наконец щели в стенах были забиты, и в комнате потеплело. А на дворе по-прежнему бушевала зима. Как-то вечером мы с бабушкой сидели у камина. Бабушка рассказывала какую-то сказку и время от времени искоса поглядывала на меня, проверяя, слушаю я ее или нет. Я медленно жевал тонкий лаваш и думал о своем. Молодой царевич, перебив стражу, добрался до заветных дверей хрустального замка и уже готов был заключить в объятия томившуюся в неволе красавицу, когда на нашем балконе раздался топот ног.

— Взгляни-ка, кто там, — сказала бабушка.

Я выглянул в окно. На балконе стояли Илико и Илларион и стряхивали с себя снег.

Я открыл дверь и пригласил гостей.

— Добрый вечер! — поздоровался Илларион, швырнув в угол новехонькие лыжи.

— Откуда эти лыжи, Илларион? — спросил я.

— За ночь снегу выпадет по колено. А утром кто вместо тебя в школу пойдет? Примерь-ка их, балбес! Твои лыжи...

Я обнял Иллариона и чмокнул его в озябшие колючие щеки, потом с мольбой взглянул на бабушку. Она понимающе улыбнулась, кряхтя поднялась и направилась к чуланчику, который почему-то называли кассой. Спустя минуту перед камином появился низенький столик, а на нем бутылка водки, пара чурчхел, яблоки и груши.

— Зря хлопчешь, Ольга, ей-богу не стоит беспокоиться, мы ведь зашли просто так, поболтать, — сказал Илларион.

— Воля ваша, я могу убрать, — сказала бабушка, протягивая руку к бутылке.

— Не хочешь — не пей, а за других ты не болтай! — рявкнул Илико на Иллариона и быстро схватил бутылку.

— Как, разве ты пьешь водку? — на лице Иллариона было написано такое изумление, словно он вдруг увидел доисторического ящера.

— В такой холод не плохо и водку. Термометр проглотишь, лишь бы градусы были, — сказал Илико и наполнил стаканы.

— Да, холодно! — согласился Илларион, тоже налил, выпил и закусил яблоком. — Эти яблоки, Ольга, осенью у тебя такие кислые, что если свинья попробует, и та плевать станет, а сейчас с чего это они такие сладкие стали?

— Пой, ласточка, пой! — улыбнулась бабушка. — Тебе лишь бы водку подать, так ты сам в сахар готов превратиться!

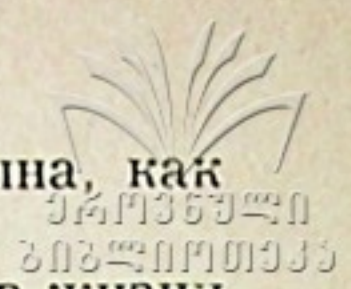
Налили по второй. Выпили. Потом по третьей.

— Сегодня наш почтальон заходил ко мне... — начал Илларион. — Извещение принес. О гибели сына Герасима. Я, говорит, не смогу ему сказать. Скажи, говорит, ты.

— Сынок, сынок! Горе твоему отцу!.. О, несчастный Герасим! — запричитала бабушка.

— Погиб в Керчи, бедный парень. Седьмой убитый в нашем селе, — продолжал Илларион.

— Ты сказал Герасиму? — спросил я.

— Да ты что! Человек со дня на день ждет возвращения сына, как же у меня язык повернется...

— О, господи, накажи этого изверга Гитлера! Чтоб не было в жизни счастья ни ему, ни семье его, ни близким!.. — плакала бабушка.

— Что же ты собираешься делать? — спросил я опять.

— А вот что! — Илларион достал из кармана сложенный листок бумаги, долго глядел на него, потом быстро нагнулся и бросил бумагу в огонь. Вспыхнувшее пламя на миг ярко озарило лицо Иллариона. По его небритым щекам катились две крупные слезы.

— Если парень жив, бог даст, объявится рано или поздно. А нет — пусть ждет несчастный отец... Надеждой жив человек. Ты смотри, Зурико, не проговорись! Слышишь?

— Слышу.

— Ольга! — донеслось с балкона.

— Кто там? Входи!

В комнату вошел наш сельский агитатор Георгий Вашакидзе.

— Извините, что так поздно, но, понимаете, дело у меня неотложное!

— Привет агитатору! — Илико налил водку. — А ну, бери стакан!

— Пожалуйте к огню! — пригласила гостя бабушка.

— Ну, что скажешь нового, агитатор? Как идут дела на фронте? — спросил Илларион.

— Дела на фронтах Великой Отечественной войны идут неплохо. Наступление противника приостановлено. Гитлеровский план молниеносной войны потерпел крах! — выпалил агитатор.

— погоди, погоди. Об этом мы читали в газетах месяц тому назад. Ты что-нибудь новое скажи!

— Новое? Дело у меня к вам серьезное. Слушайте!

— Начинай! — скомандовал Илларион.

Агитатор встал, кашлянул и начал так, словно выступал на многотысячном митинге:

— Товарищи! Социалистическое государство в опасности! Вероломный враг стремится своими кровавыми лапами задушить нашу свободу и независимость! Доблестная Красная Армия наносит фашистским захватчикам сокрушительные удары!..

— Что ты заладил, чудак, по-газетному! — прервал агитатора вышедший из терпения Илико. — Скажи прямо, в чем дело?!

Агитатор смутился.

— Ну говори, говори, что тебе нужно? — подбодрил его Илларион.

— Да вот, подарки для красноармейцев собираем... Может, и вы чем-нибудь поможете, — сказал агитатор и облегченно вздохнул.

— Так бы и сказал, сынок, а то начал с Адама и Евы, — улыбнулась бабушка.

— А какие нужны подарки? — спросил Илико.

— Всякие: фрукты, чурчхелы, теплая одежда, варежки, носки теплые... Сегодня четверг, в понедельник от нашего села на фронт отправится вагон подарков. Если что надумаете, несите сюда, к Ольге. Завтра зайдут наши ребята, заберут.

Агитатор попрощался и ушел.

Мы долго сидели молча и думали — что бы такое подарить красноармейцам...

Тишину первым нарушил Илико.

— Какие у меня есть сокровища? Одна бурка, и та вон торчит за дверью... Встань, Зурикела, тащи ее сюда!

Я удивленно взглянул на Илико.

— Что ты вылупил глаза? Мир провалится, что ли, если такой старый хрыч, как я, не будет бурку носить! Все равно, уже весна скоро! Неси сюда бурку!

Я вышел на балкон и тотчас же вернулся с почти новой буркой Илико, той самой, которой он укрывался, которую берег, как зеницу ока и которую в свое время не одолжил даже Иллариону на его свадьбу — испортишь, мол.

— Позор этому старому дураку, господу богу, что тебя одноглазым сделал. Я-то знал, что у тебя золотое сердце, но, честно говоря, не думал, что в такой высохшей груди лежит целый самородок, — сказал Илларион и почесал за ухом. Потом он беспокойно заерзал на стуле и вдруг сорвался и выскочил из комнаты.

— А я знаю, куда помчался носатый! — ухмыльнулся Илико.

— Куда? — спросила бабушка.

— Домой! Ты что, нрава его не знаешь? Теперь он мне назло перевернет весь дом! Да много ли у него добра, у этого голодранца?

Не прошло и пяти минут, как вернулся Илларион и молча поставил рядом с буркой Илико свои единственные новые сапоги.

— С ума сошел, несчастный?! — вскочил Илико.

— Вставай, старик. Поздно уже, ты что, ночевать тут собираешься? — сказал Илларион и направился к двери.

...Я проснулся от легкого шороха. Бабушка сидела на краю кровати и, стараясь не шуметь, одевалась. Потом так же бесшумно встала, на цыпочках прошла в «кассу» и вернулась с чесалкой в руках. Поставив чесалку у камина, она подошла к кровати, распоролла тюфяк и стала клочьями выдирать из него шерсть. Затем уселась перед чесалкой на разостланную козью шкурку и принялась чесать шерсть, раскачиваясь всем телом в такт движению рук и что-то монотонно бормоча про себя.

Я долго молча смотрел на бабушку. И глаза мои наполнились слезами. Я думал о незнакомом солдате, для которого в эту зимнюю ночь моя бабушка дрожащими от холода руками вязала теплые носки...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР

Долгими зимними вечерами мы обычно собираемся у Илико. В камине весело потрескивают дрова, на сковороде аппетитно шипит кусок окорока, тут же рядом греется вино в небольшом кувшинчике. А мы режемся в нарды¹ или читаем вслух, но чаще всего беседуем о политике. Политика занимает нас больше всего. Да разве только нас? Стоит зима 1942 года, и немцы подошли к Москве.

..Илларион читает сводку Советского информбюро. Потом не спеша складывает газету и безапелляционно заявляет:

— Конец Гитлеру!

— А что слышно про второй фронт? — спрашивает Илико.

— Гм, не спешат союзнички... И вообще, хитрит Англия... К Америке пристаёт — отвернись, говорит, от Советского Союза и помощи нам.

— А Америка что?

— Это, говорит, не твое дело!..

— А тут еще Германия уговаривает Турцию и Японию: как только говорит, я вступлю в Сталинград, вы ударьте со своей стороны!

— Может быть, она думает, что в Сталинград вступить — это все равно что в «Красный крест»! — напишет Верочке Бурчуладзе заявление и ее с аплодисментами примут, да?

¹ Нарды — восточная игра.

Мы поднимаем бокалы и пьем за нашу победу, за тех, кто на фронте за установление мира.

— А я стихи вчера написал! -- вдруг выпалил я.

Илларион от неожиданности выронил кусок ветчины, Илико поперхнулся вином и посинел.

— Что ты сказал? — спросил, отдышавшись, Илико.

— Стихи написал... О войне!

Илико и Илларион переглянулись.

— Ну-ка, прочитай, пожалуйста!

Я достал из кармана лист бумаги, встал, выпрямился, протянул вперед левую руку и как можно громче начал:

Враг коварный, враг проклятый,
Он на нас полез с войной!
Не бывать ему с победой—
Мы дадим смертельный бой!
Герои наши не дремлют,
Гремят наши пушки и танки,
А если потребует Родина,
Я сам смело пойду в атаку! —

закончил я и с трепетом стал ждать приговора.

— Мда-а-а, написано довольно того... громко! — сказал Илларион после получасовой паузы.

— Это еще ничего, можно прочесть и тише... Но что с ним теперь будет? — ответил Илико, с сожалением глядя на меня.

— Скажи-ка, давно тебя тянет к стихам? — спросил меня Илларион.

— Уже месяц! — сказал я

— Где же ты был до сих пор, несчастный, вовремя не мог сказать, что ли? А теперь что делать будем? Бабушку твою бедную жалко мне, а то я и раньше знал, что в один прекрасный день ты все равно спятишь! — сказал Илико и махнул рукой.

— Ну, и как ты чувствуешь, легко они даются тебе? — спросил меня Илларион.

— Ничего... За день сочиняю восемь-девять таких стихов! Бумаги нет, а то больше бы написал!

— Бабушка знает про твое стихоплетство?

— Нет.

— Ну так и не говори ей. Хватит старушке своего горя... У тебя есть еще стихи?

— Есть. О любви...

— А ну прочти!

Я нерешительно взглянул на Илико.

— Валяй, валяй, теперь уже все равно! — сказал он.

Я достал из кармана второй лист бумаги и начал потише:

Ночь. Луна плывет по небу,
Снег и ветер, час ненастья.
Я люблю гулять средь ночи,
Слезы лью я, слезы счастья.
Не могу сомкнуть я очи,
Ошалел совсем я, братья!

Молчание длилось добрых пять минут. Илико и Илларион смущенно переглядывались.

— Что ты скажешь? — спросил, наконец, Илларион.

— Последняя строчка хорошо написана, с чувством...

— Но он говорил, что стихи — про любовь. Почему же о любви нет ни слова?

— Стесняется парень!

— Это же стихи, Илларион! В стихах всего не скажешь! — тался разъяснить я.

— Во-первых, это такие же стихи, как я шах персидский! А во-вторых, если стихи про любовь, нужно хоть упомянуть эту любовь!

— Да ну тебя! Человеку не спится, он бродит по ночам и с ума сходит — что это, по-твоему, если не любовь? — разозлился я.

— Ну, знаешь, дорогой мой, Илико всю свою жизнь был сумасшедшим, и бродит он больше ночью, чем днем, так он тоже влюблен? Как ты думаешь? — сказал Илларион.

— Эй, ты, старик, языку волю не давай! — вскочил Илико. — Мальчишка нацарапал какую-то чушь, при чем тут я? Спрячь сейчас же свою мазню, негодяй! — набросился он на меня.

— Погодите, сперва разберем стихи! — остановил его Илларион. — Вот у тебя сказано: луна по небу плывет, и тут же — снег, буран. Как же это? А?

Неожиданный вопрос застал меня врасплох.

— И еще. Вот ты говоришь: бессонница у тебя, ветер, снег, ненастье, мир рушится. Чему же ты радуешься? От какого такого счастья у тебя слезы льются, болван?

— Да что вы в стихах понимаете, из ума вы оба выжили! — обиделся я.

Илико разлил по стаканам вино. Илларион поднял стакан, привлек меня к себе и сказал ласково:

— Другая у тебя, дорогой мой, беда... Знаю я, от чего люди становятся поэтами... Когда я был мальчишкой, вроде тебя, я тоже сочинял стихи. Помнишь, Илико?

Без нее я жить не буду,
Застрелюсь я! Где патроны?!
Огонь любви меня сжигает,
Свет не мил мне без Матроны!

Илико утвердительно кивнул головой и захихикал.

— Тогда я тебя принял за сумасшедшего, но потом все прошло. Так и с ним будет!

— Вот так-то, сынок... А стихи ты пиши! За это людей не наказывают. Твоей девчонке, если она такая же дура, как и ты, может, и понравятся. А не понравятся — не горюй. Эта маленькая пташка — любовь — только что снесла яичко в твоём сердце. Пройдет время — вылупятся птенчики, оперятся, полетят. А потом — айда. Будешь бродить по свету влюбленный... За твою любовь, мой мальчик!

Я стоял смущенный, с опущенной головой и молча слушал Иллариона... И мне казалось, что он бережно держал на ладони мое сердце и читал все, что там было написано.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

— Чигогидзе!

— Здесь!

— Каландадзе!

— Я здесь!

— Сихарулидзе!

— Сихарулидзе заболел, а Чкония, Центерадзе, Бурчуладзе, Коридзе, Нинидзе и Глonti пошли его провожать.

— Пошли бы уж всем классом... — сказал сердобольный учитель. —

Вашаломидзе! Вашаломидзе!! Ваша-ло-ми-дзе!!! — надрывался учитель и стучал по столу кулаком.

— Здесь я, уважаемый учитель!

— Будешь ты здесь или не будешь, все равно от этого мало пользы!

— «Быть или не быть, вот в чем вопрос!» — патетически изрек

Ромули.

— Ромули Каландадзе, изволь выйти из класса!

— Холодно, учитель!

— Бери свою долю дров и убирайся! — поддержал я учителя.

Ромули вышел, бросив на меня испепеляющий взгляд. А над моей головой разразилась страшная гроза.

— Вашаломидзе, что было задано на сегодня?

— Применение соды...

— Ну, иди отвечать!

Я удрученно поплелся к доске.

— Существует несколько способов применения соды, — начал я. — Илико Чигогидзе, к примеру, насыпает соду на кончик языка и глотает прямо без воды; Илларион Шеварднадзе чайную ложку соды растворяет в стакане теплой воды; а моя бабушка...

— Вашаломидзе, убирайся вон!.. Кто живет с ним по соседству?

— Я! — встала Мери Сихарулидзе.

— После уроков отнесешь записку его бабушке... А ты чего стал?

Вон из класса!

— Я-то уйду, но кто в классе останется?

— Выходи... — прошептал учитель, поглядывая на чернильницу.

Я поспешно удалился. Вряд ли мог так сильно обрадоваться Колумб при виде суши, как обрадовался Ромули моему появлению.

— Вытурили?

— По твоей милости!

— Вот еще! Я-то при чем? Сидишь на уроке, как пень... Думаешь, я не знаю, что ты влюблен!

— В кого, дурак?!

— В Мери!

— Скажешь еще раз — получишь по морде!

— А я при чем? Весь класс об этом говорит.

— Да ты обалдел! Какое время нам любить?

— Подумаешь! Бабушка моя вышла замуж в четырнадцать лет!

— Ну и что?

— Ничего. Если хочешь, скажу ей...

— Любил бы — сам бы сказал.

— Как же, скажешь! В любви объясниться — это тебе не урок отвечать! Здесь без письма не обойтись!

— А ты писал когда-нибудь такие письма?

— Ого! Сколько угодно!

Я испытующе посмотрел на Ромули — не хитрит ли он? Но глаза Ромули светились неподдельной искренностью. Я поверил ему.

— Ромули, ты для меня все равно, что родной брат... Ну что скрывать... Помоги мне! Люблю ее, понимаешь?!

Ромули прямо-таки заржал от восторга. Он крепко обнял меня, приподнял, потом опустил на землю и заявил:

— Все в порядке! Остальное — за мной!

Свободного времени у нас было хоть отбавляй. Мы забрались в пустую классную комнату. Я уселся за стол, Ромули, заложив руки за спину, зашагал взад и вперед.

— Начнем... «Моя ненаглядная, дорогая, несравненная! Любовь —

это величайшее чувство. От любви человек немеет, глохнет, слепнет, теряет рассудок...»

— Неправда! — возразил я.

— Знаю, но так нужно... Продолжай: «С тех пор, как я впервые увидел тебя, я познал абсолютную истину красоты. Я понял смысл своего бытия, я воспринял тебя как апофеоз духовной страсти и эстетического наслаждения...».

— Ромули, откуда ты берешь такие слова? — спросил я потрясенный.

— Один студент из Тбилиси прислал моей сестре письмо. Он влюблен в нее.

— И что же, она собирается выйти за него замуж?

— Собиралась. Но потом один наш знакомый из Тбилиси сообщил, что тот студент совсем рехнулся... Продолжай: «Нет смысла скрывать, я люблю тебя больше жизни. Будь моим духовным другом, молю тебя! Меня лишили покоя твои глаза, ресницы, твой взгляд, твои жемчужные зубы, коралловые губы, агатовые волосы, пальцы, руки — вся ты... С тобой навеки или — смерть мне! На этом кончаю. До свиданья!».

— Ну, как? — спросил Ромули и подбоченился.

— Еще немного, и твоя сестра попалась бы на удочку, — сказал я.

— Камень прошибет, не то что девчонку, — сказал Ромули.

Я помчался на почту, купил конверт, вложил письмо, лизнул конверт, заклеил и спрятал его в карман.

К концу последнего урока я незаметно засунул письмо в сумку Мери и замер на скамье. Я не слышал, как прозвенел звонок, как разошлись товарищи. Я все сидел за партой, словно в дурмане, и не двигался, пока не пришла уборщица.

— С каких пор ты так полюбил школу, Вашаломидзе, что и домой не идешь? Подними ноги, вымести надо, — обратилась она ко мне.

— Здравствуйте, тетя Мака!

— Господи помилуй! Ты что, впервые меня видишь сегодня?

— До свиданья, тетя Мака!

Вечером я снова сидел у Илико и сражался в нарды. Я так увлекся игрой, что почти забыл про письмо.

— Ну как, больше не писал стихов? — осведомился Илико.

— Прочти, будь человеком, — ухмыльнулся Илларион.

— Илико! — раздалось со двора.

— Кто там?

— Это я, Ольга. Мой прохвост у тебя?

— Заходи, заходи, Ольга! Здесь он!

В комнату, ссутулившись, вошла бабушка, сняла шаль, поставила палку в угол, присела к огню и, помолчав немного, обратилась ко мне:

— Зурико, сынок, сколько лет твоему учителю химии?

— М-мм, лет тридцать — тридцать пять. А в чем дело? — сказал я и обратился в слух.

— Он немножко не того?.. Не тронут, а?

— От такого ученика — да не тронуться, — усмехнулся Илико.

— Что ты, бабушка! Да у него из ушей мозги капаят, — сказал я.

— Илларион, посмотри, ради бога, что он тут мне пишет! — сказала бабушка, протягивая Иллариону письмо.

Я похолодел...

Илларион надел очки, развернул письмо и спросил:

— Кто тебе принес письмо, Ольга?

— Мери, дочь Ладико Сихарулидзе.

Илларион не спеша начал читать:

- «Моя ненаглядная, дорогая, несравненная...»
- Это он пишет тебе? — спросил Илико бабушку.
- Мне, клянусь тобой!

Руки у меня похолодели, на лбу выступил пот. Илларион продолжал:

— «С тех пор, как я впервые увидел тебя, я познал абсолютную истину красоты... Я понял смысл своего бытия, я воспринял тебя как апофеоз духовной страсти и эстетического наслаждения...»

— Это место я что-то не поняла, — прервала бабушка.

— Да разве любовь поймешь, дорогая Ольга? — сказал Илларион.

— Да, но когда он успел так влюбиться?

— А сколько раз ее в школу из-за этого сорванца вызывали, вот и влюбился человек.

— «Меня лишили покоя твои глаза...», — возгласил Илларион.

— Чтоб он окривел! — сказал Илико.

— «...ресницы», — продолжал Илларион.

Илико скорчился от смеха и повалился на пол. Иллариона одолевала икота, но он все же читал.

— «...Твой взгляд, твои жемчужные зубы...». Здесь он немножко ошибся, — заметил Илларион.

— Чтоб ему пусто было, о каких зубах он говорит! — всплеснула руками бабушка.

— «...Коралловые губы, агатовые волосы, пальцы, руки — вся ты...», — читал Илларион.

— Хватит, ради бога, прекрати, не могу больше! — завопил Илико, почти теряя сознание. Илларион кончил читать и стал приводить в чувство Илико. Бабушка хохотала.

Один я стоял, как громом пораженный.

— Когда замуж выдаешь бабушку? Пригласишь на свадьбу? — еле выговорил сквозь смех Илико.

— Мда-а-а, — протянул Илларион, — тут что-то не так...

— Ай-ай-ай, Ольга! До чего человека довела!

— Дядя Илико! — донеслось со двора.

— Кто там? — откликнулся, вставая, Илико.

В комнату вошла раскрасневшаяся Мери. С минуту она дула на озябшие руки, совала их под мышку, топала ногами. Отогревшись, она сказала:

— Я искала бабушку Ольгу...

— Здесь я, дочка. Ну и письмо же ты мне принесла, чуть со смеху нас, стариков, не уморила, — сказала бабушка, протягивая ей письмо.

— Бабушка, письмо, которое дал мне учитель... Вот оно, я принесла... А это другое... Откуда оно взялось, даже не знаю...

— Господи, еще одно письмо? Илларион, прочти, пожалуйста!

— «Прошу явиться в школу в связи с недостойным поведением вашего внука».

— Опять? Опять осрамил меня, бесстыдник?! — Бабушка схватила палку. Я пулей вылетел за дверь.

— Не смей являться домой, мерзавец! Убирайся, куда хочешь! — крикнула вдогонку бабушка.

Вскоре во двор вышла Мери. Она шла, опустив голову, задумавшись. Платок сполз ей на плечи, спутанная прядка волос упала на лоб. Сейчас она напоминала мне картину какого-то известного художника. Я не помнил его имени. Мери прошла мимо, не заметив меня.

— Мери! — сказал я тихо.

Она остановилась. Я подошел к ней, осторожно поправил прядку.
Она не двинулась с места.

— Прочла?

Мери не ответила. Она лишь глянула на меня и пошла дальше.

— Мери!

Мери снова остановилась.

— Это Ромули во всем виноват... Он диктовал. Я хотел совсем не так, а он говорит, так нужно...

— Нехорошо так шутить, Зурико.

— Я не шутил, Мери. Я, Мери... Ты думаешь, я правда такой уж плохой?

— Нет, не думаю.

Мы медленно двинулись по свежему снегу. Снег все валил, не переставая, дул холодный ветер. Мы шли молча. Прошли мимо моего дома, мимо укутанной снегом чинары.

— Здесь похоронен мой Мурада...

— Знаю...

— Я очень любил Мурада, больше всех на свете. Я одинаково люблю его, бабушку, Иллариона и Илико.

— Знаю, Зурико.

— С каждым днем я люблю его все сильнее. И Мурада очень любил меня. Я с ним как с человеком разговаривал. Мы понимали друг друга. Когда он умер, я готов был покончить с собой. От любви человек и впрямь может сойти с ума! Тебе холодно?

— Мне не холодно!

Я скинул тулуп и набросил его на плечи Мери. Руку я не убирал. Так мы и шли по свежему снегу. Шли и молчали. Миновали дом Мери.

— Согрелась?

— Согрелась, Зурико.

— Ты ведь знала моего Мурада?

— Да...

— Он очень любил тебя. Он часто мне говорил: «Мери славная девочка, она лучше всех. Таких глаз, как у Мери, нет ни у одной девочки. Мери очень добрая и умная девочка...». Мурада очень любил тебя, так же, как меня, нет даже больше, чем меня, он никогда не лаял на тебя... Ты ведь тоже любила его?

— Да, Зурико, очень любила, очень.

— Мери!

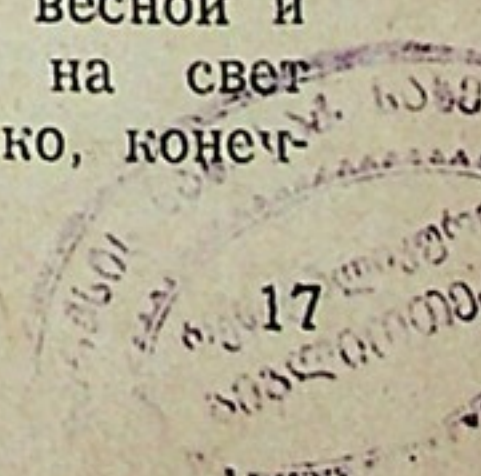
— Что, Зурико?

Я нежно обнял Мери, привлек к себе и зарылся лицом в ее распущенные волосы. Мери плакала, плакал и я. Снег валил хлопьями, и был ветер и луна, и солнце, и любовь, и слезы, и много, много снега... А спросить Илико, так и радоваться было нечему — ветер, снег, мир рушится. А я радовался и этому ветру, и луне, и солнцу, и моей любви, и этим белым-белым хлопьям снега.

ОДИННАДЦАТЬ ПУДОВ КУКУРУЗЫ

Любимую свинью Илико — чистокровную йоркширку с огромными обвислыми ушами, маленькими, заплывшими жиром глазами и коротким, смешно вздернутым рылом — все село звало Серапионой.

Свинья поросилась дважды в год, и каждый раз ранней весной и осенью на радость хозяину и удивление соседям производила на свет двенадцать розовых кругленьких поросят. Новорожденных Илико, конечно...

25-132

ис, продавал и зарабатывал на этом весьма недурно. В годы войны Илико стал обменивать поросят на кукурузу.

Неудивительно, что Илико души не чаял в Серапионе, называл ее кормилицей и буквально на руках носил. Сам не доест, а свинью накормит. Стоило только похвалить Серапиону, Илико таял. Он тут же бросался угощать вас водкой и ненаперченным табаком, обещал лучшего поросенка со следующего опороса и бог знает еще что. Мы с Илларионом прекрасно знали об этой слабости Илико и взапуски восхваляли десятипудовую йоркширку.

Вот и сейчас мы сидим под тенистой яблоней во дворе Илико, с уважением поглядываем на развалившуюся тут же Серапиону и мирно беседуем.

— Ну и свинья! В жизни не видел такой! — говорит Илларион.

— Кормилица моя! Сокровище мое! — Илико нежно щекочет Серапионе брюхо. Свинья блаженно щурит глаза и хрюкает. Илико с удивлением смотрит на покрасневшие, вздувшиеся соски свиньи — двенадцать сосков! Двенадцать породистых поросят! Бог даст, не сегодня-завтра Серапиона благополучно разрешится, и тогда — принимай, Илико, мешки с золотистой кукурузой!

— И где ты достал такую породистую свинью, Илико? — спрашиваю я.

— Э, дорогой мой, это — длинная история... Прабабушка Серапионы досталась в приданое моей бабушке Каленти, царство ей небесное!.. Говорят, неважная была свинья, хворая. Дед Харитон даже постыдился держать во дворе такую дрянь и решил ее выбросить...

— Напрасно, лучше бы прирезал! — сказал Илларион.

— Да кому она была нужна, больная! Время тогда было другое, не то, что сейчас...

— Сейчас война. Народ нуждается, — сказал я.

— Так вот, — продолжал Илико, — заупрямился, оказывается, дед Харитон — не желаю, говорит, видеть ее в моем доме... Да... А моя бабушка Каленти прямо на стенку лезет: вы, говорит, ничего не понимаете, это, говорит, породистая свинья, погодите, она еще покажет себя! И что же, бабушка, оказывается, была права! Моя Серапиона и есть потомок той дохлятины.

— Да она лучше некоторых молодцов, — сказал я.

— Зурикела, ведь ты умный парень! — просиял польщенный Илико, — ну-ка, скажи по совести, разве моя Серапиона не достойна всяческого уважения?

— А по-моему, Илико, дорогой, ты ее просто недооцениваешь! На кой черт тебе сдалась эта разбойничья фотография твоего деда Харитона с закатившимися глазами? Пригласи нашего Павлушу-фотографа и закажи ему портрет Серапионы — что ты можешь повесить в комнате лучше этого, — сказал Илларион.

— Илларион Шеварднадзе, если моя свинья не лучше тебя, пусть гроб вынесу из своего дома, — сказал Илико и так посмотрел на Иллариона, что я понял: назревал скандал, и это в то время, когда заветная бутылка с водкой была уже так близка! Я подмигнул Иллариону: нашел, мол, время шутить, и сказал:

— Не обращай на него внимания, Илико! Твоя свинья только говорить не умеет, а так — совсем как человек.

Илико испытующе взглянул на меня. Я выдержал его взгляд. Тогда Илико встал и, бормоча что-то под нос, пошел за водкой.

— Нашел время шутить! — набросился я на Иллариона.

— Идите вы все к черту! — огрызнулся Илларион. — Уже и слова нельзя вымолвить! Может, кланяться прикажете этой вонючей свинье?!

Илико принес бутылку водки, три стакана и пару заплесневелых чурчхел. Первые два стакана выпили молча, кивнув друг другу головой. Перед третьим Илико взял слово:

— Зурикела, теперь ты считаешься ученым человеком. Правда, со страшными мучениями и переживаниями, но все же дотащился ты до девятого класса. Ну вот, если не учил, так хоть слышал, может быть, что нашим предком была обезьяна.

— А какой же еще предок мог быть у тебя, как не обезьяна! — вставил Илларион. Теперь он ничем не рисковал — бутылка с водкой стояла перед нами. Но Илико будто и не слышал.

— Я хоть и не особенно силен в науке, но думаю, что это не совсем правильно. Мне кажется, что у разных людей были разные предки. Взять, к примеру, Серапиона Сепертеладзе... Его предком обязательно была свинья. Посмотри на мою Серапиону и на Серапиона Сепертеладзе, чем не близнецы? Говорить она не умеет? Ну и что же? Ведь рождаются немые люди? Вот так и моя Серапиона...

— А вот я расскажу об этом Серапиону Сепертеладзе, он тебе покажет предков! — сказал Илларион.

— Пожалуйста, расскажи! Что он, сам, думаешь, не знает? — отпарировал Илико. — Да я тебе лучше скажу. Видишь Иллариона? — продолжал он, обращаясь ко мне. Илларион насторожился.

— Ну, вижу...

— Знакомо тебе его упрямство?

— Ну, допустим, знакомо...

— Ты видел, как он смеется? Это же ослиный рев!

Я был вынужден согласиться.

— А его длинные уши тоже видишь?

Возражать не приходилось: факт был налицо.

— А теперь, если можешь, докажи мне, что предок Иллариона не был ослом?

Илларион поперхнулся чурчхелой и закашлялся. Отдышавшись, он встал, взял шапку и, не произнеся ни слова, направился к калитке. Потом с сожалением оглянулся на бутылку, вернулся, наполнил стакан, одним духом выпил и так же молча пошел к выходу. И только дойдя до калитки, он обернулся и крикнул:

— Ну, погоди, одноглазый черт, ты еще попляшешь у меня!

Илико удовлетворенно посмеивался.

...Приближался долгожданный день появления на свет божий йоркширского потомства. Ко двору Илико началось паломничество будущих свиновладельцев. Сдав положенный пуд кукурузы, они получали расписку следующего содержания:

— «Я, Илико Чигогидзе, получил от гражданина такого-то один пуд кукурузного зерна, взамен обязуюсь выдать ему одного поросенка (указывался пол новорожденного) после того, как перестанет сосать».

Переговоры проходили довольно мирно, если не считать одного обстоятельства: каждый покупатель старался во что бы то ни стало заполучить себе поросенка-самку.

— Люди! — сокрушался Илико. — Где это видано, чтобы свинья рожала двенадцать самок!

Были среди покупателей и такие, которые пытались выторговать саму Серапиону. Но Илико здраво смотрел на жизнь своим единственным

здоровым глазом. Душу бы дьяволу запродам, но Серапионы ни за что бы не лишился.

— Ну что тебе еще нужно? — приставал к нему Аслан из Суреби. — Отдаю за свинью коня и двести штук отборной дранки впридачу. Договорились?

— Ищи дурака, дорогой Аслан! Сейчас военное положение: коня могут забрать в кавалерию, а моя Серапиона кому нужна?

После этого Аслану оставалось безнадежно махнуть рукой и уйти.

Однажды вечером Илико пришел к нам и свалил под мушмулой мешок с кукурузой.

— Что это, Илико? — спросила бабушка.

— Вчера я выдал одиннадцать расписок на потомство Серапионы, — объяснил Илико, — и получил одиннадцать пудов кукурузы, теперь до осени мне хватит.

— Почему одиннадцать? — удивилась бабушка. — Ведь Серапиона всегда рождает не меньше двенадцати поросят?

— Одного поросенка я дарю твоему прохвосту... И вот кукурузу тоже, не обижайся, Ольга. Знаешь ведь, как я люблю этого мерзавца.

— Боже милостивый, пошли счастья и радостей Илико Чигогидзе и всей его семье. Пусть наполнится его дом добром, — прослезилась бабушка и поцеловала Илико в лоб.

— Ночью сходим на мельницу, через час зайди за мной! — сказал мне Илико и ушел...

Уже брезжил рассвет, когда я и Илико с мешками муки на плечах возвращались домой. На ветвях деревьев, точно соревнуясь друг с другом, старательно драли горло петухи. Вдруг мы услышали ужасающий вопль.

— Это Машико кричит, — сказал Илико. Неужели извещение о сыне получила, несчастная?..

Мы ускорили шаг.

— Угораздило же проклятую подыхать в моем дворе! — причитала Машико. — Попробуй теперь, убеди этого одноглазого, что я тут не при чем?!

Охваченный страшным предчувствием, Илико выронил мешок и, сразу обессилив, опустился на землю. Я стремглав помчался ко двору Машико, подбежал к плетню и застыл от ужаса: у самой калитки лежала и жалобно похрюкивала похудевшая до неузнаваемости Серапиона. Тут же валялось двенадцать поросятчих трупов!

— Что случилось, Машико? — с трудом выговорил я.

— Несчастье, несчастье, Зурикела... Вот тут через дыру в заборе пролезла и пожалуйста! Сколько раз я предупреждала его: присмотри, старый черт, за свиньей, не позволяй ей лазить куда вздумается! Не послушался, окаянный!.. Теперь пусть локти кусает!

Собрались соседи — пострадавшие, сочувствующие и просто любопытные. Последним во двор пришел Илико. Побледневший, осунувшийся, он долго смотрел на Серапиону, потом снял шапку, в сердцах швырнул ее на землю и сказал:

— Где твоя справедливость, господи! Совсем ее у тебя нет. Что мне теперь делать?

— Крепись, Илико! — раздались ободряющие голоса. — Ничего ведь страшного не случилось: свинья жива и все будет в порядке! При ее-то темпераменте!..

— А как быть с кредиторами? — сокрушался Илико.

— Обойдется как-нибудь...

— Соседи, люди добрые, согласны ждать до следующего са? — обратился Илико к кредиторам.

Наступило неловкое молчание.

— Ну как, подождем? — спросил кто-то.

— А что ты с ним поделаешь? Не отбирать же у него теперь кукурузу! Да и черта с два он ее отдаст!

Кругом захохотали. Даже Илико улыбнулся. Инцидент близился к благополучному концу. Но тут неожиданно в толпу ворвался Серапион Сепертеладзе.

— Эй ты, черт одноглазый! — набросился он на Илико. — Последний раз предупреждаю: или перемени кличку своей проклятой свинье, или я за себя не ручаюсь! При свидетелях заявляю!

— Ты что, пьян или белены объелся? Чего орешь! — огрызнулся Илико.

— Он еще спрашивает! Половина села собралась у моего дома — слышали, говорят, Серапион разрешился мертвыми поросятами! Бабы к жене лезут с соболезнаванием! А он еще спрашивает! Убью обоих, и тебя, и твою паршивую свинью!

Толпа покатывалась со смеху, и вместе со всеми хохотал Илико. Вырывавшегося из рук Серапиона насилу отвели домой.

Соседи понемногу разошлись. Остались только я, Илларион, Илико и Серапиона.

— Погубила она меня, — вздохнул Илико.

— Пойдем-ка домой, — предложил Илларион.

— Пойдем, Илико! — сказал и я.

В ту же ночь мы справили поминки по безвременно погибшим поросьятам...

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Шло время. Дни, похожие друг на друга, как испеченные в золе бабушкины лепешки, сменялись днями. И каждый новый день приносил новую радость. Отцы, мужья, сыновья, братья возвращались в родные дома.

Из нашей семьи на фронте не было никого, но я каждый день вместе со всеми выходил на дорогу встречать грузовики с возвращавшимися домой воинами. Вместе с другими я обнимал и целовал их.

Незнакомые смущенно улыбались, знакомые ласково трепали меня по щеке и отмечали, что я здорово вырос и возмужал. Радость, счастье и мир, неожиданно покинувшие наше село четыре года назад, вновь возвращались к нам. И село встречало бойцев, как встречает мать давно потерянного и вновь обретенного сына.

Шла весна 1945 года...

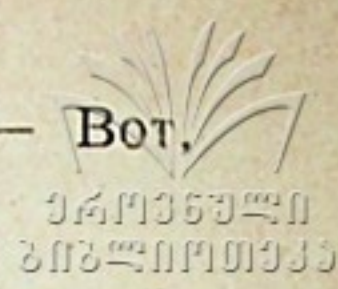
Под щедрыми лучами солнца расцветала пробудившаяся земля. Вдали, на склонах бархатистых гор, паслись стада. Воздух был напоен ароматом полевых цветов.

В школе занятий уже не было. Мы готовились к выпускным экзаменам.

Я и Мери с утра шли на околицу к старой заброшенной мельнице, усаживались в тени огромного орехового дерева и начинали зубрить.

Вот и сегодня мы сидим под деревом и готовимся к грузинскому устному.

— Стихи ты должен знать наизусть, — говорит Мери. — Вот, послушай, — это Галактион Табидзе:

В сердце мечта таится,
Небо — полоской ясной,
Юноша: стой, девица!
Девушка: сгинь, несчастный!

— Моя бабушка здесь бы сказала: чтоб ты провалился сквозь землю, бессовестный, — говорю я.

Мери смеется и закрывает мне рот рукой, не мешай, мол.

Потом я читаю свои любимые стихи, которых хотя и нет в программе, но я обязательно прочту на экзамене:

На Ксани и Арагви снова
Луга окрестные в цветах,
И терпкой патокой медовой
Опять кипят твои уста.

Мери сидит, обхватив колени руками и смотрит куда-то вдаль, в бездонную синеву неба, где плывут еле заметные белые хлопья облаков.

Через тысячу лет я тебя призываю, иди,
Стану горсткою пепла я в молниях жарких твоих... —

продолжаю я.

— Ты, я вижу, опять стихи сочиняешь?! — раздалось вдруг у самого моего уха. Я подскочил, словно ужаленный, и обернулся. Передо мной стоял улыбающийся Илларион.

— Мы к экзаменам готовимся. Здравствуй, Илларион!

— Вижу, вижу, как вы готовитесь... Ну, здравствуйте! — Илларион сел. — Как у вас идут дела?

— Заканчиваем, дядя Илларион, — ответила Мери.

— Заканчиваете или только начинаете?

— Что ты, Илларион! Остался всего один экзамен! — сказал я.

— Э, дорогой мой, экзамены у вас только начинаются! Ты, пожалуйста, не прикидывайся простачком!..

Я прекрасно понял Иллариона, но сделал недоуменное лицо и пожал плечами.

Илларион сначала долго и старательно ковырял палкой землю, потом поинтересовался, есть ли у меня табак. Узнав, что нет, достал свой, не спеша скрутил самокрутку, затянулся, выпустил длинную струю дыма и вдруг произнес речь, подобную которой я никогда еще от него не слышал:

— Человеческое житие, дети мои дорогие, похоже на мельницу. Видите то колесо? Колесо — судьба, а вода, бегущая по желобу, — жизнь человека. Вода — великая сила, дети. Вода сильнее огня, сильнее ветра, вода сверлит даже камень. И как ты направишь эту силу, так и будет вертеться мельничное колесо... Разный народ приходит на мельницу — одни за мукой, другие — за крупой, третьи — и вовсе без дела, сидят целый день, прислушиваются к грохоту жерновов, потом уходят... Помню, построили мы колхозную мельницу и пустили по желобу нашу речушку Лашу. Билась, билась вода, да так и не сумела сдвинуть колесо с места — силенок не хватило. Тогда мы подвели второй рукав реки, и — пошло дело! Завертелось колесо, да еще как! Понимаете, к чему я это говорю? Две реки — это надежнее, вернее!.. Вот вы скоро заканчиваете среднюю школу и собираетесь, конечно, продолжить учебу. Это хорошо, но... В городе люди почему-то быстро забывают род-

ное село, друзей, товарищей... Ты поедешь учиться в город, дочка? —
вдруг обратился Илларион к Мери.

— Вряд ли, дядя Илларион...

— Ну, тогда еще ничего! Значит, Зурико не сбежит от нас! —
Илларион похлопал меня по плечу и встал. Мери смущенно потупилась.

— Весь мир открыт для вас, дети, весь мир. А мы с Илико —
как этот старый камень, — сказал Илларион и показал на брошенный
посреди двора мельничный жернов. Большая черная ящерица взобралась
на него и, зажмурившись, нежилась на солнце.

* * *

Аттестаты зрелости вручали нам в торжественной обстановке.

Духового оркестра в нашей школе не было, поэтому мы пригласили
из района музыкантов, которые обычно играли на похоронах.

К полудню все наконец собрались. В президиуме сидели учителя и
родители отличников. Бабушки моей на собрании не было — ей не-
здоровилось, поэтому, верно, один стул в президиуме пустовал.

В своем вступительном слове директор школы сделал краткий обзор
состояния народного образования у нас и в капиталистических странах.
Потом он заявил, что отныне мы люди самостоятельные, что школа дала
нам все, что только могла дать и что впредь мы можем поступать, как
нам заблагорассудится, хоть головой об стенку биться. Потом он начал
вызывать нас по алфавиту. После беглой характеристики каждого вы-
пускника директор вручал ему аттестат зрелости, крепко пожимал руку и
оглядывался на фотографа Павлушу, который уже держал наготове под-
вешенную к аппарату грушу. Выпускник испуганно замирал, пока Пав-
луша отсчитывал про себя до десяти и махал рукой оркестрантам. И тог-
да раздавался оглушительный туш.

Когда очередь дошла до меня, оркестранты почему-то вообразили
себя на похоронах и заиграли «Таво чемо»¹.

Директор грозно сверкнул глазами, и оркестр тут же перешел на
туш.

После торжественного собрания должен был состояться концерт.
Но мы разошлись по домам — слушать песни нашего сельского хора, ко-
торые каждый из нас знал наизусть, не имело никакого смысла.

Бабушка, увидев мой аттестат, чуть не задушила меня в объятиях.
«Теперь меня и смерть не возьмет», — сказала она. Потом вдруг косо
взглянула на меня, положила аттестат на стол и молча вышла из ком-
наты. Я ничего не понял.

Спустя пятнадцать минут бабушка вернулась. За ней следовали Или-
ко и Илларион.

— Присаживайтесь, соседи! — сказала бабушка. Илико и Иллари-
он сели.

— Ну что, какая еще беда с тобой стряслась? — обратился ко мне
Илларион.

— Ничего особенного, получил аттестат зрелости, — ответил я и
протянул им аттестат.

— Поэтому я и позвала вас, — сказала бабушка. — Посмотрите-
ка, ради бога, — настоящий это аттестат или вроде той прошлогодней
похвальной грамоты, которая потом оказалась чужой?

Илларион взял аттестат, долго вертел в руках, внимательно изучал

¹ «Таво чемо» — ария из оперы З. Палиашвили «Даиси», исполняемая как тра-
гическая мелодия.

печать, подписи, даже на свет рассмотрел, потом передал Илико. Илико проделал с аттестатом то же самое, но более тщательно, и протянул его бабушке.

— Все в порядке, комар носа не подточит!

— Точно? — спросила бабушка.

— Точно! Во-первых, он не смог бы достать чистый бланк, во-вторых — печать настоящая, в-третьих — аттестат на обратной стороне заполнен и на русском языке, а этого не смог бы сделать ни один из учеников нашей Заблони, и, в-четвертых — взгляни на отметки: хоть бы одна четверка затесалась — сплошные тройки.

— Ну, слава богу! Утешил ты меня, Илико! — с облегчением вздохнула бабушка.

Илларион вновь потянулся к аттестату.

— Ат-тес-тат зре-лос-ти! — произнес он по слогам. Потом встал, подошел ко мне, постучал пальцем по моей голове, прислушался к звуку и, сокрушаясь, обратился к Илико:

— Ну, брат, если уже это называется зрелым; то...

— Ничего. Помидоры для продажи в город тоже незрелыми отправляют, чтоб не побились. Дорогой они созревают.

— Ну, раз так, давайте решать, что ему теперь делать, куда поступать, какую выбрать профессию? Должен же быть у человека какой-то план? — сказал Илларион.

— Ты на какой факультет думаешь поступать? — спросил меня Илико.

Я пожал плечами.

— Мой внук должен стать врачом, — заявила бабушка. — Составилась я, за мной уход нужен!

— Ты что, решила умереть обязательно от его руки? — сказал Илико.

— А может, ему на исторический пойти? Из историков секретари райкома получают! — сказал Илларион.

— Я бы на его месте пошел в юристы! — сказал Илико. — Взгляните на нашего судью. Приехал в село в рваных галошах, а теперь щеголяет в кожаном пальто и резиновых сапогах!

— Да куда ему с его сердцем — в юристы! Он ведь и арестовать-то никого не сможет!

— Может, пойти ему на литературный? Он ведь у нас стихоплет, и язык подвешен — дай бог!..

— А нет ли чего-нибудь такого, чтоб готовых профессоров выпускали? — спросила бабушка.

— Как же, есть! Такое заведение и окончил наш Илико! — обрадовался Илларион.

— Ты чего молчишь, болван?! Скажи, куда хочешь поступать? — набросился на меня Илико, будто и не слыша слов Иллариона.

— Я в артисты пойду! — вдруг выпалил я.

Наступила гробовая тишина.

— Чтоб я ослепла, многоженцем решил стать? — запричитала вдруг бабушка.

— Тронулся бедняга! — проговорил Илико.

Споры продолжались до рассвета. Наконец сошлись на мнении Иллариона, который вполне резонно заключил, что обладателю таких брюк, как у меня, следует поступить на экономический факультет, дабы обеспечить свое дальнейшее существование материально.

Бабушка, сняв с шеи серебряную цепочку с большим плоским ключом, подошла к нашему старому сундуку, откинула крышку и торжест-

венно извлекла оттуда дедовские зеленые бархатные брюки-галифе, огромные хромовые сапоги с подковками, шерстяную навывпуск блузу с накладными карманами, серебряный пояс и высокую каракулевую папаху. Потом разложила все это передо мной и, смахнув слезу, сказала:

— Вот, сынок, одевайся. Не отправлю же я тебя в чужие края таким голодранцем! Ты должен быть там лучше всех, дорогой мой...

Я крепко обнял бабушку и нежно поцеловал ее в глаза, потом выбежал в другую комнату, быстро переоделся и вновь предстал перед «комиссией».

— Скажи, пожалуйста! Вылитый Симона Долидзе!¹ — осклабился Илико.

...Ранним воскресным утром я, бабушка, Илико и Илларион стояли у обочины шоссе и «голосовали» перед каждой попутной машиной. Моросил мелкий косой дождь, дул холодный ветер.

— Садись в шоферскую кабину! — советовала мне бабушка.

— Не забудь есть чеснок, а то, чего доброго, схватишь заразу! — напутствовал Илларион.

— Как войдешь в вагон — облейся ладикалоном, верное средство против клопов и всякой гадости! — предупреждал Илико.

— Смотри у меня, чтоб завтра же прислал письмо! — требовала бабушка.

— Отправь лучше телеграмму. А вернее всего — пришли с попутчиком — быстрее дойдет!

— Не смей связываться с городскими шалопаями!

— Возвращайся скорее!

— Будет нужда в вине — пиши, не стесняйся!

Наконец остановилась грузовая машина. В кабине сидела женщина с ребенком. Бабушка трижды — от дурного глаза — повернула меня. Илико и Илларион по очереди расцеловали, я влез, и машина тронулась.

Вдруг на дороге показалась девушка со свертком в руке. Она бежала изо всех сил. Машина ускоряла ход, девушка — бег. Постепенно она замедлила шаги и совсем уже медленно подошла к провожающим. Девушка долго смотрела на удаляющуюся машину, потом повернулась и зарылась лицом в грудь Илико. Наверное, плакала. Плакал и я. А машина мчалась вперед, увозя меня все дальше и дальше от четырех дорогих мне людей.

Был дождь, и был ветер, и было солнце, была любовь, и слезы радости.

А машина все мчалась вперед. На шоссе уже не было видно никого. Я стоял в кузове и шептал:

— Прощай, бабушка!

— Прощай, Илларион!

— Прощай, Илико!

— Прощай, Мери!

ПОЕЗД

На привокзальной площади в Махарадзе водитель высадил меня и потребовал плату за проезд. Я отстегнул серебряный пояс, задрал подол просторной блузы и стал расстегивать брюки. Водитель сперва в испуге оглянулся, потом схватил меня за руку.

¹ Симона Долидзе — народный герой.

ՀԱՐՑԵՅՑԻ
ՆՈՑՆՈՐՈՅՑԻ

— Ты что, обалдел?!

— А как же тебе заплатить?

— Вот чудак! Зачем же для этого среди бела дня штаны скидывать?

— Да ведь карман-то пришит изнутри! — успокоил я водителя и продолжил свое дело. После долгих поисков мне наконец удалось обнаружить потайной карман. Я извлек из кармана деньги и только принялся их отсчитывать, как вдруг раздалось фырканье. Мотор несколько раз громко чихнул, затем выпустил прямо на меня густые клубы фиолетового дыма. Пока я приходил в себя, машина описала круг и остановилась у самого моего носа. Из кабины высунулась красная физиономия водителя. И я услышал его веселый смех:

— Ладно уж, одевайся! Не нужно мне твоих денег!

Мотор еще раз чихнул, и машина рванулась с места.

— Будь здоров! — крикнул я вдогонку.

Водитель выглянул из своей обшарпанной машины и приветливо помахал мне рукой.

...Доехать до Тбилиси оказалось гораздо легче, чем приобрести билет. Эту истину я установил после непродолжительной беседы с кассиршей. Поэтому я выкинул из головы мысль о покупке билета и вышел прямо на перрон.

Через час подошел поезд. Людской поток подхватил меня, понес и прижал к лесенке вагона. Я задыхался. Сзади напирало чье-то колено. Кто-то больно тянул меня за волосы. Когда я понял, что мой аттестат зрелости пропадает зря, я собрал последние силы и впился ногтями в ногу проводницы. Паровоз и проводница взвыли одновременно. Суматоха усилилась.

— Ну, чего стал?! Нажимай!

— Убери ногу с моей головы!

— Не бойся, дяденька, ноги у меня чистые!

— Ладно, клади тогда и вторую!

— Уважаемые пассажиры, пропустите меня, я же с билетом!

— Смотри не потеряй его, держи крепче!

— Держите вора!

— Пусти чемодан, подлец!

— Милиция, стреляй!

— В кого стрелять? Почему он знает, где твой вор?

— Ну, тогда в меня стреляй!

— Смелей, смелей! Жми наверх!

Раздался свисток. Потом два раза ударили в колокол, потом кто-то втолкнул меня в вагон, и паровоз, словно только этого и ждал, вдруг дернулся и загудел. Поезд тронулся.

Страсти понемногу улеглись. Я забрался на третью полку, подложил под голову свой узелок и прикрыл нос папахой. Вагон мерно покачивался, скрипел. Колеса выстукивали монотонную дробь.

— Мост... — слышу я сквозь сон чей-то голос.

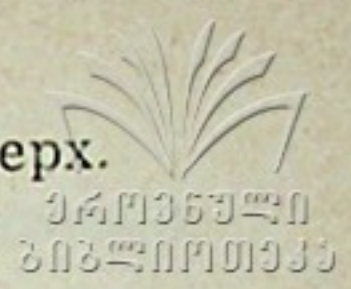
— Эй, кто-нибудь, откройте окно, задыхаюсь! — говорит кто-то другой.

— Нужно дышать по очереди, иначе до Тбилиси воздуха не хватит! — говорит третий.

— Чей это чемодан? Уберите сейчас же, иначе выброшу его в окно! — На этот раз я свешиваюсь с полки и вижу говорящего. У него острый, похожий на топор, нос, да и все лицо какое-то острое.

— Попробуй, тронь! Вылетишь вслед за ним! — огрызнулся полный пассажир с веснушчатым, словно индюшачье яйцо, лицом.

— Ты как думаешь, нога у меня казенная? Убери, говорю, чемодан. Не то выброшу в окно!

Владелец чемодана нехотя взял свой чемодан и взглянул наверх.

— Эй, как тебя зовут! — окликнул он меня.

— Зурико.

— Так вот, сходи сейчас же вниз! Развалился там, как князь Багратион-Мухранский! Место это для чемоданов, понял?

— А чем я хуже вашего чемодана?

— Э, брат, в этом чемодане на три тыщи продуктов, а у тебя в голове — что!

— Зачем вы меня оскорбляете, дядя?

— Приношу свои извинения, уважаемый! А теперь скатывайся вниз! Да поживее!

— Не сойду! Думаете, дома у меня не было чемодана? Был, но я его с собой не тащил. Нечего чемодану разъезжать в поездах! Его место — под тахтой! Да!

— Ты как со мной разговариваешь, болван? Да у меня, если хочешь знать, четыре сына, и каждый старше тебя!

— И приятно тебе будет смотреть, как твоего сына сгоняют с места? — спросил пассажир с лицом, похожим на топор.

— Ах так? И ты туда же? Пожалуйста, в таком случае пусть мальчишка лежит на полке, а мой чемодан на твоей ноге! Мне наплевать! — сказал владелец чемодана и сел.

— Сойди вниз, сопляк! Слышишь?! — теперь уже на меня набросился «топор».

— Не сойду! — ответил я.

— Проводни-и-ик! — завопил «индюшачье яйцо».

Проводник просунул в дверь сперва фонарь, затем — нос и потребовал предъявить билеты. Но тут же сам усмехнулся своей глупости и велел приготовить деньги. Получив с нас деньги за проезд, он вышел.

Наступило молчание. Каждый думал о чем-то своем. Убаюканный ровным покачиванием вагона, я вновь задремал на отвоеванной полке... И словно наяву я вижу, как во двор входит Илико. Он тащит на плече мешок с кукурузой. Вот он снял свою ношу, положил ее под мушмулой, сам присел тут же в тени и задымил самокруткой.

— Илико, дай закурить! — прошу я, но Илико не обращает на меня внимания, он смотрит куда-то вдаль.

— Дядюшка Илико, дорогой, ну угости же меня табаком! Ведь это я, Зурико, не узнаешь меня?

Илико встает и исчезает в тумане.

— Илико-о! — зову я.

— Кто там?

Продолжение следует

Теймураз ДЖАНГУЛАШВИЛИ

КРАСНОАРМЕЕЦ ОКТЯБРЯ

В Москве, в Центральном музее В. И. Ленина хранится красноармейская книжка Владимира Ильича. Ленин был зачислен почетным красноармейцем в Ейский 195-й стрелковый полк.

Тот восемнадцатый суровый год
Великим был и трудным испытаньем:
Сквозь дым сражений,
Сквозь века страданий
К заветной цели
Шел простой народ.

Кровавая, неравная борьба!
Страна гремела и мужала в битвах,
И Ленина бессмертные слова
В Декреты первые тогда отлиты.
Декреты Мира, Хлеба и Земли!
Декреты о Свободах и Победах!
Они навеки исключили беды
И к зорям будущим
Нас повели.

В тот восемнадцатый суровый год
Декрет об Армии подписывает Ленин,
Чтоб счастье всех грядущих поколений
С оружием в руках
Отвоевал' народ.

И Ленин — первый в Армии солдат,
Правофланговый в том могучем строе.
И по-солдатски прост и верен взгляд —
Суровый взгляд солдата и героя.
Мозг Революции
И сердце Октября —
Он солнцем нашу озарил планету.
И вот плывет она, теплом согрета,
Его наказы прочно сохраняя.

Затихли бури.
Враг давно разбит.
В музейных залах — тишина и строгость,
И под стеклом — величие и скромность —
Красноармейца книжечка лежит.

И слышится фронтов ушедший гул,
И замирает где-то в отдаленье,
Когда читаешь строчки:
«ВЛАДИМИР ЛЕНИН.
ПЕРВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.
КРАСНОАРМЕЕЦ...»
...И Ейский полк победное сраженье
Дает непримиримому врагу.

Великий полководец и солдат!
Лихой години злые испытанья,
Огонь борьбы
И Партии заданья,
Народа счастье,
Алый флаг восстанья —
Его глазами нам в глаза глядят.

КОММУНИЗМА МАСТЕРА-СТРОИТЕЛИ

Рождают битвы воинов-героев,
Великих мастеров рождает труд.
Моя страна — большое поле боя,
Здесь мирное сражение ведут.

И в шуме строек, в грохоте моторов
Встает суровых буден красота
Людей, трудом прославленных, которых
Кремлевская приветствует звезда.

В полях колхозных, хлебных и просторных,
В глубоких шахтах, у станков и карт
Ведут сраженье мирные колонны —
Ряды коммунистических бригад.

Они плотны: плечом к плечу с ученым
Встает студент, крестьянин и солдат.
И над страной, работой увлеченной,
Победно гимны мирные звучат.

И труд уже захлестывает небо
Орбитами летящих кораблей.
Нам по плечу теперь любая небыль,
И зори коммунизма — все светлей.

И клич работы радостный несется,
И строй побед венчает славный путь.
Мы—дети Солнца. Мы стремимся к Солнцу.
Врагам ряды стальные не согнуть.

Перевод с грузинского В. Дробышева

Алио АДАМИА

НЕ ПРАЗДНО ПРОХОДИЛИ НАШИ ДНИ

Не праздно проходили наши дни,
Не только праздники мы отмечали —
У нас была работа и печали...
Да, многое осталось за плечами —
Не праздно проходили наши дни.
О поколение, летописец дел,
Не все еще рассказано тобою...
Но вот, глядите, в небо голубое
Корабль космический
С небесною сестрою —
Свершеньем наших замыслов — взлетел!
Мухелишвили интегралов вязь
Сплетал в замысловатости соцветий...
В них — разрушений и свершений связь,

В них — мудрость века, ум тысячелетий.
И словно бы галактик дальних звон,
В которых зов задумчивый гнездится,
Строкой весенней наш Галактион
Звенел и пел — Галактион Табидзе.
Богат и труден наш двадцатый век.
В нем много сокровенного таится.
Еще придет пристрастный человек,
Еще не перевернута страница!
Не праздно проходили наши дни,
Не только праздники мы отмечали —
У нас была и радость, и печали...
Да, многое осталось за плечами —
Не праздно проходили наши дни.

Перевод с грузинского В. Дробышева

ПЛЯСКА ТУШИНОК

В зале пестрый ковер разостлали,
И пандури, вздохнув, запели...
Но откуда же маки в зале,
В белом царстве декабрьской метели?

Это пляска ковровщиц-тушинок,
Это вечного лета подарок!
Ветер трогает косы тушинок,
Словно чуткие струны гитары.

Вот тушинка трепещет в пляске,
Как волна реки Алазани.
Вот тушинка с улыбкою ласковой,
А как глянет — прожжет глазами.

О весне говорили пандури,
И попарно тушинки плясали.
Вот закончили... С ветром, с бурей
Вновь декабрь воцарился в зале.

Перевод с грузинского Д. Маркиша

МАТЕРИ

С той поры, когда ветры старости
Просвистели в моей груди,
О дорога, сквозь все усталости
Ты мне шепчешь: «Иди, иди...»
Вот мой двор и калитка ветхая...
И, склоняясь навстречу мне,
Отсыревшими за ночь ветками
Бьют орешники по земле.
Обнимают соседи радостно...

Все здесь так, как было всегда:
Там, за рощею, нивы расстланы
И по склонам бредут стада;
Шевелится в овраге мельница,
Где пронизано солнцем дно,
И девчата, ступая медленно,
Для помола несут зерно.
Я стою и гляжу внимательно,
И, как отзвук далеких дней,

Тихий, ласковый образ матери
Возникает в душе моей.
Мать глядит на меня расстроено...
Это ты? Ты пришел, сынок?
Защищал вместе с братьями родину,
Но обратно вернулся не в срок...
Лишь сестра приезжает изредка,
Разжигает скупой очаг,
Словно в детстве, лихие искорки
Засверкали в ее очах.
Печь трещит поленьями белыми,
Сходит в комнату свет по ним,
И поет в траве колыбельную

Фиолетовый терпкий дым!
Ах, давно серпы не косили,
И давно их изъела ржа...
Знаю я — ты большой и сильный,
Только стонет твоя душа...
Я стою и гляжу внимательно.
Ива — вся в золотых слезах.
И стирается образ матери
В помутневших моих глазах.
Ветер, седой и сгорбленный,
С мокрой ивы срывает лист...
Жаль, что старость и детство гордое
Слишком поздно во мне сошлись!

СВАДЬБА

Взорвался искрометный бубен
Под злой гитарный перебор,
И танец, радостный и буйный,
Помчался, ветру вперекор.
Был танец страстен, как исканье,
В сплошной нетрезвости вокруг,
Он мчался на рукоплесканьях
Из края — в край, из круга — в круг!
Старик вскочил в кромешном геме:
«Живей пляши! Живей! Живей!»
Он музыку дробил ногами
Перед старухой своей.
И сразу молодыми ставши,
Они легко поплыли в круг
Под бубен, под лихое таши
Повсюду запорхавших рук.
...И кто-то пляшет, будто плачет,
И дом плывет куда-то вверх,

А посредине пляшет, пляшет,
Азартно пляшет прошлый век.
И мчится мальчик, мальчик с пальчик,
Старик, что статен и высок...
Невеста слез своих не прячет,
В глазах ее — восторг, восторг!
«А ну-ка, жениха по кругу!»
И бубен рвется на куски...
И приглашая в круг подругу,
Жених поднялся на носки.
А бубен бьет чеканно, веско.
Звучит гитары четкий ритм...
Плывет стыдливая невеста
И молча что-то говорит.
...Мелькают лица, ноги, руки,
Все мчатся, хлопают, свистят,
И снова — звуки, звуки, звуки
В прозрачном воздухе летят!..

Перевод с грузинского И. Тимофеева

Элизбар ЗЕДГИНИДЗЕ

Окно на третьем этаже

РАССКАЗ

Авторизованный перевод с грузинского М. Эделя

Недавно исполнилось 60 лет Элизбару Зедгинидзе — грузинскому прозаику, автору множества рассказов, повестей, романов.

Имя Элизбара Зедгинидзе широко известно советскому читателю. Мягкий лиризм писательской манеры Э. Зедгинидзе придает особую привлекательность его произведениям.

Мы публикуем один из новых рассказов Элизбара Зедгинидзе «Окно на третьем этаже», посвященный 20-летию освобождения Ленинграда от блокады.

Каждое утро он неторопливо шел по Невскому, казалось, никого не замечая. Черный костюм и строгий галстук как бы подчеркивали его сосредоточенность.

Изредка его окликали. Тогда, словно просыпаясь, он радушно отвечал на приветствия, первым протягивая сухую теплую ладонь, осведомлялся о здоровье.

В Ленинград он приехал прошлой осенью из Тбилиси. Его привлекли архивы Института востоковедения, таившие бесценные страницы о прошлом Грузии. И вот он просиживает теперь целые дни в прохладных подвалах, листая хрупкие, подобно осенним листьям, страницы рукописей, повествующих о славе родной страны.

Перечитывал Книгу законов, переведенную с греческого Эвктимием Афонским (ее считали утерянной). Волновала его приписка к книге — «Летописец превратился в прах, письма его остались».

К концу дня он входил в Румянцевский сад, садился на длинную скамью, поближе к играющим детям, с улыбкой прислушивался к их веселым голосам. У него никогда не было жены, детей, хотя ему минуло уже сорок. Не спеша доставал табакерку, тщательно свертывал самокрутку. В архиве он не курил, зато сейчас вознаграждал себя сторицей, с наслаждением вдыхая ароматный дым.

Когда он выходил из сада, его нередко окликал знакомый старик-киоскер:

— Вахтанг Дариспанович, получен табак из ваших краев. Купите, пока не распродали...

Дома у Вахтанга накопилось уже бесчисленное количество пачек этого табака, ими были забиты ящики письменного стола. Но он все покупал их, уважая старого учтивого киоскера.

В то воскресенье он долго сидел в саду, очарованный белой ночью.

На бледном пепельном небе неподвижно белели легкие облака, словно отдыхающие перелетные птицы.

Сад давно опустел. Дремлют влажные от вечерней росы скамьи. Вахтанг один под большим шатром блеклого неба; его никто не ждет на огромной земле. Задумался Вахтанг, замечтался. О чем? О родном крае? Об утраченной любви? Об ушедших годах?

Неожиданно кто-то запел... Чей-то голос звал: «О, выгляни в оконце...»

В доме на противоположной стороне улицы на третьем этаже раскрылось окно. Девушка оперлась подбородком на подставленные ладони.

Вахтанг замер. Он знал — песня рождается с первой любовью и сгорает вместе с ней...

Окно закрылось.

А Вахтанг все стоял, очарованный песней.

...Тбилиси. Улица на Вере, маленькая Вардисубанская улица. Окно на третьем этаже. Вахтанг будет ходить вверх и вниз по улице, пока в окно не выглянет Кетеван.

Наконец она выглянула. Вахтанг улыбнулся ей. Улыбнулась и Кетеван... Больше он ее не видал. Это была ее последняя улыбка. Вскоре Кетеван вышла замуж за другого.

Прошло десять лет. Забыть Кетеван он не мог. И вдруг теперь — песня!

Ведь это любимая песня Кетеван. Медленно, как тогда по Вардисубанской улице, он пошел по аллее... Ему хотелось взглянуть на девушку, раскрывшую окно, хотелось увидеть и того, кто пел.

Он улыбнется, только улыбнется издали... Смотреть на чужое счастье — тоже счастье. Вдали, в конце аллеи, он увидел две фигуры — мужскую и женскую. Их тени соединились.

Робкий свет белой ночи дрожит в аллеях. Непрерывный день. Как будто не существует ночи, не суще-

ствует мрака, в мире царствует лишь свет и радость.

За Невой — то же пепельное небо, словно лучи звезд, мерцают тонкие шпили... Лебедями плывут облака. Река медленно, бесшумно несет свои воды.

Окутанные странным светом, молчат дворцы, мосты, памятники.

Вахтанг невольно шепчет столь знакомое: «Люблю тебя, Петра творенье».

Дремлют широкие площади, проспекты.

Вот колесница Славы, колесница Апполона, взвихренные на дыбы кони, кажется, вот-вот они сорвутся и полетят в это блеклое небо.

Марсово поле... Могилы, могилы и памятники. А вокруг цветы. Незабудки, фиалки...

Тает белая ночь, за куполами Смольного рождается золотой свет восходящего солнца.

* * *

Пришла осень. Бесшумно падают легкие листья. Сердитый ветер гонит их по аллеям.

Сад пуст. Умолкли детские голоса. Вместо них гроыхают снаряды. Город белых ночей окружен врагом. Вахтангу кажется, что величественный город лежит распростертый, как воин на бранном поле.

Вахтанг проходит мимо Румянцевского сада.

Он с трудом передвигает ноги... Совсем обессилел... И сегодня, как всегда, он долго пробыл в подвалах архива.

Каждый день он съедает кусок хлеба и заваренную в горячей воде муку... Впрочем, это не мука, а отруби, или, скорее, какие-то опилки, ибо и отруби имеют, вероятно, какой-то вкус.

Вахтанг постоял у входа в сад. Вслушался. Безмолвие. Вспомнил ту белую ночь: «О, выгляни в оконце...»

Очутился у того дома. В окнах темно. Вдруг в воздухе пронесся тронизирующий свист... Где-то там, за громадами домов, что-то упало

и грохнуло... Вздрогнула земля, взлетело в воздух крошево асфальта.

Бежать он не в силах. Что будет, то будет...

Наконец он заставил себя сдвинуться с места...

К небу, когда-то ясному, чистому, взлетают тучи обломков, камней, земли.

И утром, когда он шел в архив, тоже падали снаряды. Но он остался цел.

— Стреляйте! Стреляйте, обращайтесь во мрак белую ночь, — шепчет Вахтанг.

Наконец он заставил себя сдвинуться с места...

— Никогда больше не приду сюда. И вообще, пойду и лягу. Так будет легче.

Долго поднимался на второй этаж. С большим трудом открыл дверь, вошел и едва прикрыл ее за собой. Да и зачем запереть двери, кому нужны эти кресла, люстры, рояль, ковры, — все это не стоит одного куска хлеба.

Опустился на кровать, лег навзничь.

Табак. Единственное, что осталось, чего пока много. Он свернул первую сигарету, за ней вторую, третью, четвертую... Да, он будет лежать и курить... Сколько сможет. Табак заглушает голод. Вахтанг прикуривал следующую сигарету от окурка...

Завтра утром, если хватит сил, он выйдет и получит хлеб, сто двадцать пять граммов. Их должно хватить на весь день... Он положит хлеб на стол, отрежет крохотный кусочек, соберет крошки и проглотит их. Потом будет долго курить. В архив он уже не сможет пойти, надо беречь гаснущие силы...

Так прошел декабрь — голодный, снежный, ледяной.

* * *

В кабинете директора института собрались профессора, научные сотрудники.

— Давно не видел Вахтанга ^{До-}наде. Надо бы узнать, что с ним... Директор оглядывает своих ^{коллег} У всех бледные, изможденные ^{ли-}ца. — Он наш гость... Одинокий, без близких. Ему тяжелее, чем нам...

Директор поднял телефонную трубку, набрал номер. Долго о чем-то просил, ему отказывали, но он не отступал:

— Необходимо спасти его. Если он погибнет... — Директора перебили. — Знаю, многие гибнут. Но поймите, в нашем городе мы единственные его друзья. Для него нужно сделать исключение. Мы не должны допустить... — Директора снова перебили. — Если не сегодня, то хоть завтра, послезавтра... Вы вздыхаете... Знаю, все взвешено до грамма... Но все же... Ваш вздох я принимаю как желание помочь. И вас ведь мучают те же чувства... От имени всех ученых прошу... Благодарю вас, запишите, пожалуйста, его фамилию. Да, да, мы его известим.

Директор положил трубку, обессиленный откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Разговор утомил его, он затратил непомерную дозу энергии.

* * *

Над городом, умолкнувшим, но непокоренным, нависли неподвижные тяжелые тучи... Нахмурились грозные монументы... Город укутан снегом.

Вахтанг не шевелится, его сковала тяжелая дремота, близкая к обмороку. Вдруг ему почудился стук в дверь. Померещился далекий зов... Как будто называли его имя... Он приподнялся. Зов повторился. Вахтанг присел, пошарил по столику, нашел спички. Оказывается, в коробке их всего две. Достал одну, осторожно, чтобы не уронить, вторую — последнюю. Никто не стучит, никто не зовет его. Прикурил сигарету, затянулся... Закашлялся.

Снова слабый стук. Кто стучит,

кому он нужен? Ах, да... Проверяют — жив ли он.

— Жив! Жив! — крикнул он. Встал и побрел к дверям, пусть увидят, что он жив. На пороге — женщина с сумкой через плечо, почтальон.

— Живы? — услышал он.

— Жив! — с гордостью ответил Вахтанг. Хорошее это слово: «жив».

— Вам открытка. Тут написано, что вам нужно явиться в институт... Постарайтесь. Желаю удачи. — Она ушла.

Вахтанг зажег последнюю спичку и успел прочесть лишь свое имя. Надо выждать до утра. Теперь и курить не придется. Лег, держа в руках открытку. Что принесла она? В тревожном полузабытье пролежал всю ночь.

Наконец рассвело. Он встал, подошел к окну. Всмотрелся в строчки. С трудом разобрал. Ему нужно явиться в институт, имея при себе хлебную карточку, паспорт. Его не забыли. Ему хотят помочь, иначе бы не тревожили.

Вахтанг брел по пустынным улицам. Вот и институт. Открыл дверь кабинета директора.

— Донадзе? Как вы себя чувствуете, дружище? — Директор подал Вахтангу руку.

Что ответить? Чувствовал, что надо сказать что-то приветливое, уж очень искренен и участлив был тон директора.

— Вы направляетесь в стационар. Там подкрепитесь и... — Не закончив фразы, директор протянул ему направление.

Взял листок, хотел что-то сказать, но туман перед глазами сгустился, директор стал тенью на стене. «В этой бумажке — жизнь», — подумал Вахтанг. Разум смутно воспринимал происходящее.

— Сможете дойти пешком? — вновь услышал Донадзе.

— Смогу...

Хотел поблагодарить громко, горячо. Но он лишь прошептал что-то побелевшими губами и побрел к дверям.

* * *

Серая туманная мгла опустилась на улицы, покрытые мертвящей пеленой снега.

Вахтанг миновал Дворцовый мост, Александровский сад. Все безжизненно. Даже вороны оставили город. Впрочем, за чертой города ворону есть чем поживиться.

Исаакиевский собор... Сейчас и он окутан серой мглой. Купол и шпиль покрыты маскировочной краской, издали кажется, что купол — огромный воздушный шар, готовый взлететь.

Вот и «Астория», большое пятиэтажное здание.

Широкие мраморные лестницы, казалось, ведут в обетованный мир. Вахтанга проводили в комнату, указали кровать у окна. Он положил на столик портфель, набитый пачками табака. Единственное, что захватил с собой. И вдруг почувствовал острый голод, невыносимый, мучительный.

Его усадили за накрытый стол. Долго сидел, закрыв глаза. Перед ним — еда, много еды. Конечно, это мираж... Разве возможно такое в голодном городе?

Но из чайника шел пар, теплый, домашний. Вахтанг смотрел на белый хлеб, масло, яйца, сыр. Рука не слушалась. Намазал на хлеб масло и с трудом поднес ко рту. Нет, это не сон. Налил чай, хлебнул глоток и забылся.

«Съем еще один кусочек хлеба и хватит», — сказал себе Вахтанг.

Второй кусок намазывал, не оглядываясь, ему было стыдно, что он так много ест. Стыдно перед теми, которые бродят по улицам или, как он вчера, лежат в постели.

— Хватит, хватит. Лучше закурить. Вдохнуть сладкий дымок и снова забыться...

Быстро свернул сигарету и прикурил. Снова жизнь! Да, жизнь...

Вахтанг проснулся после долгого сна. Искал глазами накрытый стол. Да, это был сон. Несомненно, сон.

— С вас можно брать пример, как надо спать, — услышал он.

На соседней кровати Вахтанг увидел молодого человека с каштановой бородкой.

— Где я?

— Там, где возвращают к жизни людей. Теперь вы будете жить.

* * *

По вечерам все обитатели стационара собирались в зале отдыха.

Пожилой длиннорылый мужчина с вихрастыми бровями, часто поправляя старомодное пенсне, рассказывал:

— Все, что мне давали в институте, я относил жене и внуку. Я уверял жену, что свою долю я уже съел... Она верила. Когда же наступит конец этому?

— Скоро, скоро придет им конец, недолго проклятым фашистам топтать нашу землю, — заметил его сосед, угрюмый старик.

— Да, конец их недалек. Я уже сказал — все относил домой. И занемог. Свалился с кафедры во время лекции, коллеги все поняли и отправили меня сюда. Не знаю, кому нужна моя жизнь. Мой сын — молодой, цветущий, — погиб...

Он умолк, сжал губы, проглотив подступивший к горлу комок. Затем уже другим голосом спросил Вахтанга:

— Вы откуда?

— Я? Из Грузии.

— Из Грузии? Как вы в такое время очутились в Ленинграде?

— Меня направили в Институт востоковедения. Я изучал архивные рукописи... В давние времена погиб в Швеции генерал-фельдцехмейстер, друг Петра Первого... Его называли первым русским пушкарем... Это был грузинский царевич Александр. Шведы заточили его в Стокгольмскую крепость. Чего только не сулил Петр шведам, чтобы выволить царевича Александра. Сначала шведы потребовали шестьсот пудов золота. Но такое количество опустошило бы казну, и Петр не согласился. Тогда они потребовали в обмен на царевича освободить шестьдесят пленных шведов — офице-

ров. Петр согласился. Но тут шведы передумали. Наконец после десятилетнего заключения Александра отпустили. По дороге в Петербург он скончался.

— Стоит ли вспоминать столь далекие события, — слышался чей-то голос.

— Как же можно не знать своего прошлого?

К Вахтангу приблизился молодой человек, его сосед по комнате.

— Не нам заниматься воспоминаниями, — улыбнулся он.

Уверенным шагом подошел к роялю, поднял крышку. Сел на стул, задумался. Подняв голову, пробежал пальцами по холодным клавишам. Вслушался в звуки, снова тронул клавиши. И как бы вспомнив забытую мелодию, запел: «О, выгляни в оконце...»

Вахтанг поднялся. Всмотрелся в лицо играющего. Неужели он?

...Румянцевский сад. Белая ночь. Да, поет тот же голос... Он!

Песня заставила Вахтанга забыть. Нет осажденного города, нет холодных домов. Есть жизнь, есть любовь, есть белые ночи. Певец умолк. Поднялся и тихо, не обращаясь ни к кому, сказал:

— Как хочется закурить!

Все поникли. Может быть, у кого-нибудь и была папироса, но как трудно расстаться с ней! Тем более перед сном.

— Сейчас принесу, мой друг, — отозвался Вахтанг.

Он вернулся в зал с двумя пачками табаку и сунул в руки певца одну пачку.

— Пожалуйста!

— Что вы делаете? Это же целое богатство... Зачем мне столько? Мне одному?

Молодой человек свернул сигарету. Прикурил, опустился в кресло, словно в забытие, вдыхал ароматный дым.

Вахтанг распечатал вторую пачку и предложил закурить всем. Все свернули сигареты. Молча курили, как бы стесняясь, что так бесцере-

монно воспользовались добротой Вахтанга.

Вахтанг подсел к певцу.

— Вас это может удивить, но не могу не сказать. Я уже слушал вас. И пели вы именно эту песню.

— Да? Когда? Вероятно, в концерте?

— Нет. В Румянцевском саду... Вы пели под окном. Была белая ночь.

Певец сперва вспыхнул, оживился, затем весь как-то сник.

— Позвольте мне не вспоминать.

— Извините... Как вас зовут?

— Юрий Александрович. А вас?

— Вахтанг.

— А по отчеству?

— У нас не принято. Зовите просто — Вахтанг.

Оба покинули зал. По широкой лестнице спускались очень медленно, у Юрия Александровича болели ноги.

* * *

После обеда, когда все отдыхали, Юрий Александрович исчезал. Приблизительно на час. Никто, кроме Вахтанга, не замечал его отсутствия...

Вахтанг, уже несколько окрепший, стоял у окна и глядел на покрытую нетронутым снегом безмолвную площадь. Перед глазами его возникла улица в Тбилиси — Вардисубани.

— Вардисубани — район роз, — вслух произнес Вахтанг, расшифровывая название улицы, которую прославили некогда сады и розы.

Но что это? По пустынной снежной площади бредет человек. Что-то знакомое в его облике — неуверенные шаги, короткое полупальто и непомерно широкие валенки. Да это же Юрий! Куда он идет?

Чай в этот вечер Юрий пил, не вставая с постели, сильно болели ноги.

Вахтанг, пересилив себя, спросил:

— Куда ты уходил после обеда?

— Никуда.

— Неправда. Я видел...

Юрий теребил одеяло... Казалось, он огорчен, что приятель, обычно такой сдержанный, учтивый, вмешался не в свое дело. И Вахтанг сожалел, что так бесцеремонно произнес слово «неправда».

— Если хочешь — я скажу. Не выдашь? — неожиданно, словно обрадовавшись, что есть кому довериться, сказал Юрий.

— Непременно выдам. Кстати, такой вопрос у меня на родине считается оскорблением.

— Извини. У меня вырвалось. Поверь, я ничего позорного не совершаю. Каждый день она ждет меня на том месте, где ты слышал песню. Я отдаю ей свой кусок хлеба с маслом. Я не краду, я делю свой хлеб. Хочу, чтобы она выжила. Иначе мне незачем жить.

Лицо Вахтанга исказила горечь. Оба замолчали.

Может быть, не каждый понял бы Юрия так, как Вахтанг. Чистое, святое, всепобеждающее чувство, которому грешно противиться, — вот как понимал Вахтанг любовь.

На другой день Юрий не вышел к обеду в столовую. Вахтанг тотчас пошел к нему.

— Ноги распухли, не могу стоять, — сказал Юрий.

— Выходит, ты обкрадывал себя, — невольно произнес Вахтанг.

— Что мне теперь делать? — словно про себя сказал Юрий. Он попытался присесть, но острая боль в коленях помешала ему. — Она будет ждать, — раздумчиво проговорил Юрий. — Она будет ждать... Ты понимаешь? — Юрий теперь в упор смотрел на Вахтанга, смотрел беспомощно, растерянно, умоляюще. — Если ты можешь... Пойди туда.

Вахтанг вкочил со стула. Как он до этой секунды не понял? Конечно, ему надо идти. Иначе быть не может. Идти, пока хватит сил.

— Где же я найду ее?

— У входа в Румянцевский сад. Где стоял табачный киоск...

— Знаю. Там торговал усатый старик.

— Да, да, верно, усатый старик.

В этот вечер по пустынной снежной площади вместо Юрия шел Вахтанг. В кармане у него лежал кусок хлеба с маслом, завернутый в бумагу...

Девушка увидела человека, который направлялся к ней... Нет, она не ошибается... В ее больших голубых глазах вспыхнул испуг.

— Я к вам, — тихо сказал Вахтанг.

— Ко мне?

— Да.

— Я вас не знаю.

— Меня прислал Юрий... Это вам.

Вахтанг протянул завернутый в бумагу хлеб.

— Что с ним? Неужели он так плох?..

Вахтанг стоял с протянутой рукой.

— Почему он не пришел? — не замечая руки Вахтанга, спросила девушка.

— Юрий здоров. Просто у него разболелись ноги...

Вахтанг, насколько позволяли сумерки, разглядел ее, хрупкую, тонкую. Бледность лица еще больше подчеркивали густые темные ресницы.

— Только не тревожьтесь. И завтра приду я. Пока Юрий не поправится. Мы так решили. А теперь идите, очень холодно. До свиданья.

Юрий напряженно ждал возвращения Вахтанга. От волнения у него горели щеки, блестели глаза.

— Видел ее. Передал. Успокойся, — улыбнулся Вахтанг, встретив его настойчивый, вопрошающий взгляд. Юрий опустил голову на подушку, закрыл глаза. Вахтанг молчал.

— Что ты заметил? — спросил Юрий.

— Она очень любит тебя.

Ежевечерне Вахтанг относил незнакомой девушке хлеб, прибавляя свою долю. До сада было далеко.

Он шел, несмотря на стужу, глубокий снег, темноту, резкий, безжалостный ветер... Шел упрямо, как идут выполнять святой долг. Юрий не мог заметить по лицу Вахтанга, что он устает, что ему в тягость эти ежевечерние прогулки.

Как-то раз, когда Вахтанг вернулся после очередной такой прогулки к Румянцевскому саду, Юрий встретил его особенно радостно.

— Какой я тебе подарок приготовил, дорогой Вахтанг! — Юрий достал из тумбочки пол-литровую бутылку. — Здесь вино! Я собирал его по рюмке, чтобы хоть чем-нибудь отблагодарить тебя, мой друг. И прошу тебя произнести положенный по обычаям твоей страны тост.

Юрий налил вино в стакан. Наливал бережно и торжественно.

Вахтанг был взволнован, растроган, покорен душевностью и благородством этого человека. Слабый, истощенный Юрий собирал для него чуть не по глоткам стакан вина.

— Я слышал, за грузинским столом тамада — мудрый и беспрекословный руководитель. Правда?

— Мудрый, пока не выпьет как следует. — Вахтанг улыбнулся и взял из рук Юрия стакан.

— ...Человек рождается, чтобы жить — жить счастливо, красиво... Большая любовь — это и счастье, и красота, ибо она рождает большое добро. Если ты способен любить, ты способен честно жить, способен созидать. Пусть каждый, подобно тебе, Юрий, любит истинно, пусть он, подобно тебе, совершает добро и пусть будет счастлив. Счастье не может, не должно быть достоянием злого, коварного, вероломного...

Вахтанга прервал свист и грохот взрыва. С треском посыпались стекла...

Вахтанг поднял стакан и произнес твердо, торжественно:

— Сколько бы эти безумцы не бомбили, не жгли, не разрушали, мы будем жить! Мы, умеющие любить. Мы, носители правды и счастья. — И уже другим тоном добавил: — Только, Юрий, это вино я

пить не стану. Я назвал бы его вином, если б мы сидели за праздничным столом. Сейчас оно просто лекарство. Пить его должен ты. В нем твоя жизнь и твоя любовь. Ради того, чтобы выжила и она, выпей это вино... Конечно, не сразу, понемногу.

* * *

Снова шел Вахтанг к знакомому саду. Идти было труднее... Тротуары стали бугристыми, скользкими. Усилился ветер, он с остервенением валил с ног ослабевших людей.

Вахтанг шел, и каждый раз ему казалось, что сегодня он не дойдет до знакомой ограды. Его упнетало, что он проходит мимо упавшего от голода человека и ничем не может ему помочь.

Сегодня у входа в сад Марии не было. Он стал ждать. Может быть, ее удержал дома ветер и мороз? Надо ждать. Рано или поздно она придет. Голод страшнее и сильнее любого ветра.

Вахтанг прошелся по тротуару и повернул к ее дому. Но что это? Нет третьего этажа! Нет окна, которое раскрылось в белую ночь... Нет его! Ему хотелось крикнуть: «Где окно?» Но кто мог ему ответить?

Уйти он не мог. Может быть, она все же придет. Конечно, придет. Надо ее подождать.

Сгустились печальные сумерки. Вскоре непроглядная тьма окутала улицы, дома, ограды, деревья, столбы...

Вахтанг все стоял, не замечая темноты. Перед глазами его светилось то окно, незабываемое окно на улице Вардисубани, на улице роз и садов. Видел он и окно в доме напротив сада, и белую мирную ночь...

И вдруг его мозг пронзила мысль: она больше не придет, больше не раскроет окна. Никогда не при-

дет. Никогда уж не будет ее мучить голод, взрывы бомб... Она ушла, не испив своей чаши человеческого счастья, за которое сражаются, умирают там, на окраине величественного города.

Но будет, будет счастье, засверкает негаснувший свет правды! Правды, рожденной в этом городе!

Вахтанг брел обратно с опущенной головой. В руке его был зажат кусок хлеба, завернутый в бумагу.

Так он подошел к гостинице. Но что делать с хлебом? Юрий спросит... Может ли он сказать ему, что уже нет третьего этажа, нет заветного окна? Окна, которое раскрывалось для него в белые ночи...

Что же делать с хлебом? Он не принадлежит ни Юрию, ни Вахтангу. Это ее хлеб.

— Друг! — окликнул Вахтанг прохожего.

— Что вам? — отозвался тот, не поворачивая головы, замедлив и без того тихий шаг.

— Возьмите, дорогой.

— Что это?

— Хлеб.

— Мне?

— Да, вам.

Старик обеими руками взял маленький сверток. Не разворачивая, смотрел на Вахтанга, не веря ему, — неужели хлеб?..

В комнату Вахтанг вошел безмолвный, мрачный.

Юрий решил, что друг его слишком устал, и не решался спросить: видел ли он Марию?

Этого как раз и хотел Вахтанг. Пусть не сегодня Юрий узнает о ее судьбе. Вахтанг лег на постель ничком. Юрий почувствовал себя виноватым — ведь он заставляет неокрепшего человека тратить последние силы...

«Больше не стану его посылать. Ни за что. Завтра пойду сам», — решил Юрий.

В Советской Грузии бок о бок с представителями разных национальностей на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в различных областях литературы и искусства трудятся десятки тысяч ассирийцев.

Ниже мы публикуем стихи ассирийских поэтов, живущих в нашей республике.

Екатерина ГУЛЬЯНОВА

ИЩУ СРАВНЕНЬЯ...

Советским космонавтам

Ищу сравнения. Книжицы листаю.
Колумба каравеллы. Караваны..
Нет, все не то... За вами вслед взлетаю
И Землю вижу круглым караваем.

Как будто из печи он только-только
вынут,
Горяч, шершав, он добрым жаром пышет.
Взлетайте ввысь, туда, где звезды стыннут,
Тепло земное вознесите выше!

Ищу сравнения. Ветры в книгах веют.
И человек всегда вперед стремится.
Нет, все не то... С космическим кочевьем
Ничто на белом свете не сравнится!

И, кажется, не хватит в мире мрамора,
Чтоб постамент соорудить героям.
Словам о них — звенеть, не тренькать
камерно..
Как силу слова слабого утроить.

Чтобы трудилось и не уставало!
Чтоб не брело неслышно и понуро,
Чтоб в серебристых строфах стартовало
С горячего бетона Байконура!

Ищу сравнения. Вот перо. Сравнение:
Перо — ракета. Те же очертания..
Преодолей земное притяжение,
Сумей проникнуть в тайны мироздания.

Веди слова орбитами поэзии,
Сумей создать их из такого сплава,
Чтоб в них росла, мирам далеким
грезилась
Страны моей космическая слава!

Перевод с ассирийского Т. Степанова

ДУХ ДРЕВНЕЙ АССИРИИ

Всплыла луна. Сады зашелестели.
Сомкнулись горы синие вдали.
Я слышал зов — он рвался из ущелий
К просторам дальней, высохшей земли,
На родину...

Орлы дремали на крутых вершинах,
Парили в синеве меж облаков,
А я спешил в безлюдный край пустынный,
Опустошенный вихрями веков, —
На родину...

Я слышал зов и в клетке орлином,
Я звал орла, просил его, молил:

Возьми меня в бесплодные долины,
В истлевший мир покинутых могил,
На родину...

Я думал о ее угасшей славе,
О превращенных в пепел городах...
Среди пустынь орел меня оставил,
И я почтил героев древних прах
На родине...

Там зову предков девушка внимала,
Над пеплом скорбно голову склоня;
Прекрасных глаз она не поднимала,
Печальная, она звала меня
На родину...

Перевод с ассирийского Г. Павловской

Давид ИЛЬЯН

МОЯ ДОРОГА

Отрывок из поэмы

Здесь, в Тбилиси,
Где свежесть дыханья весны
Даже в зимние ночи пьянит,
В этом городе роз
И седой старины
Я провел свои лучшие дни.
Тени смерти коварной
И мрачных тревог,
Что всю жизнь
Преграждали мне путь,
Отступили.
Впервые я, кажется, смог
Глубоко и свободно вздохнуть.
Жизни прочный фундамент
С трудом я воздвиг
Для потомков своих на века,
И светильники счастья
Зажег я для них
В глубине своего очага.

Здесь, привязанный к родине
Тысячей уз,
Я восторженно встретил зарю.
В этом городе песен,
Поэтов и муз
Я живу, и дышу, и творю.
Солнце! Солнце-гигант!
Огнедышащий шар —
Он с утра озаряет мой дом.
Тополя за окном
Торопливо шуршат —
Что-то шепчут о счастье моем.
Да, я счастлив.
На щедрой грузинской земле
Я нашел свое счастье в труде.
Сам уйду,
Но детей я оставляю в семье
Равноправных,
Свободных людей.

Перевод с ассирийского Г. Павловской

А. Т. СТУЧЕНКО,
генерал-полковник

Завидная наша судьба

***

Три года пролетели незаметно. Последнее учебное лето закончилось большим походом в Черкассы. Тяжести полевой жизни и больших суточных переходов переносились легче обычного при одной только мысли, что это последний поход для нас, как для курсантов. Командирских кубиков на петлицах, звания командира красной конницы мы ждали с нетерпением.

Одновременно мы прикидывали, кто в каком десятке окончит школу и что из этого следует при назначении на должность в войска. Те, у кого была надежда попасть в первый десяток¹, уже выбрали себе округа. Большинство из таких счастливиц выбирали Ленинградский военный округ. Я тоже, имея шансы быть в первом десятке, наметил себе Белорусский военный округ.

И вот, наконец, в один из ненастных октябрьских дней 1926 года, в жестком вагоне пассажирского поезда я подъ-

езжал к городу Рогачеву в Белоруссии, где стоял 34-й Ростовский кавалерийский полк второй бригады 6-й Чонгарской кавдивизии Первой конной армии.

Сидя у окна вагона, я с волнением думал о том, что меня ждет впереди, какой коллектив в полку, как сложится для меня дальнейшая служба.

ГЛАВА 8

— Так вы пулеметчик? Очень хорошо. Нам нужны пулеметчики-командиры, — говорит мне командир 34-го Ростовского кавалерийского полка Александр Тихонович Сорокин¹, просматривая мое личное дело.

— Что я пулеметчик, это верно, но я хочу в сабельный эскадрон, — доложил я командиру полка, к которому явился в штаб для представления по приезду.

— О нет! Придется вам, голубчик, послужить в пулеметном эскадроне. Командира сабельного взвода легко найти, а вот пулеметчика — трудновато. Вот так-то. Желаю успеха.

Вышел я из кабинета командира пол-

Продолжение. Начало см. в № 1.

¹ Курсанты, окончившие школу отлично и в порядке успеваемости попавшие в первый десяток, имели право выбирать себе военные округа для продолжения службы.

¹ Умер в Москве в 1962 году полковником в отставке.

на весьма удрученным. Идя по полутемному коридору штаба, невесело размышляя, злился на свое умение владеть пулеметом и был очень расстроен перспективой служить в пулеметном эскадроне.

— Ну, что приуныл? — окликнул меня временно исполняющий должность помощника начальника штаба полка Михаил Иванович Самохин¹, донской казак со светлой шевелюрой и смеющимися глазами. — Пойдем ко мне.

Михаил Иванович, как мог, утешил меня и в заключение спросил:

— А комнату себе нашел? Где жить будешь?

— Об этом я еще не думал, — отвечаю.

— Ну тогда вали ко мне, — приглашает Самохин.

В Рогачеве нашей 2-й кавалерийской бригадой 6-й кавдивизии командовал комбриг Фокин Иван Васильевич. Это был волевой человек с внушительной внешностью (в чем немалую роль играли его роскошные усы), всегда безукоризненно подтянутый. Живые, умные проницательные глаза дополняли его облик. Старый заслуженный герой гражданской войны, награжденный за боевые заслуги орденом Красного Знамени, он пользовался большим авторитетом у личного состава бригады. Большим уважением пользовалась и его жена — Зинаида Владимировна, которая поныне здравствует и проживает в Ленинграде.

Иван Васильевич же пал жертвой культа личности. В 1938 году он был арестован. Несколько лет сидел в тюрьме и в лагерях без суда и следствия. Не зная за собой никакой вины, он не терял надежды на справедливость, на то, что ошибка будет исправлена. В случайно дошедшей до Зинаиды Владимировны записке он писал: «Со мной произошло страшное недоразумение. Но я держусь, верю в партию и в справедливость».

В 1942 году Иван Васильевич погиб, просидев в тюрьме четыре года, а после смерти Сталина был посмертно реабилитирован.

Так нелепо ушел из жизни полный сил, веры и любви в свой народ, в свою партию, кристальной души человек — коммунист Иван Васильевич Фокин.

* * *

С сентября в полках началась подготовка к празднованию 7-й годовщины Первой конной армии.

Вся подготовка в основном сводилась к приведению в «блестящий» вид всего кавалерийского снаряжения, лошадей и к тренировке к конно-спортивным соревнованиям. Всем полкам 6-й

дивизии хотелось отличиться перед С. М. Буденным, который обещал к нам приехать из Москвы на праздник. Все усердно готовились, особенно по фигурной езде. Немало было послано командирами полков «лазутчиков» в соседний полк и в полки других бригад в Гомель, в Жлобин, чтобы высмотреть, какие фигуры выдумали в других полках и не окажутся ли они лучше и эффектнее своих.

Наконец накануне годовщины прибыл к нам С. М. Буденный в сопровождении командующего войсками Егорова, командира корпуса Тимошенко и командира нашей дивизии Тарновского-Терлецкого.

Восторгу конников не было конца. Крики «ура» гремели на улицах, в клубах, в казармах. Многих Семен Михайлович узнавал, целовался с ними, разговаривал, шутил.

Подъем в полках 6-й дивизии был необычайный. Раздавались крики: «Веди нас, Буденный, на мировую буржуазию! Смерть международной кочетке!»

Наше воинственное настроение объяснялось еще тем, что в это время, во второй половине 1927 года, для Советской страны очень обострилась международная обстановка. Международная буржуазия, лидируемая английскими консерваторами, вновь активизировала свою контрреволюционную деятельность, собирая силы для нового похода против страны Советов.

Семену Михайловичу Буденному было тогда около сорока трех лет. Невысокого роста, но могучий как дуб, с черными смоляными усами, в черкеске, пышущий здоровьем, он производил на всех неизгладимое впечатление. Мало сказать, что мы, конники, любили Буденного, — мы его обожали. Об этой любви к нему свидетельствовала даже надпись на групповом снимке, сделанном в дни его пребывания в полках. Вот она: «Комполитсостав 2-й бригады 6-й кавалерийской дивизии со своим любимым вождем в день 7-й годовщины Первой конной армии». Да и нельзя было не любить этого легендарного полководца легендарной конницы, прославившейся на весь мир своей отвагой, боевой славой и верностью делу Ленина и Ленинской Коммунистической партии.

Эти качества в нем ценил и сам Владимир Ильич Ленин. Но он не только ценил в нем боевого командира-вожака красной конницы, наводившей ужас на врагов революции. Владимир Ильич попросту любил его и всегда очень тепло о нем отзывался.

Об этом может свидетельствовать такой пример. Однажды в беседе с Кларой Цеткин, когда разговор коснулся С. М. Буденного, В. И. Ленин охарактеризовал его так: «Наш Буденный сейчас, наверно, должен считаться самым бле-

¹ Ныне генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза.

На снимке: во втором ряду — третий слева С. М. Буденный, рядом — С. К. Тимошенко. В третьем ряду четвертый — А. Т. Стученко.

стящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он — крестьянский парень. Как и солдаты французской революционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной дерзости. Он один заменяет целые эскадроны».

Вот как ценил Ильич Буденного.

В Семене Михайловиче привлекало все, не только его боевая слава. Его че-

ловечность, простота в обращении с людьми, веселость, общительность просто влекли к нему.

Нельзя было не любить этого обаятельного человека, который таким остался и по сей день.

ГЛАВА 9

Как-то после очередного занятия в вечерней партийной школе 2-й ступени секретарь эскадронной партиячейки, кото-

рый занимался в одной со мной группе, спросил меня:

— А как ты соображаешь насчет вступления в партию? Кажется, пора тебе об этом подумать.

— Да я уже думал, и не раз, да вот не знаю, примут ли меня.

— Примут, — ободряюще сказал секретарь.

С того дня я начал готовиться к вступлению в партию. Изучил Программу, Устав, стал особенно тщательно продумывать организацию строевых занятий и следил за каждым своим шагом, чтобы быть везде на высоте, быть достойным партии.

В 1927 году я стал кандидатом, а в 1929 году — членом Коммунистической партии Советского Союза. Прием в партию прошел благополучно. Было высказано пожелание — активной участвовать в эскадронной и полковой культурработе (самодеятельности). Я принял это к сведению и на другой же день записался в полковой драмкружок, а несколько позже и в выездную агиткультурпросветбригаду, которая выезжала в близлежащие деревни для проведения культурпросветработы. Она заключалась в проведении бесед с населением, показе спектаклей и т. д. Особенно большим успехом пользовались спектакли и инсценировки, разоблачающие роль самодержавия в расстреле рабочих в 1905 году («Кровавое воскресенье»), в расстреле рабочих на Ленских приисках в 1912 году, а также спектакли о героях французской революции. Большое внимание уделялось классовой борьбе в деревне, высмеиванию уклоняющихся от призыва в Красную Армию и т. д. В одной из пьес, раскрывающей подрывную роль уклоняющихся от призыва в ряды Красной Армии, такого уклоняющегося от призыва парня — Ваню, играл я.

По ходу пьесы использовались слова известной в те годы песни. Начала ее я сейчас не помню, но в середине ее были такие слова, отражающие «философию» матери Вани:

«...не ходил бы ты, Ванек, во солдаты, в Красной Армии штыки, чай, найдутся, без тебя большевики обойдутся...»

Мать Вани играла жена полкового медицинского фельдшера Нилова. По ходу пьесы уполномоченные сельсовета, разыскивая не явившегося на сборный пункт призывников Ваню, приходят в его хату.

Мать Вани, узнав, что ищут ее сына и идут к ней, в смятении бежит вместе с Ваней по хате, не зная, что делать и как спрятаться от пришедших. В последнюю минуту Ваня решает переодеться в женское платье. Он срывает с головы матери платок и верхнюю юбку. На репетиции мы договорились, чтобы

верхняя юбка Ниловой была бы на резинке, тогда легче можно будет снять ее, сдернув книзу. Но случилось непредвиденное. Идя на спектакль, Нилова и нижнюю юбку тоже сделала на резинке. Для чего это она сделала — ни она, ни кто другой позже ответить так и не смогли. Настал вечер моего «дебюта». Спектакль идет в клубе большой деревни. Зрители захвачены и ждут развязки, ибо за сценой уже слышны шаги сельсоветчиков.

— Маманя! — кричу я. — Давай юбку и платок!..

Подбегаю к ней и в азарте хватаю юбку, но не только верхнюю, а захватываю вместе с ней и нижнюю, дергаю книзу... и... обе юбки очутились на полу, а Нилова, оставшись в белье, стоит, не двигаясь с места, и растерянно смотрит на публику...

Страшный хохот потряс здание клуба. Некоторые, схватившись за животы, падают со скамеек на пол и катаются по полу, задыхаясь от приступов смеха. Смеюсь и я.

Попытки продолжать спектакль не удалось, пришлось опустить занавес. Через несколько минут, когда все утихло, поднимаем занавес, чтобы продолжать спектакль вновь. Но через две-три минуты кто-то вдруг, вспомнив эту сцену, прыснул. И снова поднялся хохот. Пришлось вторично опустить занавес и сделать антракт. Спектакль кое-как закончили, но популярность наша с Ниловой сильно возросла.

В мае 1927 года началась серьезная тренировка по всем видам конного спорта к предстоящим окружным конно-спортивным состязаниям.

Группа командиров, в том числе и я, готовилась к троеборью. Выглядело оно примерно так: дистанция 1 500 метров, целей для пикки — шесть, для шашки — восемь и для револьвера — три. Нужно было в кратчайшее время на большом аллюре поразить пикой все шесть целей, затем взять пикку под левую руку, а правой выхватить шашку и поразить последующие цели. Затем вложить шашку в ножны (не уменьшая аллюра), выхватить револьвер и на скаку тремя выстрелами поразить три мишени. Кроме того, я хотел еще идти и на «конкур-иппик»¹, поэтому подобрал себе в эскадроне коня, годного для обоих видов состязания, и ежедневно после занятий стал тренировать себя и своего коня. Конь был горячим, норовистым, не любил шпор и хлыста. Он очень нервно реагировал на них и выходил от этого из послушания. В нормальном же состоянии очень хорошо слушался всадника, охотно шел на препятствия и очень ровно шел на рубку и

¹ Преодоление препятствий на лошади.

уколы пикой, что являлось большим его достоинством.

Тренировались мы недалеко от своего лагеря, в 15-18 километрах от Рогачева и в 8-10 километрах от Жлобина.

И вот идет очередная тренировка. Выйдя на исходную линию, я пустил коня в карьер.

Раз, два, три, четвертая цель, ах, черт... промазал — не надел висящее кольцо на пику... пять... шесть! Все цели, кроме одной, поражены. Делаю вертикальный, а затем полугоризонтальный круги пикой и бросаю ее под левую руку, выхватываю из ножен шашку и поднимаю ее над головой. Но что это с конем? Он вдруг нагнул голову и почес, закусив трензельный повод¹. Оказывается, бросая пику под левую руку, я зацепил ею за голову коня. Почувствовав удар по голове, конь сразу же среагировал, понесся, перестав слушать всадника. Я попытался резким передергиванием повода воздействовать на коня и заставить его слушать меня. Но и это не помогло, во рту коня появилась кровь от трензелей, он совершенно вышел из повиновения. Руки мои начинают немать. Бросаю на землю пику, а через несколько минут и шашку. Но конь по-прежнему неуправляем и несется прямо на дорогу Рогачев—Жлобин. Навстречу едет крестьянская телега, нагруженная хворостом. Оцениваю обстановку, и мне становится ясно — сейчас столкнусь с телегой.

Резкий взлет коня в воздух! Еле удерживаюсь в седле от неожиданности, благополучно приземляюсь, и конь несет дальше, уже прямо по дороге на Жлобин. Все суставы, все тело онемело от напряжения, притупляется чувствительность, наступает безразличие, а Жлобин приближается. И вот мы на улице города, а впереди, в 200-300 метрах от меня каменная ограда церкви. Мысль вновь лихорадочно заработала. Улица, по которой я скачу, упирается в церковную ограду, а затем разветвляется в обход ее, но обезумевший конь пойдет прямо на ограду... Значит, столкновение и—смерть. Молниеносно созревает решение: с трудом выхватываю из кобуры наган и даю два выстрела между ушей в голову коня. Он по инерции пробегает еще несколько метров и с размаху падает, сначала на колени, потом переворачивается через голову и ложится на бок. Я лежу в 5-6 метрах от него, почти в беспамятстве, разобравшись что со мной, не могу, встать тоже не могу, да и не хочу, хочется спокойно по-

¹ Ременный повод, который сбоими концами соединяется с двумя железными усами (трензелями), скрепленными между собой во рту лошади. Действуя поводом, а через него — железными трензелями, всадник и управляет конем.

лежать. Через пару часов я уже еду из Жлобина в лагерь на крестьянской телеге, подле меня лежит седло и оголовье с убитого коня. Вечером о происшествии был направлен рапорт командиру полка. Действия мои были оценены в такой обстановке правильными. Прошло около двух месяцев, и вдруг по милости корпусного прокурора мне был предъявлен гражданский иск на 600 рублей золотом за убитого мною коня. Мои протесты, поддержанные командирами полка и дивизии, не были приняты во внимание, и в очередную получку казначей полка удержал с меня часть жалованья для удовлетворения гражданского иска.

Осенью дивизию инспектировал командир корпуса — Семен Константинович Тимошенко, общий любимец всего личного состава корпуса. Приехал он и в наш полк принимать огневую и конную подготовку. Поскольку Семен Константинович в прошлом был пулеметчиком, он любил бывать у пулеметчиков, а при инспекторской проверке — и говорить нечего, что он был с нами. Мои пулеметчики дали отличные результаты. Семен Константинович подошел ко мне:

— Молодец, молодец, как же ты добился такой выучки? А? Расскажи. — И, обняв меня за плечи, долго расхаживал со мной по стрельбищу, интересуясь методическими приемами в обучении.

Командир полка Сорокин, видя такое расположение ко мне комкора, решил использовать его в мою пользу.

— Товарищ командир корпуса! — обратился он к нему. — Ведь приключение с конем у него было. Это о нем мы просили вас с комдивом, чтобы отозвали гражданский иск.

— Ах, вот ты какой разбойник! Ну, ну, расскажи, что у тебя тогда приключилось.

— Вот оно что... — промолвил после моего рассказа Семен Константинович. — Вот чертовы бюрократы, ну ладно, выручим. А ты, Александр Тихонович, прикажи казначею вернуть Стученко все, что он вычел из жалованья, и чтобы больше он его не трогал.

— Слушаюсь! Спасибо, Семен Константинович, — обрадовался Сорокин, ну, а я был на седьмом небе.

А дальше, как мне стало известно, события развивались так:

С. К. Тимошенко, приехав в Минск, предложил прокурору пересмотреть мое дело и отозвать через суд иск, с чем никак не хотел согласиться прокурор, который в основу клал факт убийства мною коня, а в обстоятельства дела, будучи большим формалистом, вникнуть не хотел. Видя такое упрямство прокурора, Семен Константинович с досадой и раздражением сказал: «Ну и черт с вами! Раз вы такие букведы, я прикажу,

чтобы эти деньги вычитывали из моего жалования, а не у Стученко, тем более, что я дал указание его жалование не трогать». Надо полагать, что дело все-таки пересмотрели, и никому ничего платить не пришлось. Я же на всю жизнь запомнил этого замечательного верного сына нашего народа, обаятельного человека и талантливого военачальника. Уже в послевоенные годы мы очень часто встречались, будучи командующими военными округами: он — Белорусским, я — Северным, Приволжским и Закавказским, и всегда при встречах я по-прежнему воздавал ему все знаки глубокого почтения, уважения и любви.

ГЛАВА 10

В Гомеле мне нередко приходилось бывать. Он мне нравился и по сравнению с Рогачевым казался большим, красивым и культурным городом. Поэтому, когда меня назначили командиром пулеметного эскадрона в 31-й Белореченский кавалерийский полк нашей же 6-й кавдивизии, я был в восторге.

Командуя эскадронами, я вдруг стал замечать, что ко мне присматривается руководство дивизии, в том числе и начальник штаба Корженевич Федос Константинович (в Великую Отечественную войну — начальник штаба 4-го Украинского фронта, генерал-лейтенант). Особенный интерес проявлял ко мне сам комдив Вайнер Леонид Яковлевич¹.

Я встревожился: не в штаб ли меня хотят взять? Предчувствие меня не обмануло. Вскоре я стал помощником начальника оперативного отделения штаба 6-й кавдивизии. Моим начальником оказался Крюков Владимир Викторович², очень веселый, остроумный и грамотный командир.

Через несколько месяцев В. В. Крюков, получив назначение командиром 20-го Сальского кавполка 4-й кавдивизии, уехал, передав исполнение своих служебных обязанностей мне.

Свою методику боевой подготовки мы поначалу создавали очень медленно. Не было еще хороших специалистов и организаторов подготовки войск. Только к тридцатым годам появились пособия по методике. В целях наиболее успешного внедрения передового опыта

¹ Вайнер был очень грамотным, энергичным человеком, обладающим большими организаторскими способностями. Несомненно, если бы он не погиб в годы культа личности, он бы вырос в крупного военачальника.

² В годы Великой Отечественной войны в 1942 году он был назначен командиром 2-го конного корпуса (Доватора) после И. А. Плиева. В 1947 году был репрессирован, освобожден в 1953 году.

в войсках стали создаваться активы методистов из наиболее грамотных в методическом отношении командиров младшего командного состава.

При штабе 6-й кавдивизии была создана «Группа стрелковотактического актива». Руководство ею поручили мне. Мне пришлось ездить не только в кавалерийские части своей дивизии, но и во многие другие кавалерийские и стрелковые дивизии Белорусского округа. По заданию командующих войсками округа Уборевича и Тимошенко мне пришлось побывать в 37-й стрелковой дивизии т. Могилевчика, в 4-й кавдивизии т. Жукова, в 7-й самарской кавдивизии т. Штерна и во многих других.

Этим поездкам по округу я обязан и встрече с Михаилом Ивановичем Калининым.

Вызывает раз меня Ф. К. Корженевич и говорит:

— Звонил только что товарищ Тимошенко из Смоленска и приказал тебе с твоей группой ехать в Минск в объединенную военную школу и оказать им помощь в организации стрелковой подготовки. Срок работы — десять дней. Выезд завтра.

Группой в десять человек мы прибыли в Минск. Начальник школы, дважды краснознаменец, с двумя ромбами на петлицах, товарищ Алехин встретил нас не очень приветливо. Его самолюбие явно было уязвлено нашим прибытием. Весь преподавательский состав тоже был недоволен. Однако курсанты к нам относились хорошо, младший состав, в отличие от среднего (командиры взводов и рот), охотно воспринимали методику обучения.

На пятый-шестой день нашего пребывания в школе по пути на стрельбище я встретил товарища Алехина.

— А... привет конникам! — необычно приветливо промолвил он. — Ну, как дела? Знаю, знаю... молодцы, помогаете нам неплохо. Спасибо вам. Простите, забыл ваше имя, отчество.

— Зовут меня Андреем, а батяня называли Трофимом, — отвечаю я.

— Так вот, дорогой Андрей Трофимович! Завтра приезжает к нам Михаил Иванович Калинин. Так вы уж того... не очень показывайтесь ему на глаза, неудобно как-то. Школа носит его имя, и нам очень неловко за провал... Я прошу вас.

— Хорошо, постараемся не попадаться ему на глаза, — успокоил я начальника школы.

Крепко пожав мне руку, он удалился.

Утром на стрельбище мы шли не обычным путем, а по тропинкам. Таким же путем ходили на обед, а после обеда, находясь на «линии огня», мы увидели идущего в нашу сторону Михаила Ивановича Калинина. Его сопро-

вождал Алехин. Скрываться нам уже было поздно. Михаил Иванович, как всегда, шел быстрой и энергичной походкой, слегка опираясь на палку. Он был очень подвижен, весел.

— А что тут делают кавалеристы? — несколько удивленно спросил он, обращаясь к начальнику школы.

Я подошел ближе и доложил, что мы, чонгарцы¹, приехали в школу обменяться опытом. Лицо начальника школы сразу же посветлело, и он благодарно взглянул на меня.

— Это очень хорошо! — сказал Михаил Иванович. — Молодцы кавалеристы, очень хорошо, что вы делитесь опытом. Передайте, пожалуйста, и мое спасибо товарищам Тимошенко и Вайнеру (нашему новому комдиву), а вам и вашим товарищам крепко жму руку.

— Спасибо, Михаил Иванович, все передам.

Товарищ Калинин стал расспрашивать, как живет 6-я кавдивизия, и тут же рассказал несколько эпизодов из боевых действий Первой конной армии в гражданскую войну, в том числе и о налете самолетов противника на конармейцев на польском фронте, когда они собрались на митинг в связи с приходом Михаила Ивановича.

Дело было так.

В 1920 году на польском фронте, когда М. И. Калинин, стоя на пулеметной тачанке, выступал перед конармейцами, налетел польский самолет и обстрелял участников митинга. Конармейцы разбежались в стороны, а Михаил Иванович как стоял на тачанке, так и остался стоять. Когда же самолет улетел и участники митинга вновь собрались, то, сконфуженные, они чувствовали себя весьма скверно, видя спокойствие товарища Калинина.

С Михаилом Ивановичем мне довелось еще встречаться в период Великой Отечественной войны, и этих встреч забыть нельзя.

Очень простой в обращении с людьми, отзывчивый, очень душевный, Михаил Иванович располагал к себе каждого, кто с ним встречался.

В заключение встречи с нами на стрельбище школы Михаил Иванович сказал, что он очень любит славную конницу, и пожелал нам успехов в работе.

***

Весной 1934 года в штабе дивизии стало известно, что на должность, которую я замещаю, в конце мая приезжает выпускник академии Варенников Иван Семенович¹.

¹ Так называли кавалеристов нашей 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии.

¹ Ныне генерал-лейтенант в отставке.

— Не расстраивайся, Андрей Трофимович, — говорит мне Ф. К. Корженевич. — Ничего не поделаешь. Как мы ни старались, но тебя не утверждают на эту должность, ты не имеешь академического образования. Если хочешь расти, иди учиться в академию.

Мне и до этого не раз советовали поступать в академию, но я всегда отмахивался, считая, что обойдусь и без нее. Теперь же сама жизнь, реальная действительность ударили по моей «философии» и убедили меня в обратном. Я решил начать подготовку с осени, после приезда нового начальника оперативного отдела дивизии (или, как мы тогда говорили, начальника первой части). Сознаю, что я ждал приезда его несколько болезненно. С приходом Варенникова все мои «настроения» исчезли. В первое время мы с начальником штаба были недовольны им. Но чем больше мы его узнавали, тем больше он нам нравился. Спокойный, неторопливый, очень рассудительный, умный, прекрасно подготовленный и очень хороший человек. Иван Семенович пришелся всем нам по душе. Работали мы дружно. В то же время я усиленно готовился к поступлению в академию, втянув в это дело еще двух человек из штаба дивизии. В течение почти трех лет мы не имели ни одного выходного дня, так как в эти дни занимались на курсах по подготовке в академию. Не раз мне приходилось заниматься ночами, наверстывая упущенное во время моих разъездов по войскам. Зато вступительные экзамены я сдал успешно и был принят слушателем в Академию имени М. В. Фрунзе.

ГЛАВА 11

В мае 1936 года прибыли мы в Нарофоминский лагерь, где и начали проходить свой первый курс. Наше кавалерийское отделение получилось очень дружное, в основном в составе его были люди больших должностей. Со мной в отделении учился политрук Лев Михайлович Доватор (в будущем — герой Великой Отечественной войны, командир 2-го кавкорпуса), которого при переходе на второй курс мы избрали парторгом группы. В нашем же отделении был и Петр Кириллович Кошевой. Таким образом, через десять лет мы в третий раз встретились с ним на учебе. Когда мы переходили на второй курс, к нам в отделение попал прибывший из Испании Александр Ильич Родимцев — Герой Советского Союза.

В общем 10-е кавалерийское отделение было «могучим» и очень авторитетным. Дружеские взаимоотношения установились у нас и с другими отделениями курса. Мы познакомились и с това-

рищем Гавриловым Петром Михайловичем, будущим героем и защитником Брестской крепости. Кто мог тогда угадать в этом тихом, скромном, почти незаметном человеке такую львиную храбрость, железную волю, выдержку, кто мог тогда предположить, что его, полумертвого, будут страшиться сотни фашистов и что к нему будут приводить немецких офицеров, чтобы показать им советского героя-богатыря, говоря при этом: «Смотрите! И учитесь у русского офицера драться и умирать».

Немало еще было среди нас людей, которые в годы Великой Отечественной войны показали себя умелыми военачальниками и выросли в крупных военных руководителях.

С переходом на второй курс в академии вообще началось что-то трудно объяснимое. Был 1937 год. Не проходило и дня, чтобы кто-либо из преподавателей не был арестован. Многих забирали прямо с лекций. Так было с товарищем Вацетисом. Прочитал он нам материал первого часа лекции, в перерыве мы покурили, как обычно, по звонку собрались в лекционный зал на второй час. Ждем 5 минут, ждем 10 минут. Наконец вместо лектора входит комиссар нашего курса товарищ Кашев и объявляет:

— Товарищи, лектор Вацетис арестован как враг народа.

Мы сидим оцепеневшие. Не верится, что человек, провоевавший всю гражданскую войну за утверждение Советской власти — враг народа.

Но вот начали добираться и до слушателей. Внезапно куда-то исчез испанец майор Арман, только что прибывший из Испании, где он, сражаясь с фашистами Франко в Интернациональной бригаде, получил звание Героя Советского Союза. Пробыл он в академии очень недолго. Мы его видели не больше двух раз на лекциях.

Установилась неизвестно кем введенная форма служебно-партийных характеристик, в которых обязательно надо было записать в числе других данных степень активности в борьбе с «врагами народа». В результате нашлось немало таких «борцов» с «врагами народа», которые готовы были видеть «врага» в своем товарище, знакомом, близком родственнике. Нельзя не вспомнить в связи с этим случай со слушателем Кузнецовым (бывший командир батареи артиллерийского дивизиона 6-й кавдивизии). При сдаче экзаменов в академию Кузнецов получил по каким-то дисциплинам не очень высокие оценки и, боясь, что его не зачислят в академию, добился приема к начальнику Главного политического управления т. Гамарнику, который ему и помог.

Однажды, проходя с однокашником мимо здания, где ныне находится Ми-

нистерство обороны, Кузнецов показал на окно кабинета т. Гамарника и сказал:

— Вот окно кабинета Гамарника, хороший он человек. Это он мне помог попасть в академию, спасибо ему.

Когда началось выискивание «врагов народа», однокашник Кузнецова заявил о его связях с Гамарником (поговаривали, что Гамарник застрелился, боясь разоблачения). Этого оказалось достаточно. Кузнецов был исключен из партии и отчислен из академии «за связь с врагами народа» и, по установившемуся тогда неписаному порядку, ждал, когда придут за ним. Но за Кузнецова вступились его знакомые, старые большевики — члены ЦК, и только это спасло его от ареста.

Это было страшное время для армии и всего советского народа, время дикого произвола. Люди стали бояться и избегать друг друга. Поводом для ареста служило все — и национальная принадлежность, и случайно оброненное слово, которое можно было истолковать превратно, и какая-нибудь неудача по службе и т. д. Особенно опасным было подозрение в связи с «врагами народа». Достаточно было узнать, что тот или иной слушатель служил до академии в части или в соединении, командир которого арестован, как этот слушатель подвергался проработке на партийном собрании, затем исключался из партии и, наконец, арестовывался.

Преподавателей арестовывали сразу, без предварительной проработки на партийных собраниях. Таким образом, проработка на партсобраниях была как бы предварительным и в то же время предупредительным этапом. Это мы учитывали, и когда слушатель С. Г. Поплавский, ныне генерал армии, был исключен из партии и отчислен из академии (национальность подвела), я, находясь с ним в дружеских отношениях, настоятельно советовал ему немедленно уехать из Москвы куда угодно, что он и сделал. Мы верили в то, что этот ужасный кошмар кончится, что партия и народ скажут свое слово и образумят маньяков.

Через год-полтора С. Г. Поплавский возвратился, был восстановлен в партии, успешно закончил академию. В годы Великой Отечественной войны он показал себя талантливым военачальником, командовал дивизией, корпусом и армией, а после войны был заместителем военного министра дружественной нам Польши.

Наша партийная группа кавалерийского отделения держалась крепко. Мы не искали у себя «врагов народа» и решительно отбивали всякие атаки извне. Нас стали обвинять даже в слабой борьбе с врагами народа и грозились распустить нашу партийную организацию. Лева Доватор не раз приходил от комис-

сара курса Кашеева расстроенным и предавал нам все это.

Доватор сам держался стойко, полностью поддерживал мнение группы и был своеобразным буфером между комиссаром курса с партбюро и нами. Справедливости ради надо сказать, что после Пленума ЦК 1938 года, который несколько изменил обстановку, тот же Кашеев во весь голос хвалил нас.

— Вот молодцы коммунисты 10-го кавалерийского отделения! Дружные ребята, держались крепко, хорошая и сплоченная партийная организация, ее можно поставить в пример всем.

ГЛАВА 12

Беззакония, произвол 1937 года, порожденные культом личности, привели к тому, что из старых опытных командных кадров и из наиболее подготовленных в оперативном отношении специалистов штабной службы уцелели только одиночки. В войсках стал ощущаться острый недостаток в кадрах, особенно — старшего и высшего звена.

В военно-учебных заведениях, в том числе и в академиях, начали производиться досрочные выпуски. Сказали нам, что большая группа с нашего курса будет выпущена досрочно — в ноябре-декабре, а не в мае следующего года, как полагалось.

Из нашего 10-го кавалерийского отделения уходило около пятидесяти процентов. Среди них был П. К. Кошевой, Л. М. Доватор, я и другие. Выпускали нас без дипломов, но в апреле 1939 года нас собрали для сдачи государственных экзаменов. После двухнедельной подготовки мы приступили к сдаче государственных экзаменов и успешно сдали их. Получив дипломы, многие с отличием, мы разъехались по своим местам.

Шла тщательная проверка. И только после всех положительных ответов на запросы управления кадров я получил назначение на должность начальника оперативного отдела и заместителя начальника штаба 3-го кавалерийского корпуса в Минск.

На другой же день я отправился к новому месту службы. Этому назначению я был чрезвычайно рад, ведь в Белоруссии я прослужил много лет до того, полюбил ее, полюбил и замечательный город Минск. Любил и «свой» корпус, с которым сроднился, прослужив в нем 10 лет. Все это радовало меня и настраивало на рабочий лад. За время моей учебы в академии командование корпуса сменилось несколько раз. Поэтому я уже не застал ни своего последнего командира Сердича¹, ни начальника штаба Ма-

линовского. Корпусом уже командовал Черевиченко Яков Тимофеевич, служивший прежде в Первой конной армии, а начальником штаба был полковник Самарский Дмитрий Иванович, подвижный, полный энергии человек, вполне грамотный в военном отношении. Он хорошо владел шашкой и огнестрельным оружием, водил автомашину и танк. Характер у него был не в меру горячий, взбалмошный. Мне пришлось однажды быть свидетелем такой сцены: Самарский дает сидящему у карты Андрею Антоновичу Гречко, бывшему тогда начальником штаба 36-й кавалерийской дивизии, вводные по игре, причем страшно горячится, кричит, тычет в карту пятерней, теряет последовательность и логику в изложении вводной.

Андрей Антонович внимательно слушает, глядя то на него, то на карту, а потом снимает руку Самарского с карты и спокойным голосом говорит:

— Митя, ну что ты кипятишься и кричишь? Ведь ни я, ни кто другой ни черта не понял. Остынь немного и давай сначала, но только спокойно и вразумительно.

Я посмотрел на Самарского, не зная, как он будет реагировать на это. А Самарский вдруг затих, растерянно поглядел вокруг, на меня, и после небольшой паузы совершенно спокойно и толково изложил содержание вводной.

* * *

В мае с Дальнего Востока стали приходить тревожные известия. В Маньчжурии, у государственной границы Монгольской народной республики стали сосредоточиваться японские части Квантунской армии и Баргутская¹ конница. Начатые японцами в начале месяца разведывательные бои не прекращались. В конце мая японцы при поддержке авиации и артиллерии начали наступательные бои против советско-монгольских войск, выдвинутых по боевой тревоге восточнее Халхин-Гола. Майское наступление японцев было отбито, но попытки к агрессии на этом не кончились.

19 июня в штаб корпуса пришла телеграмма на мое имя со срочным вызовом в Москву.

20 июня я выехал из Минска экспресом Негорелое — Москва и через сутки был в Москве. Начальник Главного управления кадров сообщил о назначении меня заместителем инспектора кавалерии фронтовой группы, недавно созданной для руководства войсками Дальнего Востока и боевыми действиями в районе Халхин-Гола.

Командующим назначен командарм 2-го ранга Штерн, заместителем по по-

¹ Комкор Сердич был необоснованно репрессирован в 1937 году и погиб.

¹ Баргу — один из районов Маньчжурии.

литической части корпусный комиссар Бирюков, начальником штаба комбриг Кузнецов.

Мне предложили выехать в штаб фронтовой группы в Читу не позднее второго дня, предварительно явившись к инспектору кавалерии РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии) — комкору О. И. Городовикову. Назначением я был очень недоволен, о чем сразу же взволнованно заявил т. Городовикову.

— Что тебе в этом не нравится? — спрашивает Ока Иванович.

— Не нравится, почему меня назначили на такую должность — ни командную, ни штабную. Определенности хочу, отвечать за дело хочу, понимаете? — горячо доказываю я ему.

— Подожди, что ты такой горячий? — совершенно спокойно, но повысив голос говорит Ока Иванович. — Ты пойми, воюет монгольская конница, нам надо знать, как она воюет, какие ей боевые задачи можно ставить, надо обобщить опыт ее боевых действий, характер взаимодействия с частями Красной Армии, понимаешь? Ты только академию кончил, в журналах статьи пишешь, вот все в один голос и настаивали на твоей кандидатуре. Теперь тебе ясно? Езжай, желаю успеха.

Так через семь дней я оказался в Чите, в штабе фронтовой группы.

Как известно, основная сила Квантунской армии японцев с их генералами Комацубара, Ясуока, Кобаяси и Баргутская конница были разбиты Красной Армией в боевом содружестве с Монгольской народной армией. Части Красной Армии в этих боях показали чудеса храбрости и верности своему долгу. Многие соединения и части показали примеры беззаветного мужества и прославили свою Родину. К ним относятся прежде всего 11-я танковая бригада комбрига Яковлева, погибшего смертью героя, авиационные части дважды Героя Советского Союза т. Кравченко. Очень хорошо показал себя 24-й мотострелковый полк, которым командовал полковник И. И. Федюнинский, ныне генерал армии, 149-й мотострелковый полк майора Ремизова, погибшего смертью героя. Родина щедро наградила своих отважных сынов. Многие получили звание Героя Советского Союза, в том числе и Федюнинский Иван Иванович, посмертно — майор Ремизов и комбриг Яковлев. На долю штаба фронтовой группы наград выпало немного. Помимо командования было награждено что-то около полутора десятка человек, в том числе орденами Красного Знамени — танкист Корнилов-Другов, начальник связи полковник Новиницкий и порученец Штерна полковник Первушин, медалями «За боевые заслуги» — комбриг Сбухов и капитан Антипов.

В Чите, при вручении орденов и медалей заместителем Председателя Президиума Верховного Совета товарищем Наталевичем, получился непредвиденный конфуз. Списки награжденных были объявлены в газетах с указанием, куда и в какое время явиться за наградами. И вот за наградами явилось несколько десятков... «мертвых», то есть явились, те, которые ошибочно считались павшими на поле боя и пропавшими без вести. Многие из них были ранены и эвакуированы в тыл и оказались неучтенными. В общем, получилось — «на войне, как на войне». Пришлось самолетом доставлять из Москвы в Читу дополнительно орденские знаки и медали.

ГЛАВА 13

Осень 1940 года принесла мне новую неожиданность и связанные с ней новые переживания. В сентябре я был срочно вызван в Москву, в Главное управление кадров в связи с переводом.

Итак, снова я ехал в неведомое, и снова с тревожным чувством.

Е. А. Щаденко, начальник Главного управления кадров, встретил меня дружески. Он знал меня по Академии имени Фрунзе, а запомнился я ему еще с мандатной комиссии при приеме в академию, когда я рассказывал, как меня воспитывал в Крыму комиссар Первых Крымских кавкурсов Бабич. Все члены мандатной комиссии, слушая меня, улыбались, а Е. А. Щаденко откровенно хохотал, похлопывая от удовольствия руками по столу. И сейчас встретил он меня как старого знакомого, широкой улыбкой, но сразу же озадачил меня непонятным вопросом.

— А как у тебя, не булькает? — и ткнул себя пальцем в голову.

— Я вас не понимаю, Ефим Афанасьевич.

— А чего меня не понимать, дело простое. Я вот только перед тобой одному товарищу кавалеристу объясняю, зачем и для чего он вызван, а он мне говорит: «Не губите, дайте помереть в коннице, да и с головой у меня что-то неладно». «Что неладно? Булькает, что ли, в голове?», — спрашиваю его. «Да, булькает», — жалобно отвечает он. Я его и отправил с богом. Вот и тебя о том же спрашиваю — не булькает у тебя?

— Ефим Афанасьевич, убейте меня, но я ничего не понимаю.

— Да тут и понимать нечего. Надо в авиацию идти. Там никакого порядка нет. Один только Рычагов какие дела натворил. Много аварий, катастроф в воздушных силах, и все от беспорядков. Вот Политбюро ЦК и решило взять из войск общевойсковых командиров и послать в авиацию наводить порядок.

— Да какой же порядок можно навести, когда сам ничего не смыслишь в авиации? Я ведь за всю жизнь два-три раза летал на самолете, да и то в качестве пассажира. Не губите, оставьте в коннице! — умоляю я Ефима Афанасьевича.

— Да, что вы, черт вас возьми! Сговорились, что ли, заладили «не губите», «не губите». Партия этого требует, понял? Или струсил, в голове булькает? Или, может, мне надо стать в роль твоего комиссара Бабича, что ли? Так тебе же не семнадцать лет, и год не двадцать второй, а сороковой.

— Не струсил, поймите, но ведь я же полный профан в летном деле.

— Ну, об этом не беспокойся. Поедешь в Монино, в Академию командно-штурманского состава ВВС, там поучишься, а потом будешь назначен в авиационные части.

— Тогда другое дело, — говорю, несколько успокоившись. — Готов и в авиацию, раз партия приказала.

— Вот это другой разговор. Завтра и езжай в распоряжение начальника академии т. Аржанухина для зачисления на особый факультет. Вас там будет около двадцати пяти — тридцати человек, часть уже сейчас там.

Итак, для меня наступил год «переделки» из кавалериста в летчика.

***

— Здорово, старина! Привет старому коннику!

— А... а, друг, здорово! А ты как попал сюда?

— Да, вот так, было у моей мамы три сына: два умных и третий я — летчик.

Такие шутки сыпались со всех сторон, когда мы собрались на первое организационное собрание, проводимое начальником академии.

В нашу особую группу попали в основном из кавалерии и меньшая половина из пехоты. Почти все из нас знали друг друга десятками лет как по службе в коннице, так и по пехоте, поэтому все сразу почувствовали себя в своей семье, и коллектив сложился очень быстро.

Началась учеба. Сразу же пришлось столкнуться с техникой, астрономией, физикой и элементами высшей математики. Помимо всех общих учебных задач, перед нами стояла и ближайшая задача — усвоить курс теории и практики штурманской службы.

Вскоре мы, получив необходимые навыки в расчетах, начали готовиться к полетам в качестве штурманов. Первое время при наших полетах было немало казусов. Взлетишь и... все потерял: и аэродром, и ориентиры. При возвращении — смотришь, смотришь, по расчет-

ному времени должны быть над аэродромом, а его нет, не можешь найти. Летчик же заходит на посадку и улыбается. Мы весьма сконфужены. Особенно нам было не по себе, когда в роли летчика оказывалась женщина — старший лейтенант из учебного полка академии, которая умела мило, но язвительно улыбаться, глядя на наши сконфуженные лица.

Однажды с нами произошел весьма комичный случай. В одном полете на «ДБ-3Ф»¹ первым штурманом летел я, вторым — полковник Петр Калинин (погиб во время Великой Отечественной войны). При перелете через Волгу «забарахлил» и стал работать с перебоем правый мотор. Самолет «завилял» и начал терять высоту. Я лежал на животе на дне «фонаря» и работал с ветровой линейкой, Калинин сидел на своем парашюте у бомбового прицела.

— Барахлит правый, придется тянуть на одном, до аэродрома вряд ли дотяну, предстоит вынужденная, надо прыгать, — сказал мне пилот.

Калининчев, почувствовав мое беспокойство, бросил все и тревожно следит то за мной, то за пилотом.

Мне сразу вспомнились рассказы летчиков, что при вынужденной посадке пилоты остаются живы, а штурманы никогда. Ибо при ударе о землю фонарь вместе со штурманами превращается в лепешку и служит буфером, вернее, амортизатором для летчика, благодаря чему он и остается жив. Оценив это и взглянув на пересеченность местности, к тому же покрытой тонким слоем снега, маскировавшим неровности, я решительно потребовал:

— При всех обстоятельствах «тянуть» на аэродром.

— Буду стараться, но самолет надо вам покинуть, — отвечает пилот.

Вот так штука! Я растерянно взглянул на свой парашют. Ведь ни одного прыжка с парашютом у меня нет, парашютные прыжки для нашей группы были по желанию, и когда мне предложили сделать хотя бы один прыжок, я, как и все остальные, отказался от него, под общий смех, заявив начальнику нашего факультета: «Пускай медведь прыгает, он ученый, а я посмотрю».

Вот теперь пришлось пожалеть, что я тогда так легкомысленно отнесся к возможности научиться прыгать с парашютом.

— Прыгать не буду, Калининчеву предложу, — отвечаю летчику.

— Петя! — кричу над ухом Калининчева. — Прыгать надо! Бери свой парашют и цепляй за лямки (лямки по инструкции мы одели заблаговременно). Став на колени, я откинул на себя крышку верхнего люка, а затем ударил

¹ «ДБ-3Ф» — дальний бомбардировщик.

ногой по второй крышке нижнего люка. В самолет ворвалась струя воздуха. Поворачиваюсь к Калиничеву. На нем лица нет... Бледный, с выпученными глазами, растерянно ощупывает он еще не прикрепленный к лямкам парашют, подталкивает его к люку и хочет сбросить его вниз, подвигаясь и сам к люку. Несмотря на всю серьезность положения, я невольно улыбнулся. Быстро оттянув Калиничева за плечи от люка, я захлопнул верхнюю крышку. Так с откинутой крышкой нижнего люка мы долетели и благополучно сели на своем аэродроме. Когда мы спустились по лесенке на землю, чувство радости сменилось у меня страшной усталостью и безразличием. У Калиничева реакция была другая — нервный смех. Но он стал «героем дня». Смеху было много, даже на основных факультетах академии, куда слух о нашем полете дошел очень быстро.

В апреле 1941 года мы выполнили ближайшую задачу, и встал вопрос об отправке нас в авиационные части. В группе разгорелись страсти. С утра и до ночи шел спор о том, что делать нам дальше: ехать в части или оставаться и получить летную практику в какой-либо авиационной школе. Более пожилые из нас стояли за первый вариант, более молодые, в том числе Родимцев Александр Ильич, Городовиков Бассан Багминович, ныне первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС, и я стояли за второй вариант.

Такой же спор разгорелся, когда к нам по поручению наркома Семена Константиновича Тимошенко приехал Семен Михайлович Буденный, чтобы выслушать наше мнение и доложить наркому. Спорили долго. Семен Михайлович внимательно слушал, но своего мнения не высказывал. Через два дня стало известно решение наркома: более пожилые уходили в войска, но не в авиационные, а в воздушно-десантные. Остальные желающие продолжать летную подготовку — переезжали в летную школу в город Серпухов.

Сначала мы летали по «коробочке» над аэродромом и только горизонтальным полетом, а во второй половине июня приступили к отработке упражнений по курсу летной подготовки и в зонах.

Мне была назначена зона № 6 за рекой Клязьмой, над деревней с большой белой церковью, которая служила мне наземным ориентиром. При отработке упражнений в зоне самыми неприятными были крутые виражи. От перегрузок мы чувствовали себя неважно, а чуть-чуть угол дашь больше и радиус меньше, так самолет трясет как в лихорадке, и самому неприятно, точно прижали тебя каким-то гигантским прессом.

Мне лично больше всего нравилось вводить и выводить самолет из штопора. Бывало, по заданию надо набрать высоту 600-650 метров и сделать по полвитка вправо и влево, а мне этого кажется мало. Заберусь на 800-900 метров и после заданного еще сделаю по полному витку. Прилечу, сяду, а инструктора покачают укоризненно головой, улыбнутся, но ничего не скажут. В один из летных дней, закончив работу в зоне, иду на аэродром и захожу на посадку. Снижаюсь, убираю газ... Слева по курсу я увидел посадочный знак, и вдруг мне показалось, что против левого крыла стоит человек... «Финишер!» — промелькнуло у меня в голове. Сейчас убью его ребром крыла... И в этот момент я чувствую удар колес самолета о грунт. Но мысль работает в одном направлении — отвернуть самолет вправо и спасти человека... Подсознательно даю полный газ. Самолет разворачивается на земле под прямым углом и начинает разбег для взлета. Но не по взлетной полосе, а по огородам, примыкающим к аэродрому. Я не знаю, что делается сзади, но вижу, как с огородов во все стороны разбегаются люди. Водовоз, только что раздававший ведром воду, бросает ведро и, схватив кнут, яростно нахлестывает лошадь, стремясь подальше уйти от идущего на него самолета. Картина даже комичная, но мне не до смеха. Тревожит мысль — почему самолет не отрывается от земли? Разбег он уже сделал большой, в чем же дело? А впереди, в 50-100 метрах, — обрывистый берег Клязьмы, если не взлечу, то... придется моим друзьям прослушать марш Шопена и потратиться на цветы. А вот и кромка обрывистого берега реки, которая красивой голубоватой лентой лежит передо мною, но я не падаю. Самолет, миновав обрыв, повис в воздухе, продолжая движение вперед. Подчеркнуто спокойно, стараясь не волноваться, постепенно «выбираю» ручку на себя, и, набрав высоту, снова захожу на посадку. Но сесть не сумел, промазал. Этого никогда со мной раньше не случилось. Садился я всегда против знака «Т» — отлично. Видимо, пережитое нервное напряжение дало себя знать. Захожу снова на посадку, и опять неудача — «недомаз» (недолет). «Подтянуть» мотором опоздал, высоты совсем нет. Захожу в третий раз на посадку с твердой решимостью сесть во что бы то ни стало, хотя бы из-за того, что бак уже пустой. На этот раз все-таки сел, уже с небольшим промазом. Отстегнув ремни, выхожу из самолета. Подхожу к месту ожидания «очередных». Все стоят бледные и молчат. Инструктора сами не свои. Несколько секунд молчания, а затем расспросы и даже шутки, правда, только со стороны моих однокашников.

На другой день на стене против моей комнаты оказались две карикатуры. На

одной изображен я, делающий разбег на самолете по огородам, и разбегающиеся в панике люди, куры, поросята и т. д., на другой — лечу над аэродромом, сидя верхом на самолете с поднятой шашкой в руке и с большими рыцарскими шпорами на сапогах. На шее у меня петля лассо, конец его у инструктора, который стоит у посадочного знака.

Вся летная школа ходила смотреть на это сатирическое творение моего дорогого друга и в будущем боевого товарища Бассана Багминовича Городовникова.

После знаменитого полета пришлось

мне получить два «провозных» полета (летать с инструктором), после которых я вошел в норму и, не вызывая больше сомнений у своих учителей, был снова выпущен в самостоятельные полеты.

В августе мы должны были закончить учебу и направиться в авиационные войска, но эти планы внезапно были нарушены, так же как мечты и чаяния не только советского народа, но и всего человечества.

Началась Великая Отечественная война.

Окончание следует

Григол БРЕГАДЗЕ

В братской семье советских народов

К 43-й годовщине установления Советской власти в Грузии

Освободив народы нашей страны от социального и национального гнета, Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало их коренному преобразованию и полному расцвету. Победа же 25 февраля 1921 года Советской власти в Грузии ознаменовала резкий поворот в жизни трудящихся нашей республики. Установление диктатуры пролетариата явилось исходным моментом и решающим условием социалистического преобразования ее экономики и культуры, формирования и всестороннего расцвета грузинской социалистической нации.

Коммунистическая партия, ее основатель и вождь В. И. Ленин проявляли неустанную заботу об установлении и укреплении в Грузии Советской власти. Глубоко проанализировав своеобразие республик Закавказья, Владимир Ильич разработал план основных мероприятий и дал указание о социалистическом строительстве в Грузии и Закавказье. Основные задачи в этой области, вытекающие из этих указаний, сводились к необходимости удержать и развить Советскую власть, укреплять оборону и национальную государственность Грузии; осмыслить своеобразие положения Грузии в отличие от условий РСФСР, не копировать русской тактики, а «самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917-1921 годов»; создать «образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного

в буржуазном строе». Кроме этого, Ленин указывал на важность всемерного развития производительных сил, марганца, угля, проведения крупных работ по электрификации, орошению и т. д. Владимир Ильич требовал также осторожного подхода к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству; улучшения положения рабочих и крестьян, использования всех мер для привлечения интеллигенции к строительству народного хозяйства (см. Соч., т. 32, стр. 137, 295-296).

Знаменательно, что в резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» выделяется ряд пунктов, по которым надлежит помочь трудовым массам нерусских народов. В частности, им надо оказать помощь в развитии и укреплении у себя советской государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям народов. Подчеркивается в резолюции необходимость способствовать становлению действующих на родном языке суда, администрации, органов хозяйства и власти, укомплектованных людьми, знающими быт и психологию местного населения, а также прессы, школы, театра и культурно-просветительных учреждений, широкой сети курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке и т. п. (см. КПСС в резолюциях..., ч. I, 1953, стр. 559).

Успешное претворение в жизнь этих ленинских директив предрешало социа-

листическое преобразование общественно-экономического строя в Грузии, и на этой основе — формирование и расцвет грузинской социалистической нации.

Одна из основных особенностей условий, в которых проходил процесс социалистического преобразования грузинской нации, заключалась в том, что это была бывшая колония царской России, где в результате экономической отсталости, господства меньшевиков, грабежа со стороны германо-англо-американских и турецких интервентов царил голод и разруха. Но благодаря постоянной братской помощи Советской России в Грузии уже к середине тридцатых годов социализм победил.

В результате глубоких революционных преобразований, индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции в республике окончательно утвердился социалистический способ производства, исчезли эксплуататорские классы и их буржуазно-националистические партии, сложилась совершенно новая социально-классовая структура общества.

Рабочий класс Грузии, возникший и закалившийся в условиях революционной борьбы против царизма и капитализма, в процессе строительства социализма вырос и окреп, превратился в мощную социальную силу, в руководящий класс нации и всего общества. В союзе с трудовым крестьянством, преодолевая сопротивление эксплуататорских классов, он уничтожил старый, буржуазный строй, преобразил общество, а также самого себя в духе социализма и теперь под руководством Коммунистической партии ведет грузинскую социалистическую нацию и всех трудящихся Грузии к коммунизму.

С победой социализма коренным образом изменилось и крестьянство Советской Грузии. С ликвидацией помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков трудовое крестьянство освободилось от всякой эксплуатации и гнета. Благодаря колхозам и совхозам крестьяне в значительной мере приблизились к рабочим. Новое бытие, созданное на базе общественной собственности, коллективного труда и применения достижений науки, постепенно изменило психологию крестьянина в духе социализма.

В результате радикальных изменений в жизни рабочего класса и крестьянства их союз перешел в нерушимую дружбу. Если до ликвидации кулачества как класса опорой рабочего класса в деревне был бедняк, а союзником — середняк, то с укреплением колхозного строя крестьянство превратилось в прочную и надежную опору Советской власти в деревне.

С победой социализма сформировалась новая, советская интеллигенция,

которая своими корнями связана с рабочим классом, колхозным крестьянством, со всем советским обществом и кровно заинтересована в полном торжестве коммунизма.

В состав грузинской советской интеллигенции вошли передовые представители старой грузинской интеллигенции и, что главное, многочисленные высококвалифицированные новые кадры: партийные и государственные деятели, руководители учреждений, предприятий, фабрик и заводов, колхозов и совхозов, советские ученые, писатели и художники, инженеры и агрономы, педагоги, врачи и работники всех отраслей социалистической культуры, люди умственного труда, воспитанные Коммунистической партией и Советским государством.

Итак, в период строительства социализма рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, составляющие грузинскую нацию, стали качественно новыми социальными группами. Поэтому вполне закономерно, что и грузинская нация стала совершенно новой, социалистической нацией. Эпоха социализма преобразила как классы общества, так и нацию, которая восприняла и развила все передовое и прогрессивное, что было приобретено грузинским народом в течение своей многовековой истории и особенно в героической борьбе за победу социализма.

Формирование грузинской социалистической нации — это глубоко революционный переворот, скачок от старого качественного состояния буржуазной нации в новое, осуществленный в течение полутора десятков лет, в то время, как консолидация грузинской буржуазной нации длилась почти целое столетие. Итак, то, что грузинская передовая социалистическая нация сформировалась за такой короткий срок, обусловлено закономерностями советского общества и служит одним из ярких доказательств преимущества социализма перед капитализмом.

С завершением процесса формирования грузинской социалистической нации открылись великие перспективы ее дальнейшего развития и расцвета.

После успешного выполнения первой и второй пятилеток грузинская социалистическая нация в период Великой Отечественной войны Советского Союза вместе со всеми социалистическими нациями еще более ярко проявила благородные качества нации социалистического типа: преданность советской Родине и ненависть к врагу, героизм на фронте и в тылу, боевое содружество со всеми социалистическими нациями, уважение к правам и независимости всех народов мира, любовь и преданность делу коммунизма и т. д.

В условиях завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму грузинская социалистическая нация, наряду с другими социалистическими нациями Советского Союза, добилась новых выдающихся успехов в области мощного подъема своей экономики и культуры. Это способствовало укреплению грузинской нации, росту населения Грузинской ССР. А это один из ярких показателей развития грузинской социалистической нации и других народов, проживающих на территории республики.

Основным законом строительства социализма и коммунизма в отношении национального вопроса является формирование и неуклонное развитие, всестороннее сближение и слияние социалистических наций. Еще в 1916 году В. И. Ленин писал: «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу с большими и передовыми социалистическими нациями» (Соч., т. 22, стр. 324).

Всемирно-историческое значение приобретает тот факт, что на основе братской дружбы народов нашей огромной страны, где насчитывается более ста наций и народностей, образовалась нерушимая интернациональная общность людей — советский народ.

В докладе о Программе КПСС на XXII съезде партии Н. С. Хрущев говорил: «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, — советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину — СССР, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм, общую цель — построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии».

Эта новая историческая общность советских людей сложилась на основе единства социально-экономической, политической и идейной жизни всех советских наций и народностей. Вместе с тем она не только не отрицает нацию как историческую общность людей со всеми характеризующими ее признаками, а, наоборот, создает условия для всестороннего ее развития, для более тесного сближения и единства между нациями.

Экономическая общность районов Закавказья сложилась исторически. Не случайно поэтому с первых же дней победы Советской власти в Закавказье В. И. Ленин в качестве важнейшего условия создания прочного национального мира и нерушимого братского содружества народов считал необходимым обеспечить экономическое и политическое

объединение республик Закавказья. 14 апреля 1921 года в известном письме к коммунистам Кавказа Владимир Ильич, горячо приветствуя Советские республики Кавказа, выразил надежду, что «их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе» (Соч., т. 32, стр. 295).

Сбылось предвидение Ленина. Республики Закавказья, так же как и всего Советского Союза, создали блестящий образец братского содружества и монолитного единства.

В условиях Советской власти на качественно новой, социалистической основе развиваются дружба и сотрудничество братских народов Грузии, Азербайджана, Армении. Закавказская Федерация, идея создания которой была выдвинута В. И. Лениным, сыграла огромную роль в укреплении содружества наших народов, в восстановлении разрушенного народного хозяйства и в победе социализма. Образованием СССР было положено начало нерушимой семье свободных и равноправных народов, великой Родине передовых, социалистических наций.

В послевоенный период для дальнейшего развития социалистических наций СССР большое значение имели исторические решения КПСС и Советского правительства о расширении прав национальных республик, осуществленные за последнее десятилетие.

В исторических решениях XX, XXI и XXII съездов КПСС, в новой Программе партии ярко выражен ленинский курс дальнейшего развития и сближения социалистических наций Советского Союза. «Развернутое коммунистическое строительство, — говорится в Программе КПСС, — означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства».

Развернутое строительство коммунизма создает благоприятные условия для установления еще более тесных хозяйственных и культурных связей между республиками Закавказья, обеспечивающих братское сотрудничество и объединение дальнейших усилий для решения общих для них проблем, способствующих развитию и сближению социалистических наций.

После XXII съезда КПСС особенно большой размах приобрело экономическое содружество братских республик Закавказья. Учитывая необходимость развития исторически сложившейся экономической общности Грузии, Азербайджана и Армении, а также их сотрудничества в выполнении задач развернутого коммунистического строительства, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об экономическом

районировании СССР и координации и планировании в крупных экономических районах» был создан новый, общий для республик Закавказья орган — Совет по координации и планированию Закавказского экономического района. В его состав вошли руководители партийных, советских и хозяйственных органов, видные ученые и специалисты Грузии, Азербайджана и Армении.

Организована Плановая комиссия Закавказского экономического района, которая рассматривает основные проблемы комплексного развития промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства в закавказских республиках, разрабатывает рекомендации и предложения, обеспечивающие наиболее эффективное использование природных богатств, производственных фондов и трудовых ресурсов.

Для того, чтобы успешно осуществить со стороны ЦК КПСС более конкретное руководство, было создано Закавказское бюро ЦК КПСС, которое работает под непосредственным руководством Президиума ЦК КПСС; его главной задачей является оказание помощи партийным органам республик в улучшении руководства народным хозяйством и развитием социалистической культуры.

Таким образом, создание и деятельность Закавказского Бюро ЦК КПСС и Плановой комиссии Закавказского экономического района знаменуют начало нового этапа в развитии братского сотрудничества социалистических наций Закавказья и объединения их усилий, направленных на практическое осуществление величественных задач строительства коммунистического общества.

Развернутое строительство коммунизма настоятельно требует тесных хозяйственных и культурных связей между Грузией, Азербайджаном и Арменией в целях успешного разрешения проблем, общих для закавказских республик.

Известно, что отсутствие крупного производства чугуна, стали и проката в пределах Закавказья в высшей степени затрудняло материально-техническое снабжение стальными трубами нефтяной промышленности Баку и других отраслей народного хозяйства Грузии, Азербайджана и Армении. Только потребность всех республик Закавказья могла быть положена в основу проектирования такого крупного современного металлургического завода, как Руставский металлургический. К тому же, имея топливную базу, Грузия не имеет достаточного железнорудного месторождения, удовлетворяющего требованиям большого металлургического завода. Поэтому создание металлургического производства в Рустави стало возможным лишь на базе грузинского каменно-

го угля и азербайджанской железной руды, а перспектива его дальнейшего развития требует совместных усилий всех республик Закавказья.

Объединенных производственных усилий закавказских республик требует также решение проблем дальнейшего развития нефтяной промышленности, снабжение газом и другие отрасли народного хозяйства.

Объединение энергосистем Грузии, Азербайджана и Армении означает более высокую степень в развитии энергетики, которая будет способствовать мощному подъему экономики и культуры республик Закавказья. У нас и управление железной дорогой одно; проблема ее дальнейшего развития и совершенствования всех видов транспорта, обеспечивающего бесперебойные перевозки внутри закавказских республик и усиление связи со всеми экономическими районами СССР, требует совместных усилий.

Одной из высших форм проявления ленинской дружбы народов, которая укрепляется непосредственно в сфере материального производства и сближает советские нации, является социалистическое соревнование. Специфика этого соревнования между союзными республиками в том, что оно взаимно обогащает трудящихся передовым опытом, новыми научно-техническими достижениями и способствует общему подъему производительных сил страны.

За последнее время особенно широко развивается социалистическое соревнование между народами СССР, большое внимание уделяется вопросам развития экономических и культурных связей между республиками Закавказья. В процессе социалистического соревнования братскую помощь оказывают друг другу рабочие Мингечаурской и Храмской гидроэлектростанций, металлурги Рустави и Сумгаита, цементники Рустави и Карадага, чаеводы Зугдидского района Грузии и Ленкоранского района Азербайджана.

Социалистическое соревнование дает свои неценные результаты не только в сфере материального производства, но и в духовной жизни.

Переводы научно-политической и художественной литературы также служат сближению народов. На грузинский язык переведены не только произведения классиков братских литератур, но и многих современных писателей. Например, недавно в Тбилиси на грузинском языке был издан сборник «Мост братства», куда вошли произведения армянских писателей, проживающих в Советской Грузии.

За последнее время передовые представители промышленности, сельского хозяйства и транспорта, ученые, писате-

ли и деятели искусств республик Закавказья систематически обмениваются передовым опытом, все теснее и теснее сплавиваются под великим знаменем ленинской дружбы народов.

В деле дальнейшего укрепления и развития интернациональных связей большую роль сыграло состоявшееся в Тбилиси в начале февраля 1961 года совещание передовиков сельского хозяйства республик Закавказья. На совещании с большой речью выступил Н. С. Хрущев. Социалистические преобразования, осуществленные нашими народами за 40 лет Советской власти, Никита Сергеевич справедливо назвал великой победой национальной политики КПСС. Это совещание явилось новым ярким проявлением нерушимой ленинской дружбы строителей коммунизма.

Большое значение имели также совещания республик Закавказья по вопросам химии, строительства и идеологии, проведенные в Баку, Ереване и Тбилиси.

Ленинской дружбе народов была посвящена состоявшаяся в ноябре 1963 года научная сессия Института истории

АН Армянской ССР при участии Институты истории Академии наук Грузинской ССР и Азербайджанской ССР и филиалов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС республик Закавказья. На сессии с докладом об экономическом и культурном содружестве республик Закавказья в период развернутого строительства коммунизма выступил председатель Закавказского Бюро ЦК КПСС Г. Н. Бочкарев. Сессия имела большое значение для воспитания трудящихся в духе социалистического интернационализма и дружбы народов, в духе задач, поставленных перед работниками идеологического фронта июньским (1963 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Закавказье — один из наиболее многонациональных краев Советского Союза. И здесь правильное претворение в жизнь ленинской национальной политики имеет огромное значение для успешного строительства коммунизма, всестороннего расцвета грузинской социалистической нации и ее дальнейшего сближения с русской, азербайджанской, армянской и со всеми советскими нациями.

Шота КАПАНАДЗЕ

Мы — строители Ингурской ГЭС

Июль уже подходил к концу, а Тенгиз и не собирался подавать заявление в институт. Родители в смятении не знали, что делать; наконец, не выдержали и спросили сына — о чем он думает, время идет, будет поздно... И тут их Тенгиз, их рассудительный, примерный мальчик, заявил тоном, не допускающим возражений:

— Пойду на производство. Мы еще в мае, до окончания школы, так решили с Важа. Да не только мы, весь наш класс.

Мать с немым отчаянием смотрела на сына.

— Мама, прошу тебя, не отговаривай меня, так будет лучше.

Долгий, мучительный разговор ни к чему не привел. Родители добились лишь одного — работать Тенгиз начнет с осени, а пока вместе с Важа поедет куда-нибудь отдохнуть.

Вскоре друзья отправились в путь.

Сачхере, Схвители, Кутаиси, Сухуми и, наконец, Зугдиди. В Схвители посетили Дом-музей Акакия Церетели, в Кутаиси осмотрели Сатаплиа, храм Баграта. Было интересно, но как в музее. Зато в Зугдиди, куда они заехали к знакомому инженеру, неожиданно для себя окунулись в кипучую, полнокровную, очень сегодняшнюю жизнь.

В управлении

Кабинет главного инженера строительства Ингурской ГЭС Нодара Эмхвари

полон народу. У всех какие-то неотложные дела, и все спешат, спешат...

Эмхвари говорит коротко, лаконично. И с посетителями, и по телефону. Порой он кажется даже резким...

Пока он кричит кому-то в телефонную трубку, требуя разгрузить вагоны, к его столу подсаживается высокий, совершенно седой человек. Это — Давид Жгенти. Он руководит механизацией строительства гидроэлектростанций Грузии, а сейчас всецело занят механизацией на строительстве Ингурской ГЭС.

— Нодар, — обращается он к Эмхвари, — удели мне несколько минут. — И Жгенти сообщает, что из Братска прибыли специалисты, они приступают к работе. В связи с этим необходимо сдать мастерские подземных электростанций.

Разрешив этот вопрос, Жгенти быстро выходит из кабинета.

Его место тут же занимает женщина, которая до этого сосредоточенно рассматривала какие-то иностранные, видимо, специальные технические журналы. Женщина оказалась инженером из «Грузгидроэнерго». Она приехала ознакомиться со строительством. Записав все необходимые сведения в блокнот, женщина попросила у Эмхвари машину, чтобы осмотреть строительные объекты. Когда она ушла, главный инженер вопросительно посмотрел на Тенгиза и Важа, скромно стоявших у проекта плотины Ингурской ГЭС, прикрепленного к противоположной стене. Взгляд

означал — «Вы ко мне?». Ираклий Какулия, начальник отдела организации труда треста «Грузгидроэнергострой», перехватил этот взгляд.

— Нет, Нодар, эти ребята — мои гости. Сейчас я иду в Земо Джвари и их возьму с собой. Пусть посмотрят строительство...

— Ну что ж, тогда поедем все вместе. И мне туда же! — ответил главный инженер.

Пока ждали машину, Эмхвари рассказал ребятам много любопытного о новой ГЭС. Оказывается, это будет гидроэлектростанция огромной мощности. Сложность строительства, объем работ здесь превышают размеры строительства всех электростанций Закавказья. На Ингурской ГЭС все работы механизированы. Причем используется исключительно отечественная техника. С восхищением говорил главный инженер об энтузиазме молодежи — на строительстве в основном трудится молодежь.

Тенгизу и Важа стало не по себе — они подумали, что Эмхвари неспроста заговорил о молодых строителях; не намекает ли он на то, что они пока ничего не делают. Но в это время вошел шофер, доложил — машина ждет...

По дороге к Ингури

«Колхозник» миновал чайные плантации Земо Эшери и теперь неся мимо домов, утопающих в садах. Хотя осень еще не наступила, кое-где мелькали уже осенние краски, золотые, багряные. Но Эмхвари и Какулия словно и не замечали этой красоты. Они были так поглощены разговором о делах строительства, что, видимо, даже забыли о присутствии ребят.

Вскоре вдали показались горы Сванетии. Освещенные солнцем, они казались сказочно прекрасными.

— Смотрите, в горах уже выпал снег! — воскликнул Важа.

— Это не снег, это белые валуны альпийской зоны, — объяснил Какулия.

Все ближе и ближе горы. Они словно вырастают на глазах. Вдруг — взрыв. Глухим эхом прокатился он по окрестностям.

Чем выше в горы, тем чаще на дороге встречаются тракторы, волокущие бревна, экскаваторы с гордо поднятыми хоботами, и люди, люди...

Наконец стало видно раскинувшееся на берегу Ингури село с яркими пятнами черепичных крыш на фоне зелени, уже тронутой желтизной.

Река здесь тихо катит свои волны и глубоко вздыхает, как усталый, натрудившийся человек; она что-то бормочет, возможно, сокрушаясь о том, что скоро навсегда покинет свое русло и взвалит на себя ярмо электростанции.

А горы-великаны, кажется, взирают на все это с высоты своего величия и, нахмурившись, тоже глубоко вздыхают...

— Это — село Джвари, — сказал Какулия. — Отсюда начинается Сванетия. А выше, — он указал рукой вверх и вправо, — Земо Джвари. Там строится сейчас поселок для будущих строителей плотины.

Земо Джвари

Всего год назад строители Ингурской ГЭС проложили в горах это шоссе. И теперь по нему непрерывным потоком идет транспорт — караваны машин, груженных различными строительными материалами: лесом, цементом, металлическими конструкциями...

А чуть поодаль — другая дорога — арубная. Она уже успела зарости травой. По ней не ходят даже пешеходы.

Преодолев остаток пути, «Колхозник» подкатил к конторе строительства. Вмиг инженеров окружили строители, но вокоре все мы уже шагали дальше, вглубь, если так можно сказать, строительства.

Два квартала трехэтажных зданий, сверкающих белизной в лучах солнца, уже готовы принять новоселов. Десятки других домов строятся одновременно. Целый лес подъемных кранов, грузовики со стройматериалами, крепкие, загорелые строители... Все это создает неповторимую картину созидания.

К тому же место для поселка выбрано замечательно красивое. Здесь впору бы расположиться курорту...

— Надеюсь, вы довольны темпом строительства. — Это говорит, обращаясь к Эмхвари, мужчина лет тридцати в спецовке с закатанными рукавами. Владимир Чарбадзе — начальник строительного участка.

— Хотя ты и рачинец, упрекнуть тебя в медлительности, действительно, нельзя, — улыбается главный инженер.

— Надо успеть до наступления зимы закончить основные работы, чтобы потом остались лишь отделочные. Только не подведите нас со стройматериалами. А остальное — наша забота, — снова переходит на серьезный тон Чарбадзе.

— Материалы будут. Успевайте только работать. Чья это бригада? — И Эмхвари кивнул в сторону молодежи, сгрудившейся у подъемного крана.

— Гурама Рухиашвили. Инженером здесь Юрий Мадатов. А вот и он сам.

К нам подошел высокий юноша с копной каштановых волос. Поздоровавшись, он посоветовался о чем-то с главным инженером и отошел.

Как мы узнали, Юра в минувшем году окончил Политехнический институт. Ему 23 года. Его оставляли работать в

Тбилиси, в проектно-монтажном отделе «Грузгидростроя». Но он приехал сюда. Быстро освоил дело. У парня большие планы. Он будет строить плотину и одновременно заочно учиться в аспирантуре.

— Я бы хотел быть на его месте! — вырвалось у Важа.

— А что тебе мешает?

От группы строителей отделился юноша.

— Это Гурам Рухиашвили. — Чарбадзе представил бригадира.

— Ну, как устроился, Гурам? Доволен квартирой? — поинтересовался Эмхвари.

— Благодарю. Хорошо. Когда семья рядом, и работается лучше.

— А как дела с учебой? — Это уже спрашивает Какулия.

— В январе сдам все предметы и перейду на IV курс.

Гурам учится на заочном отделении Политехнического института. Одновременно он — бригадир монтажников, пользуется большим уважением рабочих. До Ингурской ГЭС работал на строительстве Гуматской и Ладжанурской электростанций и заслужил славу хорошего строителя. Сейчас в бригаде Рухиашвили — 35 человек. Все — молодежь, комсомольцы. Многие со средним образованием, собираются поступать в вуз.

— На моих ребят можно положиться, — говорит бригадир, — не подведут.

У строителей

Пока Эмхвари и Какулия были заняты в конторе, Тенгиз и Важа продолжали осматривать строительство.

— Вы что, начальство из города? — спросил кто-то из строителей.

Ребята смутились:

— Нет, мы просто смотрим, как вы работаете.

— Ну и как, нравится?

Друзья окончательно растерялись.

— Ладно, ладно, мы пошутили, — и молодой рабочий похлопал Тенгиза по плечу. — Будем знакомы — Алекси Курашвили.

Алекси — родом из Лечхуми. Раньше работал на Ладжанурской ГЭС. Здесь считается уже опытным строителем, к его советам прислушиваются. Недавно получил двухкомнатную квартиру в доме, который сам строил.

— Пусть Анзор расскажет о нашем поселке, он на это мастер, — смеется Алекси.

— Нет у меня времени сейчас на разговоры. После работы — другое дело, — отрапортовал бетонщик Анзор Пипия, но тут же продолжал: — Поселок наш рассчитан на пять тысяч человек. Думаем закончить его строительство в

первой половине 1964 года. Как видите, строим быстро, доброкачественно...

— Молодец, Анзор, совсем как главный инженер говоришь, — смеются рабочие.

— А что — не могу я стать главным инженером? С будущего года обещают здесь открыть заочное отделение политехнического института. Получу высшее образование без отрыва от производства, стану инженером...

Начальник строительного участка

Ему всего 33 года. Он окончил Грузинский политехнический институт десять лет назад. Когда сдал в эксплуатацию Ладжанурскую ГЭС, его, как хорошего специалиста, перевели на строительство Ингурской ГЭС и назначили начальником строительного участка Верхнего Джвари.

Участок Владимира Чарбадзе выполнил уже половину взятых обязательств и решил, не снижая темпов, к концу года закончить строительство поселка.

— Теперь пойдемте лучше вон под тот орех, — предложил Владимир и повел ребят в тень огромного дерева.

Когда вошли во двор, он рассказал:

— В этом доме живет старик, потомок тех Дадиани, которые когда-то владели всей Мегрелией. На этом месте у нас было запроектировано строительство новых зданий. Но когда мы увидели этот благоустроенный двор, эти древние деревья, проект пришлось переделывать. Дадиани предложили квартиру в новом доме, а здесь будут ясли и детский сад.

Тихо шелестят листья орехового дерева. Кажется, они одобряют то, о чем говорит Чарбадзе.

— Чем займутся жители этого поселка, когда плотина будет построена? — спросил Важа.

— Здесь уже строится гипсовая фабрика на базе вон тех белых гор, — и Владимир указал рукой на север. — Там масса прекрасного сырья для гипсовой фабрики. А в гипсе очень нуждается наше народное хозяйство. Вот на этой-то фабрике и будут работать жители поселка — бывшие строители плотины.

Чарбадзе помолчал и добавил:

— Отдохнули, теперь — за дело. Помогите мне, пожалуйста, измерить двор.

Быстро раскрутив рулетку, ребята измеряли двор старика Дадиани, а Чарбадзе тем временем делал пометки в чертеже.

Солнце клонилось к закату, тени становились все длиннее. Тенгиз и Важа думали успеть к автобусу, который скоро должен был отойти в сторону Зугдиди. Но уходить им уже не хотелось...

Встреча с тоннельщиками

По дороге к автобусной стоянке ребята встретили строителей тоннеля. Был час, когда одна бригада тоннельщиков сменяла другую.

— Время, готовьтесь! — предупредил их инженер Микава.

Лишь год назад он окончил институт и получил направление сюда, на строительство Ингурской ГЭС. Сначала был бригадиром. Микава любит свою профессию и гордится тем, что трудовую деятельность начал именно здесь, на строительстве Ингурской ГЭС.

Ребята попросили Микава взять их с собой в тоннель. Они пробыли там один час и, когда вышли, долго не могли привыкнуть к яркому дневному свету.

— Почему все же временный тоннель в сечении должен быть 180 кв. метров? Неужели Ингури не пройдет через более узкий... — поинтересовался Важа у своего тезки — Важа Микава.

— Сейчас в Ингури вода спала. А посмотрели бы вы на нее весной, во время половодья, когда в горах тают снега... Тогда это могучий поток, который несет с собой огромные камни. Он угрожает снести все на своем пути, — начал объяснять Микава. — Если тоннель будет узким, река пойдет по старому руслу и снесет плотину...

— Кстати, о плотине, — продолжал Микава. — Это будет самая высокая в мире плотина. Ее высота — 300 метров. Сейчас только в Швейцарии есть плотина высотой в 260 метров. Она считается рекордным достижением. Наша плотина отличается еще и сложностью конструкции. Она сооружается в форме арки. Железобетонный фундамент закладывается на большой глубине. Строителям придется бурить твердую породу на глубину 45 метров. Было время, когда на глубине больше двух метров не удавалось сохранить твердость бетона, залитого в основание. Но наши специалисты добились того, что даже на глубине нескольких десятков метров сохраняется предусмотренная твердость бетона. Опорные стены плотины глубоко врежутся в скалы.

— Вот видите просеку, — Важа показал в сторону леса, — там будет разрушена скала и установлены опоры плотины. Чтобы вы могли представить себе грандиозность предполагаемых здесь работ, назову лишь одну цифру — на сооружение плотины понадобится только бетона 2 миллиона 200 тысяч кубических метров. Это такое количество, что целесообразнее построить здесь бетонную фабрику, чем везти этот строительный материал издалека.

Все замолчали, видимо, стараясь представить, как будет выглядеть тут все, когда строительство закончится. Первым нарушил молчание Микава. Он оказался прекрасным рассказчиком,

полностью осведомленным во всех делах строительства. Тенгиз и Важа слушали его с большим интересом.

— Плотина протяженностью в 32 километра запрудит реку. В водохранилище, расположенном меж скал, скопятся миллиарды кубометров воды, — рассказывал Микава. — От водоема будет проведен подземный тоннель, по которому Ингури найдет дорогу к одному из сел Гальского района. Здесь заработают огромной мощности турбины подземной электростанции. Они будут питать две надземные электростанции с меньшей мощностью. Кстати, при проектировании плотины специалисты столкнулись, например, с таким серьезным препятствием — когда дебет реки возрастет, подземный тоннель не сможет пропустить столько воды; она повредит стену и пробьет фундамент плотины.

Как же обезвредить поток лишней воды, падающей с большой высоты? Наши специалисты из научно-исследовательского института нашли решение этой проблемы — плотина будет построена с таким расчетом, что излишек падающей воды ликвидируется, разбиваясь в мелкие брызги.

От тоннеля бежали люди. Готовился взрыв, и надо было отойти отсюда подальше. Мы присоединились к рабочим и устремились в сторону от тоннеля.

Запись в дневнике

...Покорен простотой и сердечностью главного инженера. А ведь сначала он показался мне сухим и официальным.

Давид Жгенти — этот сухарь и службист с первого взгляда — оказался интереснейшим собеседником... Да и все другие — и Микава, и Рухиашвили — совсем еще молодые люди, но уже прекрасные специалисты и цельные чатуры.

Такого размаха строительных работ я не мог себе даже представить. А ведь еще год назад это были совсем глухие места.

— Видели бы вы, как мы добирались сюда в прошлом году, — вспоминал Эмхвари. — Даже на лошадях здесь невозможно было проехать. Шли пешком.

Какой гигант здесь возводится! Сколько благ принесет грузинскому народу эта ГЭС! Я думаю, здесь больше чем где-либо можно сейчас принести пользу Родине. Видимо, так думают и все молодые строители, которых я повстречал. Иначе не трудились бы они с такой любовью и вдохновением. Да, большего простора для творческой инициативы, для трудового энтузиазма и профессиональной зрелости, чем здесь, — не найти! И как растут здесь люди, как они уверены в себе, какая удовлетворенность у них своим трудом! А ведь большинство из них наши сверстники...

Ну, а мы?

Пока они будут возводить это замечательное сооружение, жить кипучей и полнокровной жизнью, я буду мчаться в Тбилиси на «Волге» моего отца, потом бесцельно бродить по улицам и паркам города, спать до 12 часов дня...

Нет! Не хочу я такой жизни. Хочу жить и трудиться, как мои ровесники, на строительстве Ингурской ГЭС. Какое счастье быть вместе с ними! Ведь и учиться дальше я здесь тоже смогу...

Решено. Я остаюсь здесь. Но как убедить в этом Важа?

Утром следующего дня .

Едва рассвело, Тенгиз разбудил Важа, рассказал ему о своем решении.

— Ты что, с ума сошел?

Важа от удивления не мог больше слова вымолвить.

Тенгиз долго уговаривал друга и наконец убедил в своей правоте.

В тот же день друзья пошли в Джвари, чтобы повидать строителей, посоветоваться с ними. Те одобрили решение ребят. Каждая бригада приглашала их к себе.

Снова запись в дневнике

Завтра нас оформляют на работу. Мы — строители Ингурской ГЭС! Лишь на день съездим в Тбилиси повидаться с родителями, рассказать о том, что начинаем самостоятельную жизнь.

Саргис ЦАИШВИЛИ

Рассказы Георгия Леонидзе

Выпущенный издательством «Накадули» на грузинском языке сборник рассказов Георгия Леонидзе называется «Дерево мечты». Это название полностью соответствует содержанию книги, в которой воспоминания отрочества, как жемчужины, нанизываются на желанное, заветное дерево мечты. Однако рассказы Г. Леонидзе во многом выходят за рамки обычных воспоминаний. Их не коснулась беспощадная рука времени. Пережитому в юности новую жизнь дала ясная память поэта.

Благодаря ней в сборнике перед нами предстала в едином повествовании цельная поэтическая картина с персонализированным образом автора в центре. Этот мечтательный юноша-поэт (таким он воспринимается при чтении книги), от имени которого и ведется повествование, служит композиционному сцеплению отдельных рассказов в одно целое.

Рассказы, вошедшие в сборник, предельно колоритны, а герои их интересны и разнообразны. Это близкие поэту люди его родного села Патардзеули. Оно уже давно живет в нашем сознании благодаря прекрасному стихотворению поэта, посвященному патардзеульскому утру.

Теленок брел, хвостом хлестая,
Пел кочет с рыжим хохолком,
И мир подернут был хрустальным,
Щемящим душу холодком.

И были зябки, были жалки,
И были дороги до слез
Патардзеульские фиалки,
Касаясь дедовских колес.

Ушел я в дальнюю дорогу,
А по бокам ее — кресты,
Но если я молился богу,
Патардзеули, это ты!

Так вот о них, о людях этого села и рассказывает нам поэт, любовно и увлеченно. И в нем горит тот же огонь, что и в легкой, как ветерок, Марите или в чуде Форе, всю свою молодость отдавшем неосуществимой мечте...

В обрисовке этих и других героев рассказов Георгия Леонидзе ярко и последовательно проявилась его особая творческая концепция. С первого взгляда простые, маленькие люди, они, наши обыкновенные грузинские крестьяне, привлекают нас своей большой внутренней силой; в каждом из них бродит «закваска», которая в случае необходимости сделает их подлинными народными героями.

Автор так доверчиво, с такой симпатией повествует о простодушии и наивности своих односельчан, что читатель невольно и сам проникается сочувствием к ним. С теплым юмором описана в одном из рассказов история цирюльника Бунбулы, который сам, в одиночку, решил добиться справедливости. Он хочет узнать у царя, для чего, мол, нужны нам войны и кровопролития? Но как добраться до царского двора и кто допустит туда бедного, неискушенного Бунбулу! Высмеянный и обманувшийся в своих надеждах, возвращается он в родную деревню.

В сборнике несколько рассказов на эту тему. На Бунбулу, этого простодушного борца за общее дело, в некотором отношении очень походят герои и других рассказов — Форе и Чорех, благородные порывы которых с самого же начала обречены. Их мечтам не суждено было осуществиться. Они болели душой за свою деревню, а односельчане не понимали их.

История Форе поэтична. Он горит в

благородном порыве превратить запустевшую деревню в цветущий фруктовый сад. Но беспочвенной и неосуществимой оказалась эта прекрасная мечта. Измученные и забытые нуждой сельчане не поверили Форе, отвернулись от него, и он остался совсем один. Рожденный для деятельности и борьбы, Форе угасает в одиночестве. Но мечта его продолжает жить, и в снах своих он достигает ее осуществления. Сон Форе — одно из наиболее сильных мест рассказа. Именно так, наверное, видится далекая заветная страна жителю безводной пустыни, бедуину, потерявшемуся в песках.

Вот какими точными, верно найденными деталями дополняет автор картину деревни, лишенной воды:

«Никогда не видели дети ни водопада, ни потока, ни фонтана, ни даже обильно орошенного сада в деревне, лишенной воды, ни сосцов спелых виноградных гроздьев, ни сочной солнечной нивы. Ах, какая жалкая их деревня, как мучит ее жажда! И как больно бьет ее жестокий ветер! Бедная, она задыхается от пыли! Все, что сеяли весной, ко времени жатвы сгорело и обратилось в сухую, тонкую пыль.

— Так чего же вы сеете? — часто спрашивал я у деревенских старух.

— Что поделаешь? — вздыхали они. — Не позорить же деревню. Стыдно!..»

Колоритные описания оживляет еще один образ. Это Чорех — человек такой же твердый и убежденный, как и Форе, почти фанатик. Но если Форе одержим хоть и беспочвенной, но красивой мечтой о будущем, то Чорех — весь в прошлом...

Георгий Леонидзе знакомит нас и с другими героями своих рассказов. Каждого из них характеризует какая-то особенность, каждый из них живет своей особой жизнью. Вот Цицикоре — человек непоколебимой воли. А вот извозчик Ягор, бежавший из деревни и навсегда порвавший нити, связывающие его с родной землей. Чрезвычайно колоритна и история двух соседей — Чирикии и Чикотелы; сколько в ней юмора и доброй улыбки!

Искренен и правдив рассказ, в котором повествуется об истории несчастной любви прекрасной Мариты и юного Чабука Нателидзе. Марита — любимица всей деревни, чистая и ясная, как прозрачный родник. Образ ее решен в поэтически-возвышенном, романтическом плане, в легких, пастельных тонах. Внутренний трепет и неясный страх служит подтекстом развития образа. Разве Марита — этот нежный цветок — может цвести, когда кругом царит грубость, когда жизнь жестока и построена на расчете! Деревня верит

сплетням и не прощает Марите стремления к истинной, высокой любви. Исихологически правдиво описан глубокий душевный переворот ее односельчан, когда они прощаются с прахом Мариты. Марита, хоть и мертвая, побеждает... «Настали последние минуты расставания... Сельчане подошли к краю могилы, к гробу Мариты, которую недавно так жестоко оскорбили, — и внезапно в ужасе отпрянули. Никто не решался первым бросить горсть земли на эту божественную красоту. Никто... Никто не решался...»

Да, как бы говорит автор этим рассказом, именно чистые, благородные, возвышенные натуры становились жертвами грубой действительности. Эта тема, особенно близкая Г. Леонидзе, получает свое развитие и в ряде других его рассказов.

Особо хочется отметить своеобразный по своему стилю, стоящий несколько особняком рассказ «Наречение». Его первая часть вызывает ассоциацию с древней исторической хроникой. Этому впечатлению способствует и язык рассказа. Автор скуп на слова, как древний летописец; сначала он набрасывает лишь общие штрихи, но постепенно историческая картина оживает, в повествование вступают реальные люди.

Георгий Леонидзе как бы раскладывает перед нами отдельные поэтические картины-зарисовки печальной истории Шалии Ласурадзе — отпрыска древнего рода воинов, последней надежды фамилии, — и его матери, мужественной, несгибаемой женщины. Я приведу одно место из рассказа, наиболее ярко, как мне кажется, иллюстрирующее, как писатель достигает блестящего художественного эффекта: «Идет первая мировая война... Тетя Чахтаура сидит одна на старинном, полуразвалившемся балконе. Не гасит огня в очаге... Вяжет чулок... Для Шалии — последнего из трех сыновей. Шалия тоже погиб недавно. Но Чахтаура не верит в это, она твердо убеждена, что сын жив, и поэтому говорит почтальону, пришедшему к ней: «Чтоб у тебя язык отсох, враль ты этакий! Неси обратно бумажку! Верни тому, кто тебе ее дал! Шалия погиб! Не смей больше говорить так», — и снова продолжает вязать чулок... Но через минуту поднимает голову и бросает идущему по проселку удивленному Гугуне: «Не смей больше ходить сюда с этой бумажкой, не то напущу на тебя собак! Вестником радости приходи сюда, радости!»

Простая разговорная речь... Но как тонко рисуется психологически сильная и убедительная картина. Мать не может подчиниться жестокой действительности, не хочет верить в крушение последней надежды.

Рассказ интересен и с точки зрения писательского мастерства. В нем ярко проявляется отношение автора к материалу. Острый поэтический «слух» точно улавливает необходимые детали и вкрапливает их в художественную ткань. В повествование как бы врываются два потока, два слоя. Первая часть, более фрагментарная, — о гибели древнего рода Ласурадзе, подана в лапидарном стиле древних хроник. Финал же преодолевает эту фрагментарность. Это описанная с удивительной точностью картина народного горя. Речь писателя течет здесь, как полноводная река. Народные речения, идиомы сменяют друг друга. Щедрые краски придают особый колорит описанию, обостряют его восприятие.

В связи с финалом этого рассказа следует сказать еще о Георгии Леонидзе, как о прекрасном знатоке грузинской деревни, нашей этнографии, фольклора. Эти знания удивительно обогащают его рассказы и дают возможность для чрезвычайно широких обобщений. Даже, казалось бы, чрезмерное увлечение этнографическими описаниями в некоторых его рассказах не наносит ущерба художественной ткани, а напротив, делает повествование еще более убедительным и жизненно достоверным. Финал того же рассказа «Наречение», например, являет собой следующую этнографическую картину: в день поминовения усопших вся деревня вышла на кладбище. Сельчане оплакивают покойных, мужество и отвага которых оставили добрую память о них. Здесь народная речь предстает перед нами во всем своем богатстве, а народный плач поднят до высот истинной поэзии.

Художественной картиной предваряется появление скорбящей Чахтауры. Ее голос вливается в общий хор глубокого народного горя. И как утешение слышатся Чахтауре слова о том, что и ее Шалию нарекли народным героем. Огромно, как море, горе народа. И где-то угасает чувство собственной утраты, каждый оплакивает всех павших героев.

Просветленная и умиротворенная, возвращается домой Чахтаура. Из глубины сердца ее поднимаются теплые слова ласки и для других: «Какой славный был у меня сын! Как помянула его деревня! И вы растите добрыми и храбрыми, детки!» — обращается она дорогой к ребятишкам.

Такие же художественные средства использованы и в рассказе «Гвинджуа», впервые опубликованном под заглавием «Невыпитый тост». В центре повествования — прославленный тамада Гвинджуа, который с трудолюбием пахаря выполняет обязанности главы крестьянского стола. Ситуация рассказа пре-

дельно проста. Гвинджуа твердо и свято чтит правила ведения стола. Он никогда не покинет пиршества или просто трапезы без того, чтобы не выпить традиционного «общего заздравного» тоста.

Но однажды Гвинджуа чуть не изменил столь любимому им обычаю. Один из участников пира бросил ему оскорбительное слово, и Гвинджуа, обиженный и огорченный, ушел было из-за стола, не провозгласив заздравной. Коллизию, построенную на простодушии и наивности крестьянина, автор развивает с такой убежденностью, скрытым юмором, остро подобранными деталями, что читатель всем сердцем переживает за Гвинджуа. И нет ничего неожиданного в том, что непогода возвращает Гвинджуа назад, и он выполняет святое правило ведения стола — пьет заздравный тост в доме своего крестного.

Пластика рисунка, гибкость слова, неистощимость красок — органическое свойство таланта Георгия Леонидзе, делающее его прозу столь своеобразной. Вот эпизод из того же рассказа: в крестьянском доме крестного Гвинджуа — Тахи в разгаре пиршество. Вокруг стола собрались крестьяне — простодушные, закаленные в труде люди. За столом царит теплота и сердечность. Авторское повествование спокойно и неторопливо. Все персонажи ярко индивидуализированы. Причем автору достаточно для этого двух-трех верно найденных штрихов. Читатель весело, от всего сердца смеется над обжорой Тлошиарой, которому везде мерещатся свиные окорока; над вечно пьяным каменщиком косым Кичалой, которому никогда не удастся возвести стену так, чтоб она не разваливалась несколько раз или не кренилась набок.

В рассказах, вошедших в сборник «Дерево мечты», по-новому засверкал замечательный поэтический язык Г. Леонидзе. Мужественно, как мифический Фархад, борется поэт с огромной горой слов, поднимает еще не тронутые пласты. Во всей полноте раскрывает он первозданную прелесть грузинского слова. Я не могу назвать другого произведения новой грузинской прозы, где бы пожинался столь богатый и обильный словесный урожай. Примеров тому, как щедро рассыпает писатель жемчужины грузинского слова, неисчерпаемое множество. Иногда, с первого взгляда, кажется, что то или иное слово встало на место само собой, но это место для него найдено так предельно точно, что слово дышит уже новой жизнью. Традиционное и достаточно, можно сказать, изношенное средство характеристики через эпитеты поэт использует часто и обильно, и тем не менее, в силу огром-

ного мастерства художника слова, оно дает поразительный художественный эффект. Марита — тихая, как белый майский дождь; женщина красивая, как гроздь винограда; нежная, как ветерок в листьях осины, и т. д.

В прозе Г. Леонидзе центр тяжести — на поэтическом слове. Ситуация, коллизии — на втором плане; в некоторых рассказах нет даже попытки развернуть сюжет.

С поэтическим словом в прозе Г. Леонидзе сливается и второй художественный феномен — безошибочный, точный взгляд художника, удивительное поэтическое чутье.

Георгий Леонидзе познакомил грузинского читателя с богатым миром образов. Монументальные герои, поиски национального духа придают его прозе огромную силу воздействия.

Как было отмечено выше, внешне рассказы Г. Леонидзе походят на воспоминания. В некоторых случаях встречаются элементы документальности, хотя в сферу повествования не входят мелкие детали быта, эпизоды с незна-

чительным конкретным содержанием.

Писатель перегружен впечатлениями отрочества, и иногда предлагаемый им материал недостаточно художественно выношен. Незаконченный, эскизный характер носят некоторые помещенные в сборнике рассказы — «Два взгляда», «Смерть старого пахаря». Колоритный образ, который мог бы украсить какой-либо эпизод рассказа, взятый отдельно — не выдерживает художественной нагрузки. Повествование порою лишается динамичности, от чего художественный эффект уменьшается, как, например, в рассказах «Чампура», «Галхиа».

Думается, автор иногда необоснованно вмешивается в художественное повествование, а это неизбежно влечет к «выпадению» из стиля. Он ведь и так является персонажем произведения, и, следовательно, не должен оставаться вне этой художественной функции.

А в целом сборник рассказов народного поэта Грузии Георгия Леонидзе — значительное и интересное явление в современной грузинской прозе.

Валентина БАЛУАШВИЛИ

Встреча с Леонидом Леоновым

Прочитана последняя страница повести Леонида Леонова „Евгения Ивановна“. Подобно безудержному накату морского вала захлестывает множество мыслей, ощущений, чувств.

Так вот она какая, эта новая повесть Леонида Максимовича, над которой он работал с 1938 года и которую даже в последнее время считал окончательно не отделанной! Поистине, писатель Леонид Леонов обладает чудесным даром создавать произведения, в которых содержания больше, чем слов, как сказал когда-то А. М. Горький. Ведь все, что заключено в строгие рамки этой небольшой повести, могло составить содержание большого романа.

О новом произведении Леонида Максимовича тбилисцы узнали, пожалуй, самые первые.

Передо мной старая вырезка из газеты «Вечерний Тбилиси», сохранившая удивительное тепло леоновских строк, — при-

ветствие грузинскому народу в дни, когда Советская Грузия отмечала сорок лет своего рождения. В этом приветствии и прозвучало признание писателя в том, что его давняя привязанность к Грузии «не осталась бесплодной», что он уже много лет работает над новой вещью, в которую Грузия войдет как фон. Леонид Максимович писал:

«Признаюсь, по примеру старших моих девятнадцатого века литературных наставников, я тоже держу в ящике письменного стола несовершенное пока, пусть совсем скромное по масштабам и всего лишь с сюжетом на фоне Грузии произведение, которое было задумано мною еще в прежнем Тифлисе и осуществлено свыше четверти века тому назад и которое надеюсь, когда-нибудь появится в печати. Пусть друзья не осудят меня за это отвлечение от торжественной темы. Я взял на себя смелость упомянуть о своей повестушке лишь для

доказательства, что и моя давняя признанность к вашей стране не осталась бесплодной.

Каждые три-четыре года я уже который раз переделываю эту рукопись... и хочется верить, образы эти не состарятся от повторных прикосновений пера, не потускнеют от некоторой выдержки в забвении и полном покое писательского стола, а, может быть, глядишь, даже приобретут дополнительные качества, как это бывает с добрым вином от хранения в крестьянских кувяки или совхозных подвалах...»

До чего же прав оказался писатель!

На память мне приходят слова, сказанные как-то Леонидом Максимовичем корреспонденту одной из молодежных газет: «Я не могу создать вершину Гауризанкар, как природа, или город Норильск, как люди. Я стараюсь только найти формулы вещей, но настолько полные и четкие формулы, что, будучи брошены в душу читателя, они дадут там и горную вершину, и город-новостройку. В этом моя ответственность перед советским народом».

Умная, тонкая и глубокая повесть «Евгения Ивановна» с потрясающей художественной силой раскрыла еще одну найденную писателем формулу: Родина — это жизнь. Эта формула, эта идея пронизывает каждый образ, каждую деталь повести, предостерегающе звучит в ее подтексте: дорожки Родины, без нее нет и не может быть жизни. Она же определяет судьбу главной героини — бедной, милой Евгении Ивановны, чье нерусскими буквами выведенное имя стоит в заголовке произведения, уже этим символизировав утрату ею любимой Родины.

Несколько месяцев прошло после нашей встречи и беседы с Леонидом Максимовичем на даче в Переделькино. Но словно это было вчера, я вижу писателя сидящим слегка облокотясь на спинку кресла. Спокойно, неторопливо рассказывает он заветное — содержание еще неопубликованной повести. Но вот действие приближается к самому черному дню в жизни героини, и Леонид Максимович начинает заметно волноваться; а когда он набрасывает страшную картину того, как под взглядами сытых и равнодушных худая, изможденная женщина, сгорая от стыда, лихорадочно ищет в луже с окурками закатившуюся монетку, — голос его звучит взволнованно и глухо, глаза подергиваются влагой.

Еще тогда я почувствовала, что Евгения Ивановна бесконечно дорога ее создателю, дорога так, как может быть дорог лишь самый близкий человек на свете — со всеми неровностями и шероховатостями его характера, с ошибками, которые он допускает. В жизни Евгении Ивановны такой ошибкой была ее любовь к недостойному человеку, которому она не задумавшись принесла в жертву все, даже родину. Эта ошибка стоила ей жизни: «сделанная из русской земли», кристально чистая, ясная, как улыбка ребенка, сама напоминающая его

своей детской наивностью, Евгения Ивановна не смогла пережить разлуки с родиной. Она томится на чужбине, ей постоянно слышится зов родной земли, она трогательно мечтает хоть один разок промокнуть в степной прозе, досыта намерзнуться на опушке зимней рощицы, посидеть на пасху у родительских могилок, побродить по аллее старых акаций..

И хотя знаешь, что молодая женщина неизбежно должна погибнуть, как гибнут вырванный из земли цветок, опавший с дерева лист, — сообщение о ее смерти буквально потрясает. Впечатление усугубляется тем, что оно — донельзя лаконично и дано как бы между прочим, как нечто само собой разумеющееся: надеясь спастись от боли, от щемящей тоски по утраченной родине, Евгения Ивановна устремилась в загадочную, туманную Англию, «где ей предстояло умереть весной следующего года».

Именно эта, как бы невзначай оброненная писателем половина фразы, звучит последним аккордом повествования. Она же наводит и на размышление о неимоверно трудной и большой работе писателя над построением и языком произведения.

И снова мне вспоминается беседа с Леонидом Максимовичем. Когда писатель заговорил о необходимости четкого композиционного плана произведения, на память мне пришла приведенная им однажды параллель: композиция, как семя, а любое семечко—это предел бесконечно экономной, умной и расчетливой упаковки, ибо даже в сотой грамма его — заключен весь будущий облик столетнего раскидистого дерева, даже с характерным именно для этой породы шумом ветвей.

Эта чудесная параллель, достойная статья художественной формулой композиции в теории литературы, была во время нашей беседы еще раз высказана Леонидом Максимовичем, но в более лаконичной, предельно сжатой форме: «композиция — как упаковка, как семя, в котором заложены все эпитеты будущего цветения». И еще одно сравнение привел писатель: как сердце рассчитано на каждого отдельно взятого человека, так и композиция должна определять объем именно данного произведения.

С интересом узнала я тогда, что приступая к созданию нового произведения и обдумывая его построение, Леонид Максимович составляет его сложный план, «инженерный расчет», вычерчивает график. Если бы, по словам писателя, у него не было таких композиционных чертежей «Русского леса», роман мог оказаться значительно больше по объему и от этого проиграть.

Вспоминая теперь эту беседу, я думаю, какую поистине огромную работу нужно было проделать писателю, чтобы передать познанные им глубочайшие закономерности жизни в таком стройном, почти прозрачном по архитектонике многоплановом и вместе с тем миниатюрном произведении, где все органически слито, психологически

мотивировано, где шесть-семь самых обычных слов (сообщение о гибели Евгении Ивановны) приобретают такую магическую силу.

Многоплановость ощущается сразу же при чтении повести. Внешняя ее перспектива: Евгения Ивановна — профессор Пикеринг. Но за ней идет другая; она таится сначала в глубине, а затем как бы вырывается наружу, дерзко вторгаясь в первую, в перспективу взаимоотношений супругов: Евгения Ивановна — Стратонов. Обе эти линии связаны между собой множеством проблем (проблемы личности и общества, мира и гуманизма, назначения искусства, роли науки и многих других), объединенных, однако, в одну главную: Человек и Родина. Именно она и является тем логическим ориентиром, на который устремлены судьбы героев повести. Точка пересечения этих судеб лежит в основе сюжета. Кульминационный момент его — объяснение Евгении Ивановны и Стратонова в одном из чудеснейших уголков Грузии — Кахетии.

Грузия оказалась фоном действия произведения не случайно. Ведь и задумано оно было здесь, в нашем солнечном крае.

Леонид Максимович рассказал мне, что в Грузии, когда он впервые приехал сюда, ему все было ново и интересно, поражаало своеобразие быта, обычаев, традиций.

Однажды в Тбилиси друзья — грузинские поэты и писатели — пригласили его в ресторан «Симпатию». И там Леонид Максимович, неожиданно для себя, встретил героя своей будущей повести — Стратонова.

Через стол от писателя сидел незнакомец. Это был человек лет сорока, русский. Видно было, что жизнь его изрядно потрепала. Леонид Максимович не отрываясь смотрел на него, но никак не мог разгадать. И вот тогда-то у него и стал рождаться замысел новой повести, в которой незнакомец должен был стать героем... По возвращении из Грузии в 1938 году Леонид Максимович сел за работу над этой повестью и, закончив ее, посвятил жене, Татьяне Михайловне — верному, милому и доброму спутнику жизни.

Отпечатав новое произведение в одном экземпляре, Леонид Максимович спрятал его в ящик письменного стола. Но с тех пор он то и дело возвращался к нему, переписывал, переделывал; возникали все новые и новые варианты повести. Она, эта повесть, говоря словами автора, стала оселком, на котором он оттачивал свое умение.

Теперь, читая и перечитывая повесть, убеждаешься (в который раз!), как требователен к себе писатель. Ведь все, связанное с Грузией, передано им с таким поразительным знанием жизни, что кажется, будто это он сам гостеприимный и радушный хозяин Кахетии, открывающий иностранным гостям удивительное очарование и колорит своего края.

О теплых, дружеских чувствах Леонида

Максимовича к Грузии было известно давно. Здесь, в 1927 году, в газете «Заря Востока» был опубликован под заголовком «Конец циркачки» один из наиболее сильных отрывков его нового романа «Вор» — о гибели молодой, но измученной и уставшей от постоянной игры со смертью, от неустроенности своей жизни Тани Векипиной — Геллы Вельтон.

Помню, в самом начале беседы я спросила Леонида Максимовича — не о Грузии ли его новая вещь. На это он ответил отрицательно и пояснил: «О Грузии я писать не решился бы, так как знаю ее недостаточно хорошо; в мое новое произведение она входит только как фон, как составная часть».

Проникновенно говорил Леонид Максимович о вековой связи грузинской и русской литератур в докладе на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР в январе 1945 года, когда страна отмечала сто пятьдесят лет со дня рождения Грибоедова: «...вот он стоит под венцом с Ниной, дочерью знаменитого грузинского писателя Чавчавадзе. Ее детская любовь была самым дорогим венком в его прижизненной неполной славе. Спасибо Грузии, спасибо Нине за нашего Грибоедова. Отсюда пошла старинная кровная связь литератур грузинской и русской!..»

В романе «Русский лес» взволнованные слова знаменитой лекции профессора Вихрова поведали о том, что Леониду Леонову грузинский лес дорог не менее, чем русский, что писатель осведомлен о его бедственном положении и готов к борьбе за его жизнь и права. С возмущением и скорбью писатель говорил: «Падают леса Чомбарские под Телавом, а к концу века они рушатся на юг от Гори, в феодальных имениях Сатархно, Сацциано и Саджавахо, отданные на срок в рубку. Мертвецы в зеленых обвядших привах лежат на склонах, буйволы не хватает стащить их вниз, — уцелело лишь то, что под охраной орлиных пнезд. Сквозь размытые ливнями почвы проступает окала. Редееет в доступных ущельях старый грузинский вяз, и дзелква переселяется из Рионской долины в сказания народных певцов, где уже давно шумят их родные братья, дубы с Хортицы».

Природа Грузии, ее величественные горы, пенные реки, гулкие ущелья, тяжелые хвойные леса покорили Леонида Максимовича еще тогда, когда он приезжал сюда в 1934 году, вскоре после Первого Всесоюзного съезда писателей.

После недолгого пребывания в Тбилиси, Леонид Максимович вместе с Н. С. Тихоновым и Бруно Ясенским были приглашены на отдых в Цинандали. Ехали туда в сопровождении грузинских писателей и поэтов той же дорогой, которой «биук» повезет Евгению Ивановну и Пикеринга, — через красивейший Гомборский перевал, через капризную пенистую Иору, Телави.

В Цинандали гостям очень понравилось. Леонид Максимович с интересом изучал его прошлое, знакомился с историей Кахетии и вместе с тем пристально вглядывался в ее настоящее, наблюдал за работой труженников — виноделов Цинандальского совхоза. Это на его глазах «благородная красота виноградных проздей» погибала, чтобы «приобрести пьяную мудрость вина» — процесс, за которым будут наблюдать в Цинандали Евгения Ивановна и ее спутники.

Леонид Максимович любил гулять в старинном парке с могучими платанами, ливанскими кедрами и стеркулиями, напоминавшими «затаившихся демонов, готовых искрошить любую бурю в своих мускулистых объятиях», где встречались когда-то Грибоедов и Нина Чавчавадзе; по аллеям этого парка в повести «Евгения Ивановна» раздраженный на себя и свою жизнь Стратонов поведет англичанина и его милостивую русскую жену.

Писателю доставляло удовольствие подолгу стоять у обрыва «цинандальской цитадели», где вековые каштаны «нависали над пропастью с каскадами колючего кустарника», а далеко внизу «простиралось уставленное редкими кипарисами каменное пространство, внушавшее жажду полета и окаймленное сиреневой каемкой гор».

Очень тонко чувствующий природу, писатель постиг очарование ранней осени в Кахетии, ее дней, пронизанных «золотистым послеполуденным сиянием». В такие дни далекий горный ледник ассоциируется у Леонида Максимовича с лезвием каменного ножа «из полупрозрачного лилового минерала», а облака, собирающиеся над ним, кажутся призраками «с воздетыми руками». Вся эта картина так умиротворяюще действует на человека, что очень логично автор объяснит этим один из мотивов, побудивших Пикеринга отказаться от немедленного отъезда.

Чутко уловил писатель и своеобразную красоту ночной Кахетии, когда из предгорий в долину стекает «прохладная горечь осенней травы и пастушеского дыма», а сама она погружается в тишину и безмолвие: «...такая опасная тишина наступала к полночи в Алазанской долине, что самая затаенная мысль немедля становилась слышной». Художественное преувеличение, сильное и волнующее, как и все другие изобразительные орудия языка повести, несет в себе двойной смысл — дает читателю возможность познать безмолвие долины в ночные часы и в то же время вникнуть в психологическое состояние героини (боязнь Евгении Ивановны выдать свои раздумья человеку, ставшему ей чужим).

Но не только и не столько природа покорила Леонида Максимовича в Грузии, сколько люди. В этот приезд, так же как и в последующий — в 1937 году, когда Леонид Максимович, избранный в деловой

президиум юбилейного Пленума Правления Союза советских писателей СССР, проводившегося в Тбилиси, принимал самое непосредственное участие в праздновании 750-летия бессмертной поэмы Руставели. — завязалась его дружба с грузинскими поэтами и писателями, в частности, с Георгием Леонидзе, Симоном Чиковани, Ираклием Абашидзе. Еще раньше, в Москве, он познакомился и сдружился с Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили.

Напечатанные в «Известиях» стихотворения Тициана Табидзе «Не я пишу стихи» и «Иду со стороны черкесской» произвели на Леонида Максимовича большое впечатление, понравились глубиной содержащейся в них мысли. Об этом Леонид Максимович сам сказал поэту, встретившись с ним в Союзе писателей. Поднимаясь вверх по лестнице, Тициан увидел быстро спускавшегося Леонида Леонова. Он, видимо, очень спешил, но, несмотря на это, остановился, крепко обнял Тициана и сказал:

— Как замечательно, что «Известия» опубликовали ваши стихи. И какие стихи! На душе стало от них светлее...

«Радостный, возбужденный вернулся тогда Тициан в гостиницу,—вспоминает жена поэта Нина Александровна Табидзе,— и со всеми подробностями рассказал об этой короткой, но очень теплой встрече».

Эта нечаянная встреча положила начало знакомству русского писателя с грузинским поэтом и их дружбе, не только личной, но и семейной.

Продолжая рассказ о днях встречи с Леонидом Максимовичем, Нина Александровна говорила мне:

«Леонов, когда я его впервые увидела, напомнил мне Сергея Есенина; молодой, красивый, он очень сердечно приветствовал меня».

Вскоре после нашего знакомства мы с Тицианом были приглашены к Леоновым. Леонид Максимович и Татьяна Михайловна, их очаровательные две дочери приняли нас очень тепло, как самых близких и родных людей...

В Москве, когда мы были там, «Книжная лавка» устраивала банкет, в котором участвовали все московские писатели. Леонид Максимович от имени устроителей банкета пригласил на него и нас. Банкет прошел очень весело, непринужденно. По окончании его гостям были розданы подарки — старинные книги. Тициану досталось редкое и ценное издание — «Описание Пушкинского музея Императорского александровского лицея 1879-1899 гг.», составленное его воспитанниками. Тициан очень берег эту книгу и дорожил ею, возможно, еще и потому, что с ней были связаны воспоминания о московских встречах.

Следующая наша встреча с Леоновыми произошла уже в Грузии, когда по приезде в Тбилиси Леонид Максимович с Татьяной Михайловной зашли к нам. Я помню, как

Тициан с увлечением рассказывал гостям о Кахетии, куда они собирались ехать, о Цинандали, Кварели. Потом заговорили о литературе, о поэзии, Тициан читал стихи...»

Эта беседа, так же, как и некоторые другие, запомнилась и Леониду Максимовичу. О писательском мастерстве, об особенностях творческого процесса, — рассказывал он, — мы не раз беседовали в Тбилиси с грузинскими писателями, с Тицианом Табидзе. И что мне особенно нравилось в нем — это его умение очень интересно и образно мыслить. Это было характерно для Тициана, для его поэзии, и этому, я считаю, должны учиться у него молодые поэты.

В письме на имя Тициана Табидзе, написанном вскоре по возвращении в Москву из Грузии — 22 января 1935 года, Леонид Максимович благодарил Тициана и Нину Александровну за сердечный прием и, шутливо оправдываясь за молчание, приглашал друзей в Москву: «Мне кажется, что я вернулся из Грузии только вчера, и первая моя обязанность — поблагодарить милых Табидзе за исключительное отношение к чете Леоновых. Я это и делаю сейчас, мысленно обнимая Вас обоих. Не сердитесь на меня за молчание, ибо в период работы я обычно совсем выключаюсь из жизни, покрываюсь плесенью и пауками, птицы свивают гнезда в голове моей, друзья мои плюют на меня и правильно делают...»

Сегодня ездил за город, смотрел, как выглядит онег. Выглядит он хорошо. И мне все стало нравиться...

Между прочим — Вы, кажется, собирались побывать в Москве. Что заставило Вас отказаться от этого мудрого плана? Было бы отлично встретиться нам здесь, и посидеть, и обняться за бутылкой вина?! Соображайте это дело скорее, а?..»

Теплые, дружеские отношения с семьей Табидзе сохранились у Леонида Максимовича и после пибели Тициана. Недавно, во время нашей беседы, Нина Александровна сказала мне: «Я люблю заходить к Леоновым, люблю, когда Леонид Максимович, влюбленный в свой небольшой садик, водит меня по нему и с увлечением рассказывает историю каждого посаженного им цветка».

Мы заговорили об этом волшебном уголке, созданном руками Леонида Максимовича, где отеческий взор писателя внимательно следит за каждым ростком, а его добрая ласковая рука делает все, чтобы распускалась и цвела, радуя людей, эта хрупкая зеленая жизнь.

Я рассказала Нине Александровне, что заболевший маленький кактус был свидетелем нашего знакомства. Когда я вошла в сад, Леонид Максимович, сидя на скамейке, сосредоточенно оперировал его:

— Извините, не могу поздороваться, руки в земле...

Потом, когда я любовалась редчайшей коллекцией кактусов, собранной Леонидом

Максимовичем, и мысленно возвращалась к этой «операции», я думала, сколько любви и терпения, знаний и навыков было нужно, чтобы создать ее, эту коллекцию, которой по праву может гордиться любой ботанический сад.

— Леонид Максимович был влюблен в кактусы еще тогда, когда мы впервые встретились с ним, — сказала на это Нина Александровна. Однажды в Тбилиси мы повели его к садовнику Мамулашвили. Там на него особенное впечатление произвели некоторые виды кактусов. Вернувшись в Москву, он обратился ко мне с просьбой — помочь ему приобрести их.

Леонид Максимович писал: «...Теперь идет страшный секрет к Нине Александровне. Тициан, заткни уши и отвернись. Очень прошу ее при случае побывать у того садовода, где мы были вместе. Я не помню его фамилии. У него полон сад георгин, и кактусы стояли снаружи, а некоторые были внутри. Я хотел бы купить у него кое-что. Чертежи того, что мне хотелось бы иметь — прилагаю...» Рядом с рисунками — «чертежами» шли пояснения:

«Это Цереус. Несколько таких высоких дубин, очень колючих. Там стоят два экземпляра, мне хотелось бы иметь получше.

Это привитый рапсалис. Он стоял на окне, в доме.

Это *Cereus grandiflorus*, четырехгранный. Стоял тоже в доме, согнутый, как баранка.

Такой мохнатый шарик, *Mamillaria*.

Всего интереснее мне первый экземпляр».

«Узнав о желании русского писателя, — заключила рассказ Нина Александровна, — Мамулашвили послал ему кактусы в подарок».

Такая же теплая дружба, как с Тицианом Табидзе и его семьей, связывала Леонида Максимовича с поэтом Паоло Яшвили. Они познакомились в Москве, случайно, в Гослитиздате, куда Леонид Максимович зашел как-то по делу. Там же оказался и Паоло, находившийся в столице в командировке. Они разговорились — о литературе, об издательских делах, а в конце беседы поэт неожиданно признался: «Я вас не знаю, кто вы?». Тогда-то собеседники и представились друг другу!

Обоих поэтов, так рано и трагически ушедших из жизни, вспомнил Леонид Максимович во время нашей беседы:

— Они были очень разные, Паоло и Тициан. Паоло — сдержанный, с твердым характером, Тициан — жаркий, душевный, открытый. Оба они как бы дополняли друг друга. Что было свойственно им обоим, это напористость, необычайно глубокая, проникновенная любовь к поэзии. Оба были прекрасными людьми, и когда я думаю о Грузии, я представляю прежде всего их, Табидзе и Яшвили. Эти первые мои грузинские друзья принимали самое непо-

средственное участие в сближении русской и грузинской литератур...

Тициана Табидзе и Паоло Яшвили, так же как и других грузинских друзей, свое пребывание в Тбилиси вспомнил Леонид Максимович и в «Госте издалека», помещенном в газете «Вечерний Тбилиси» в мае 1961 года. В строках этого приветствия — то сердечное чувство, та любовь, которая объясняет появление Грузии в творчестве писателя. Ведь сам он как-то сказал: «Нужно крепко любить жизнь, о которой хочешь писать...».

Я перечитываю эти строки:

«Тбилиси!.. Всякий раз при упоминании столицы Грузии я представляю себе не только ее романтическую и многовековую историю, слившуюся с нашей, или красивые ансамбли города, или гору Мтацминда, у подножия которой приютилась могила русского класоика, даже не чудесную зеленую одежду этого как бы обновленного ею города — дело особенно близкое и радующее мне сердце; в первую очередь я с благодарным чувством вспоминаю милых моему сердцу людей, живших и ныне проживающих в нем. Не могу поэтому удержаться от искушения даже через эту небольшую статью, предназначенную к торжественному для грузинского народа юбилею, послать привет своим тбилиским друзьям, душевным расположением которых с гордостью пользовался когда-то или горжусь теперь, и местом встречи с которыми была грузинская столица.

Прежде всего на память мне приходит рыцарский мужественный облик прекрасного грузинского поэта Паоло Яшвили и портрет такого же замечательного художника, не менее горячего и чистого человека — Тициана Табидзе. Народ Грузии, по моему разумению, может по справедливости считать их поистине глубокими выразителями своих лучших национальных качеств.

Пользуясь случаем, я шлю свой привет и поклон Нине Александровне Табидзе — вдове поэта, спутнику красивой и терпеливой жизни Тициана.

В день большого праздника грузинского народа шлю также самые горячие поздравления старым друзьям-приятелям — литераторам Грузии Георгию Леонидзе и Симону Чиковани, академику И. С. Долидзе и товарищу Георгию Гегешидзе, секретарю ТК КП Грузии.

Мне приятно сознаться, что всегда я приезжал в столицу Грузии с каким-то особым взволнованно-неповторимым чувством... Нет, не только здешний волшебный климат или знаменитое на весь свет грузинское гостеприимство причиной этому, а именно радость старых и подами проверенных отношений. И точно так же всякий раз, покидая грузинскую столицу, я увозил с собой лирическую, еще Пушкиным отмеченную печаль разлуки, наряду с открытием чего-то, неизвестного мне раньше...

...Мысленно поднимаю далекий тост за всех вас, товарищи: ведь праздник друга всегда является и твоим личным праздником!»

О своей любви к Грузии, о том, какое незабываемое впечатление произвела она на него, говорил Леонид Максимович и во время нашей беседы. Мне запомнилось его проникновенное, очень лирическое раздумье:

— До сих пор, вспоминая свое недолгое пребывание в Грузии, я думаю — никогда потом такого не было... Возможно еще и потому, что тогда была молодость...

На суд грузинского читателя отдал Леонид Максимович свое новое произведение „Eugenia Ivanovna“: оно было опубликовано почти одновременно на русском языке — в одиннадцатом номере журнала «Знамя», и на грузинском, в прекрасном переводе Аристо Чумбадзе в шести номерах газеты «Комунисти».

Пером доброго и правдивого друга нарисовал Леонид Максимович в повести образы двух грузин, раскрыв в национальной специфике их характеров лучшие черты советского человека.

Несколько сухой и сдержанный англичанин, а вместе с ним и читатели, искренне рады встрече с чудесными людьми — виноделами из Телнани. Знакомая с ними, автор пишет, что это были «веселые, гордые и прямые, без всякой подделки кахетинцы». В этих словах открыто звучит любовь писателя к грузинскому народу и то, объясняемое ею, теплое, добродушное подтрунивание, которое чувствовалось и в начале повести (описание встречи, образы Хахулия, шофера), и которое существует в отношениях лишь между очень близкими людьми.

Образами грузин-телнанцев, так же как и образами главных героев повести, писатель раскрывает идею: Родина — это жизнь, без Родины жизни нет и быть не может. Главное в телнанцах — безудержная любовь к родной земле, к тому уголку, где они родились, выросли, живут. И сами они не скрывают этой любви. Читатель убеждается в этом, наблюдая за кахетинцем, который вместе с гостями прибыл в Алавердский храм: «Прошу любить эту землю, нашу щедрую старую мать! Кахетия, ваша, да живет вечно! — возгласил толстый телнанец и, поцеловав пальцы, благоговейно коснулся ими летучего праха под ногами». Не столько словами, вложенными в уста грузина, сколько удачно найденным эпитетом «благоговейно» выразил автор силу любви телнанца к той, что вскормила и вырастила его, — к земле Родины.

Телнанцы — люди, которые живут не только интересами своего края, республики, страны. Они глубоко вникают в

судьбы народов земного шара, жаждут взаимопонимания и мира между ними, спокойствия, уверенности в завтрашнем дне. Писатель передает это упоминанием их беседы с Пикерингом во время алавердского праздника. «Кулинарные неистовства ночи сменились пиршеством ума; Евгения Ивановна застала конец дискуссии на важнейшую тему дня. Мистер Пикеринг охотно соглашался со своими новыми друзьями, что жить по-старому в мире становится все опасней для человечества со столь взрывчатой цивилизацией и что прогресс следует подчинить идеям общественного гуманизма...» А идеи, принципы общественного гуманизма — это, в сущности, принципы сближения всех честных людей на земле.

При прощании с иностранным ученым-археологом, автор вкладывает в уста телианцев напутствие, к которому охотно присоединяется читатель:

— Копай свое прошлое так..., чтобы это помогало стать честней и краше будущему.

Кахетинцы исполнены той глубокой мудрости, которая веками складывалась в грузинском народе и которую можно часто услышать из уст простого крестьянина, весь свой век прожившего в деревне. Тост, предложенный одним из телианцев и воспринятый профессором Пикерингом, опасавшимся за судьбу своей любви, как пророчество, прозвучал так: «Пусть это вино множит в нас пламя жизни и гасит его прежде, чем родится угар разочарования».

Вместе с тем телианцы — люди очень веселые и жизнерадостные, гостеприимные и щедрые. Один из них, тот, что «потолще», с «багряно-оптимистическим ликом» с гордостью объяснял иностранцу, что «вино пополам с огнем течет в жилах Кахетии», и все уговаривал переводчика: «Когда потребуется, пусть прямо мне напишет: Мир, Грузия, Сигнахский уезд, больше ничего не надо, прямо на мое лицо. Вышлем наилучшее, какое сами на свадьбах пьем. Будь человек, переведи ему мою фамилию, кацо!»

Мастерство писателя в сочетании с личными впечатлениями, со знанием, почти скрупулезным, изображаемого дали Леониду Максимовичу возможность блестяще воссоздать ту обстановку, в которой кахетинцы чувствовали себя в родной стихии и которая явилась местом решающего «псединка» между Пикерингом и Стратоновым, — старинный осенний праздник и ярмарку в Алаверди.

На праздник «алавердоба» Леонид Максимович ездил из Цинандали вместе с Николаем Семеновичем Тихоновым в сопровождении писателя Сандро Шаншиашвили. О том, какое неизгладимое впечатление произвел этот праздник на гостей, можно судить уже по тому, что Н. С.

Тихонов посвятил ему одно из лучших стихотворений Кахетинского цикла — «Ночной праздник в Алаверди», а Леонид Леонов замечательно воссоздал картину его в своей новой повести.

Картина эта колоритна и реалистична. Зоркий глаз писателя проник вглубь Алавердского храма и запомнил все фрески на его древних стенах, куполе, арках; он задержался ненадолго на одном из отживающих традиционных обрядов прошлого — крещении ребенка и воспроизвел его в повести во всех деталях; он скользнул по участникам праздника и увидел людей «в черкесках, с гозырями и кинжалом», пожилых грузинок «в одинаковых, с серебром уборах чихта копи», юношей с «ястребиным профилем» и «строгих зменноглазых девушек» — в двойном хороводе перхули; удалца, который, «откинув крылатые рукава и словно весь Кавказ приглашая в танец... вихрем мелькнул в расступившейся было толпе и канул в ночь»; он запечатлел необычайную пестроту, удивительное разнообразие товаров, привезенных на ярмарку сигнахскими шорниками, телавскими гончарами, горцами, подметив при этом, что «сумерки удваивали таинственную прелесть раскиданных под ногами сокровищ».

Тонкий слух автора уловил очарование тихой мелодии, исполненной женским квинтетом под аккомпанемент чоугури, проникновенного пения слепых музыкантов — мествире, прелесть таинственной мелодии, которая «в сопровождении то сплетающихся, то снова распадающихся голосов» исполнялась на тари и причудливо вписывалась в похожий «на биеенье сердца» мерный ритм дайры.

Неотъемлемая часть праздника — пиршество поразило и запомнилось «грудами пухлого, с хрустким угольком чурека», молодым вином — маджари, шашлыком, прожаренным на «сытом, дразнящем чаде» догорающих углей, хинкали — кушаньем «из библейской кулинарии с огненной начинкой», особо прочными для молодых зубов сладостями самых завлекательных расцветок...

Все это вошло в повесть, причем вошло настолько органично, что оказалось непосредственно связанным с выявлением характеров и окончательных судеб героев.

Алавердский праздник дается почти всегда через восприятие Евгении Ивановны, которую радует «дикая прелесть приключения», «неповторимое наваждение алазанской ночи», «колдовское завихрение вокруг».

Шумная пестрота праздника и позволяет ей встретиться наедине со Стратоновым, чтобы в окончательном разговоре «предать земле и забвенью одно совместное, досадно подзатянувшееся приключение в их жизни».

Присутствуя при последней встрече Евгении Ивановны с бывшим мужем, читатель окончательно постигает характер это-

го жалкого человека, не сумевшего порвать с прошлым и боящегося расплаты за него, подделывающегося под настоящее, живущего без цели, без надежды, пусто и одиноко, но при всем том человека, который, идя «на верную смерть во рву, у первой же пограничной заставы», все же вернулся на Родину, не мысля без нее жизни. Беглым штрихом автор указывает на возможность нравственной перемены в Стратонове после встречи с Евгенией Ивановной: «еще не испытанная тоска охватила его при мысли, чем наполнить дни свои, если из него вынуть эту последнюю боль». Быть может, это новое ощущение и заставит его, наконец, задуматься над бесцельностью своего существования, над тем, оставаться ли ему в одиночестве с прошлым или идти в будущее с народом, страной, веком.

Этот второй путь, не колеблясь, выбрала бы, если б ей было дозволено, Евгения Ивановна: она, не задумаваясь, разделила бы с людьми своей Родины нынешние беды и те, что ожидали их впереди, непосильные труды и переживания эпохи, родившие всех этих людей «как прозный исторический пароль». Не случайно сказание о героическом труде, творческом гении народа, строящего новое общество, — подобно мужественной оптимистической мелодии постоянно звучит в тексте и подтексте повести, сопровождая Евгению Ивановну в ее поездке по одной из советских республик.

Вот почему, ощутив себя во время алавердского праздника, матерью английско-го ребенка, она испытывает большую трагедию теперь уже окончательной, ничем не возместимой утраты Родины. Трагедия эта и оборачивается пьелью «беглянки».

Так, еще раз в своем творчестве раскрывает Леонид Максимович русскую сущность характера, состоящую в нерасторжимой связи с «неохватной громадой России», которая с такой силой притягивает к себе русское сердце, что в случае сопротивления тяги хватит на то, чтобы «вовсе вырвать этот трепетный комочек мяса из груди».

Именно для того, чтобы подчеркнуть и

оттенить эту сущность, автор вводит в повесть контрастную фигуру профессора Пикеринга. Несмотря на свой ум, наблюдательность, благородство характера, Пикеринг с большим трудом, и то лишь чисто умозрительным путем, сумел прочесть «скорбную клинопись вокруг детского рта» жены, тоскующей по Родине. Сам он — представитель тех людей, которые «никогда не разлучаются со своей страной, владея чудесной способностью привозить ее с собою на новое местожительство».

Во время праздника в Алаверди с особой силой раскрывается глубокая и самоотверженная любовь Пикеринга к жене, наполнившая новым смыслом всю его жизнь: леденя от тревоги, от боязни невозвратимой утраты, он сам предлагает ей прогулку со Стратоновым, давая тем самым любимой женщине возможность еще раз проверить себя, свои чувства. Смерть жены и заставит его «пожизненно, с головой зарыться в наиболее успешные свои эдесские раскопки» — без радости трудно жить человеку...

Вот некоторые мысли и воспоминания, вызванные только что прочитанной повестью «Евгения Ивановна».

Меня, как и других читателей-тбилисцев, очень обрадовала эта новая встреча с Леонидом Максимовичем, большим писателем, мыслителем и художником. Обрадовало и то, что изображением гордой, красивой и веселой Кахетии с ярким своеобразием быта, обычаев, традиций живущих здесь людей, спецификой их тяжелого, но радостного труда, их старинным праздником «алавердоба», превратившимся в наши дни в праздник урожая, с волшебной прелестью природы — Грузия вошла в творчество писателя Леонида Леонова. Она живет и дышит в повести, где автору удалось достичь того, к чему он стремился: «присущей месту действия артистической дымки, точности слова и прозрачности мысли».

Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ

Герой с акцентом

Об одном литературном штампе

В прошлом году литературные наши журналы, относящиеся к разряду «толстых», опубликовали целый ряд произведений, в которых фигурировали герои иной национальности, чем авторы этих произведений и «основной контингент» их персонажей.

По-моему, без специального разъяснения понятно, что отмеченное явление вовсе не ограничивается, скажем, только одним годом или только литературной периодикой. Оно стало неотъемлемой особенностью советской литературы, поскольку в ней отразилась характерная черта советской действительности, советского образа жизни.

Для полной ясности, хочу подчеркнуть: лично я вовсе не считаю особым «подвигом» со стороны писателей введение в свой роман, повесть, рассказ героя иной национальности, чем большинство. Ушло в прошлое время, когда самый факт появления такого героя отмечался как нечто особенное, необычное. В литературе социалистического реализма, стоящей на пороге полувекового юбилея, нет уже проблемы «инонационального» героя. И это — не столько завоевание самой литературы, сколько историческое завоевание национальной политики Коммунистической партии.

Но остается в порядке дня — и остается как одна из важнейших, кардинальных проблем — проблема **изображения национального характера** — русского, украинского, латышского, казахского, грузинского... В данном случае нас интересует часть этой проблемы — изображение национального характера писателем другой национальности. Речь идет о **советских писателях**, о подручных партии в деле коммунистического воспитания нового человека. Этим определяется та высокая мера требовательности, тот строжайший критерий, который является в данном случае единственно возможным.

Июньский Пленум ЦК КПСС наряду с другими первоочередными задачами идеологической работы много внимания уделил и делу интернационального воспитания трудящихся на новом этапе коммунистического строительства в нашей стране. Л. Ф. Ильичев в своем докладе говорил:

«Советский народ неразрывно связан с интернационализмом. Для советского человека интернационализм не отвлеченное понятие. Плечом к плечу советские люди разных национальностей строили социализм, проливали кровь в борьбе с фашизмом, а ныне в единой семье строят коммунистическое общество. Ленинское понимание интернационализма включает в себя глубокое уважение и чувство братской солидарности к трудящимся всех стран, сотрудничество и взаимопомощь с народами, строящими социализм. Дружба народов — великое завоевание партии, ее ленинской национальной политики. Развитие социалистических наций в Советском Союзе идет по пути их сближения, братской взаимопомощи и дружбы.

В нашей стране ликвидирована социальная основа националистической идеологии. Это великое завоевание социализма».

О торжестве дружбы народов Советского Союза, идеи пролетарского интернационализма говорили на Пленуме секретарь Татарского обкома КПСС Ф. Табеев, секретарь Калмыцкого обкома КПСС Б. Городовиков, секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидов и другие выступавшие. Первый секретарь ЦК КП Казахстана И. Юсупов рассказал участникам Пленума о событии, ставшем как бы символом, практическим осуществлением идеи братской дружбы наших народов:

«Как-то здесь (на Усть-Каменогорском свинцово-цинковом комбинате) на одном из объектов возник пожар. В помещении находился плавильщик Гус-

ман Ибрагимов. Он смело вступил в единоборство со стихией. Но при этом сильно пострадал. У него обгорело 40 процентов кожи, ему грозила смерть. Когда об этом узнали на комбинате, в больницу сразу явилось более двадцати рабочих. Среди них — русский Тимофеев, украинец Куленко, казах Бахтыбаев, татарин Шамсутдинов и другие. Они с готовностью предложили пострадавшему свою кровь и кожу и тем самым спасли его».

Перед нами изложенная без высоких слов, скупым и четким языком партийного работника подлинно героическая новелла, пронизанная поэзией нашей жизни, поэзией коммунистических отношений между людьми.

Как отражаются эти отношения в советской литературе последних лет?

Для нашей цели существенно важны два аспекта этой темы: функция тех персонажей, которых условно можно назвать «национальными», и способы, художественные средства, использованные при их создании, то, что столь же условно, сколь и произвольно порою именовалось «национальным колоритом».

Русская литература имеет великую традицию в изображении, как тогда говорили, «инородцев». Благородство и прогрессивность этой традиции становятся ясными уже из одного перечисления писателей, зачинавших ее: Грибоедов, Пушкин и Лермонтов, Чернышевский и Лев Толстой, позже — Горький и Маяковский. Да и среди «инородцев» все прогрессивные и передовые умы послужили этому святому делу: Илья Чавчавадзе и Мирза-Фатали Ахундов, Скворода и А. Исаакян, Ян Райнис и Акакий Церетели. Советская литература получила от своих великих предшественников прекрасное наследство. И она не просто вступила в «права наследования», а умножила унаследованное богатство, сделала его всеобщим и повседневным достоянием.

Обратимся к произведениям самого последнего времени. Широта интернациональных интересов нашей литературы проявляется в том, что в числе ее героев мы видим и Патриса Лумумбу, и Пабло Пикассо, и чешского композитора Йозефа Мысливечка. Герои романа Ильи Константиновского — румыны и русские — находятся в тесной, дружеской и деловой взаимосвязи. Действие романа происходит в Румынии. Так что сюжетные отношения персонажей естественны и закономерны, отражают исторические взаимосвязи народов, новый тип человеческих отношений вообще. Такой же случай мы имеем и в романе «Черные колокола» А. Авдеенко, где действие переносится в Венгрию, и в ряде других произведений.

Особо следует отметить последний роман замечательного турецкого поэта-коммуниста Назыма Хикмета «Романтика». Мне кажется, что своим предсмертным произведением он внес значительный вклад прежде всего в советскую литературу. Основание для этого утверждения дают не только давние дружеские и творческие связи Н. Хикмета с нашей литературой, не только факт пребывания писателя в нашей стране в последние годы жизни, но прежде всего сам роман.

История революционного возмужания Ахмеда и его друзей, их действия, мысли и чувства, целиком связанные с турецкой действительностью, органически включают в себя мысли и воспоминания о Советском Союзе, о Москве и Коммунистическом университете трудящихся Востока, о русских друзьях и подмосковных березках. Здесь опять-таки факты литературной биографии героев выражают исторические отношения, исторические факты. Сюжетные, композиционные связи приобретают, я бы сказал, значение идейное.

На примере подобных произведений особенно ясно видно, что основным критерием для их оценки является историческая оправданность взаимоотношений героев в сочетании с психологической точностью в обрисовке национальных характеров.

Все это, разумеется, целиком и полностью остается правильным и для произведений, посвященных отношениям людей разных национальностей в нашей стране.

Тесные жизненные связи объединили героев романа Антонины Коптяевой «Дар земли». Поиски большой нефти в Татарии и Башкирии стали тем историческим фактом, который сконцентрировал вокруг себя все сюжетные и композиционные линии и проблемы.

Здесь мы имеем дело с художественным произведением, которое в качестве одной из своих проблем ставит исследование отношений советских людей разных национальностей в современных условиях (в романе А. Коптяевой это, в частности, линия Яруллы Низамова и Зарифы). Актуальность и значительность этой темы очевидна и не нуждается в комментировании, хотя, повторяю, национальной проблемы как таковой в Советском Союзе и нет. Однако в художественном произведении писатель, создавая образы людей, представляющих новую, социалистическую нацию, не имеет права пользоваться старыми штампами, иначе неизбежны просчеты идейно-художественного плана.

Возьмем для иллюстрации очень популярный среди читателей (и, почему-то столь же непопулярный среди литературных критиков) роман Юрия Гер-

мана «Дорогой мой человек». Я не буду говорить здесь о главном герое романа Владимире Устименко. Остановимся на других персонажах произведения.

Война столкнула множество людей, которые прежде жили, не ведая о существовании друг друга и не предполагая никогда встретиться. Она, война, не только ожесточила врагов, но и поновому сдружила друзей. Люди охотнее сходились, скорее и полнее раскрывались при встрече. Все это многое объясняет и оправдывает в «растрепанной» композиции романа Юрия Германа, аргументирует его «перенаселенность», когда персонажи появляются на каких-то определенных отрезках сюжетной линии и исчезают — нет, не бесследно, а оставив глубокий след в сердцах основных, «сквозных» героев — Владимира и Варвары.

Где-то в середине романа появляется, например, Ашхен Ованесовна Оганян. Майор медицинской службы. К концу повествования — даже полковник. Сам Устименко в письме к тете характеризует Ашхен Ованесовну достаточно красноречиво:

«Если хочешь ее представить — вспомни обличье нормальной бабы-яги; она, кстати, сама знает, что похожа на ягу, и даже посылно этим кокетничает».

«Ашхен — главная начальница — очень суха в обращении, строга, неразговорчива, но за этой официальной жесткостью, за пенсне, которое она, придерживая пальцами, нацеливает на собеседника, за отрывистой речью и совершенно мужскими манерами только тупой дурак может ухитриться не разглядеть сердце, исполненное отзывчивости и подлинной доброты, сердца врача... милостью божьей, такое, как у И. Е. Богословского или у покойного И. Д. Постникова... Она никогда не знала, да и сейчас, в старости, не знает, что значит жить для себя».

К этой характеристике, в общем, на протяжении всего дальнейшего повествования мало что добавляется. Доктор Оганян добросовестно «посылно кокетничает» своим сходством с бабой-ягой; старательно (но, конечно, безуспешно) пытается скрыть свое доброе сердце за официальной жесткостью; изливает запасы нерастроченной стародевьей нежности на окружающих; постоянно демонстрирует «совершенно мужские манеры» и стиль разговора. Перед нами — своего рода моментальная фотография, дающая кое-какое представление об оригинале, но — тем не менее — остающаяся случайным изображением с необязательным распределением пятен тени и света, с отсутствием глубины, объемности кадра.

Автор явно симпатизирует этой своей героине, он не просто любит ее, а порой даже любит ее: ее самоотверженностью в работе, безоглядной принципиальностью, застенчивым любвеобильем и т. д. Но тем не менее все дальнейшее — после первой же характеристики Владимира — поступки и речи Оганян кажутся лишь иллюстрацией различных «черт ее характера», но не составляют, на мой взгляд, органического, живого человеческого характера.

Впрочем, если внимательно приглядеться, можно заметить и попытки «оживления образа», причем связаны они, если можно так сказать, с «национальным своеобразием» героини.

Вот речь Ашхен Ованесовны в минуту, когда она взволнована:

«Содействие ей оказывали только отпетые донжуаны... Это не научная работа, а козьи потягушки. То-есть козловые. Или козлиные...»

Вот образчик другого ее диалога с Устименко:

«Бьюсь об заклад, что вы подумали обо мне, Володечка, когда я прилетела, вот такими словами: баба-яга примчалась на помеле. Так?»

— Нет, — сказал Устименко, — но я подумал, что вы генерал.

— Самец?

— Почему самец? Генерал».

После всего этого не очень-то неожиданным кажется ее поведение в ресторане: «Швырнув фуражку и плащ с сумкой изумленному ее поведением гардеробщику, старуха велела вызвать директора и заняла самый лучший столик между фикусом, пальмой и окном.

— Вы — директор?

Лысый человек в роговых очках, похожий на протестантского священника, поклонился.

— Все самое лучшее, что у вас имеется, — сказала старуха. — Коньяк, конечно, армянский. Я прокучу бешенные деньги, буду мазать лица официантов горчицей и разобью трюмо. У вас есть хорошее, дорогое трюмо?»

Эта экстравагантность должна, по идее, развлечь погруженного в депрессию Владимира Устименко. Но, кажется, имеет эта сцена и иной адрес: развлечь и потешить читателя. Способ достижения цели избран не очень хитрый. Налицо даже национальная индивидуальность персонажа: «коньяк, конечно, армянский». Был бы грузин — и коньяк потребовался бы грузинский. Кабардинцы или, скажем, шапсуги могут выбрать в преискуранте «чечено-ингушский»...

Мне остается здесь еще раз повторить, что приведен случай, когда автор симпатизирует изображенному персонажу, описывает его с любовью и подлинным уважением. «А как же?..» — спросит в недоумении читатель. Не будем

горопиться. Познакомимся прежде с другими действующими лицами романа «Дорогой мой человек».

Елисбар Шабанович Амираджиби тоже относится к любимым героям автора. Мы имеем право говорить об этом столь категорически, видя, как любитесь писатель безоглядной храбростью Амираджиби, его душевностью и щедростью, его мужеством в беде и умной проницательностью в дружеской беседе. Елисбар Шабанович — капитан дальнего плавания, Герой Советского Союза, человек, в свое время несправедливо обвиненный «всею только в государственной измене», но не ставший от этого нытиком и маловером, не потерявший ни грана своей любви к родине и веры в справедливость дела, которому он служит.

В общем — герой обрисован очень четко, и Ю. Герман открыто высказывает свое отношение к нему.

Амираджиби говорит:

«Служим Советскому Союзу, вот и все. А про наши боевые эпизоды и как мы отражали атаки фашистских стервятников, доставляя ценные грузы к месту назначения, очень красиво написано во флотской газете. Ты же ее читаешь? Там мы все абсолютно бесстрашные, волевые, дисциплинированные, находчивые морские орлы...»

Вы ощущаете улыбку — человеческую, живую, и готовы принять на веру авторскую реплику в адрес Амираджиби: «Он все делал как-то особенно красиво и изящно».

Вы верите рассказанной капитаном такой смешной и естественной истории его «сватовства»:

«Когда я сделал предложение своей жене... своей нынешней супруге, то в числе прочих аргументов — не слишком убедительных — выдвинул один, решивший исход моей пламенной, темпераментной, но отнюдь не искусной речи. Я сказал: «Тасечка, дорогая Тасечка!» (она у меня русская — Анастасия Васильевна). «Тасечка!» — воскликнул я и вручил ей теплую, полураздавленную грушу дюшес — эта груша нагрелась у меня в кармане до температуры плавления металла...»

В общем, на сюжетном пространстве, отведенном этому персонажу, Ю. Герман дает достаточно материала, чтобы читатель полюбил Амираджиби. Мы видим его подвиги, настоящий героический характер, способность крепко любить и темпераментно ненавидеть.

Однако, когда я пытаюсь проанализировать свои читательские впечатления об этом персонаже, трудно избавиться от чувства какой-то двойственности, неудовлетворенности. Чем это чувство вызвано?

Вспомните манеру Амираджиби го-

ворить — сумбурно, взбудораженно, назойливо повторяя все время «дорогой», выламываясь и кривляясь.

«Послушайте, дорогие (так обращается он к матросам, арестовавшим его), — вы люди или не совсем?»

Дальше:

«Есть или нет? — проникновенно спросил капитан. — Душа? Сердце? Сосуд с добром у вас имеется внутри? Никогда не меркнувший светильник?»

Кстати, должен отметить, что обращение «дорогой» считается почему-то неременной принадлежностью всякого литературного персонажа, рожденного по воле автора в Грузии. Это не только у Германа. Правда, оно, кажется, почти целиком вытеснило из литературы распространенное некогда «кацо», но вряд ли это следует считать крупным прогрессом. Думается, что стародавним образцам литературы определенного уровня обязана своим происхождением и другая «оригинальная» деталь, которую некоторые писатели любят использовать для оживления повествования: герои кавказского происхождения очень любят... рассказывать всякие анекдоты, веселые истории, небылицы. Почему? Спросите у авторов.

Вот как Амираджиби утешает своего друга Володю Устименко, находящегося в унынии:

«— А я и не призываю вас привыкать, — сердито ответил Елисбар Шабанович. — Я, наоборот, уговариваю вас развеселиться, например, анекдоты будем рассказывать, хорошо? Веселые, смешные анекдоты, хохотать станем от души».

Милый, деликатный Амираджиби на этот раз, к счастью, сумел побороть «искушение». Но вообще-то это ему удастся отнюдь не часто. Да и автор не прочь потягаться в этом деле со своим героем. Можно ли забыть, как впервые появляется в романе этот герой. Устименко, да и читатели, знакомятся с ним в бане.

«Рядом на лавке какой-то обнаженный грузин — маленький, мускулистый, верткий, весь как мартышка, поросший крепкими темными волосами. Он похлопывал себя по ляжкам, поколачивал ребром ладони плечи, ловко, словно профессиональный банщик, массировал себе икры и колени. И болтал».

А дальше все было очень весело. Устименко решил заштопать себе носки. На время «сунул иголку ушком вниз в щель лавки, чтобы не затерялась, и тотчас же на иголку, весело что-то рассказывая, сел заросший волосами грузин». Потом он бегал по помещению и визжал. А «сипатый» мичман хладнокровно констатировал: «У него там нитка болтается!»

Устименко, конечно, достал у него эту нитку — он же врач. И иголку тоже. Так они и подружились — очень просто. Правда, этому способствовало еще и то, что их обоих задержал патруль. Шагая рядом с Устименко в комендатуру, Амираджиби успел «выдать» еще одну историю в этом же духе.

«— Мой дорогой доктор!.. Мне фатально не везет именно с этой частью тела! Вы ничего не заметили, когда удаляли иглу? В октябре месяце 1941 года я заснул, сидя на электрической печке, вот в этом доме, у одного своего старого друга. Что-то там включилось автоматически, и меня привезли в госпиталь с ожогом второй степени. Не прошло и года, как я при сходных обстоятельствах, но на базе у катерников в довольно сильный мороз прикорнул на промерзшем граните, на ступеньках. В результате обморожение, правда, легкое. И сегодня эта маленькая катастрофа. Может быть, вы дадите мне какой-нибудь практический медицинский совет? Понимаете ли, дорогой доктор, все это не может так далее продолжаться, вы не находите?»

Так что можно все-таки сказать о капитане Амираджиби — смелом, мужественном, симпатичном человеке, которого автор снабдил для индивидуальности, для колорита, что ли, таким грузом «развлекательного» материала? Может быть, это просто писательская манера — делать своих любимых героев в чем-то приниженными, смешными? Может быть. Мы видели это на примерах Оганян и Амираджиби. Таким же методом создан и образ главного героя — Владимира Устименко, разбор которого не входит в нашу задачу. Но речь идет именно об образах, созданных, сконструированных, а не увиденных в жизни. При подобном методе работы писателя подстерегает опасность, что наряду с оригинальными деталями он использует затрепанные штампы из дежурного набора литературного «конструктора» дореволюционного производства.

В том, что дело обстоит именно так, легко убедиться, если вспомнить о некоторых третьестепенных, проходных персонажах романа «Дорогой мой человек».

Вот старшина Шарипов — не очень отдаленная копия литденщиков далекого прошлого. Он изъясняется так:

«— А зачем болтать!.. Разве словами все скажешь? Мало чего можно словами сказать. Словами надо по порядку говорить, с самого начала, я так не могу, болтология получается...»

А вот «знаменитый» мальчик-ассириец, который занимается тем, что, засев в развалинах бывшего Дома моряка, чи-

стит под артобстрелом обувь и требует за это по сто рублей — «за вредность».

Читательская память послушно подсказывает все устоявшиеся «разновидности» подобных штампов. Грузины — демонстрируют темперамент, пляшут лезгинку и бесконечно повторяют «дорогой». Армяне — рассказывают анекдоты. Казахи — почему-то почти всегда это умудренные седоволосые старцы — медлительно посасывают трубку и вспоминают поучительные предания предков. И так до бесконечности. Татары — лихие наездники, буряты — следопыты и охотники, карелы — лесорубы... А ведь действительность давным-давно обогнала подобные представления об этих героях.

Примеров можно привести сколько угодно. С экрана старательно подражают «кавказскому» произношению актеры, которым поручено подобным способом разнообразить неразлично серую толпу маловыразительных персонажей («Грешный ангел»). На сцене театра имени Маяковского один из персонажей спектакля «Маленькая студентка» снабжен, кажется, единственной функцией — в доказательство своей неудержимой горячности вскакивать на парту и размахивать руками. Зовут его Томаз Чебукиани. О приблизительности тех средств, которыми создаются герои с «национальным» колоритом, можно судить хотя бы по тому, что в Грузии нет ни такого имени, ни такой фамилии.

Штамп, приблизительность, литературная информация, полученная из вторых и третьих рук, но тем не менее рекомендуемые читателю в качестве «духовной пищи», не могут не отразиться на идейной, содержательной стороне произведения. Это общепризнанно и в доказательстве не нуждается.

Мы видели, как мстит за себя штамп, даже в тех случаях, когда автор относится к своему герою с симпатией. Но еще трудней бывает отринуть искушение прибегнуть к «испытанным конструкциям», когда речь заходит об отрицательном герое. Тогда материал попросту выходит из подчинения писателю и получает порой совершенно для него неожиданное звучание.

В прошлом году журнал «Театр» опубликовал пьесу Юрия Чепурина «Хозяева жизни», одним из главных действующих лиц которой является директор нефтезавода Ашот Тигранович Минугасов. С одной стороны — он руководитель передового предприятия, директорствует 13 лет. А со всех остальных... Автор не поспешил на все оттенки черной краски при его изображении. Обманщик, подхалим, демагог, очковтиратель, словом, — вместилище всех пороков.

Прислушаемся к его речи (что особенно важно в призыве драматической

формы): услышав песню «Тишина», он «зычным голосом, перекрывая звуки радиолы», кричит:

«— Что за тишина? Откуда тишина? Почему — тишина? Вай-вай, стыдно слушать, смотреть стыдно, как вы на одном месте качаетесь. Земли боитесь? Воздуха боитесь? Здоровье потерять боитесь? И это называется — молодежь орденосного завода».

После этой реплики Минугасов пускается в пляс и пляшет, конечно, «лезгинку».

Таким образом завоевывает он «ложный авторитет» у народа.

А вот его диалог с председателем горисполкома:

«Минугасов: Откуда к нам такой хороший человек упал?»

Медведев: погоди, Ашот Тигранович, голос надрывать — он тебе на очередном банкете пригодится, когда ты тамадой будешь. Надеюсь, ты понимаешь, что председатель совнархоза еще не вошел в курс дела и потому прислушиваться к его словам...

Минугасов: Как так, Терентий Аверьянович, дорогой! Я вас любил, люблю и буду любить как мэра нашего славного города, но свое начальство я должен немножко уважать, немножко бояться и немножко слушаться».

Председателю совнархоза Скворцову он тоже готов повторять по всякому поводу:

«— Какие слова слышу!»

И всем — Скворцову, Медведеву, читателям и зрителям, конечно, куда как трудно догадаться, что перед ними откровенный жулик и подхалим.

Минугасов щедро наделен автором всеми атрибутами «кавказского» человека. Он незаменимый тамада:

«— Самый лучший тамада еще не есть самое лучшее украшение праздника. Лучшим украшением нашего сегодняшнего праздника являетесь вы, испытанные бойцы рабочего класса. (Весело). Как говорят у нас на Кавказе, хорошее дело лучше хороших слов. А посему позвольте мне огласить очередной приказ по заводу... Параграф первый — никаких тостов. Параграф второй — никаких речей. Параграф третий — веселье. Только веселье! (Официальным тоном). Дата, печать, исходящий номер. Подпись директора... (С юмором). Неразборчива».

О характере его юмористических высказываний («Как говорят у нас на Кавказе...») можно судить по такому образчику:

«Богатый помещик дает в газете объявление: «Требуется егерь, знающий иностранные языки». Через неделю является армянин. «Так и так, я пришел по объявлению в газете». — «Сколько языков вы знаете?» — «Один». — «Какой?» — «Армянский, и тот плохо».

«Зачем же вы пришли?» — «Сказать, чтобы вы на меня не рассчитывали».

Как видим — художественные средства «с бородой». Артисту, которому предлагается сыграть Минугасова, предоставляется блестящая возможность щегольнуть своим умением рассказывать старые анекдоты.

Созданный подобными приемами образ оказывается в центре конфликта льесы. Суть конфликта состоит в том, что положительные герои дружно борются с отрицательными, которые злонамеренно отказываются очищать волжские воды от отбросов нефтезавода. Место, которое должен занять в этой коллизии Минугасов, совершенно ясно. Его позиция охарактеризована в реплике Веры Александровны Елагинной, его жены и «достойной» партнерши:

«...Мой муж совершил что-то ужасное? Это он загрязнил Волгу?...»

В финале зло посрамлено, добро торжествует, автор на полном серьезе вписывает ремарку: «Слышна могучая поступь техники, подходящей к заводу», а председатель совнархоза Скворцов с подъемом произносит:

«Когда-то на фронте мы говорили: «За Волгой для нас земли нет». Скажем же и сейчас: «Без Волги-красавицы для нас жизни нет!»

Пожилый рабочий поддерживает его: «Нет русскому человеку жизни без Волги!»

Еще одна многозначительная авторская ремарка:

«Могучая поступь машин. Дрожит земля».

А посрамленный Минугасов уходит. Вот так спасли Волгу. И во время войны, и сейчас вот...

Речь идет не о том, что «инонациональный» герой обязательно должен быть венцом добродетели, а если автору нужно сделать его отрицательным персонажем, то за это ему... Вовсе нет. Но следует проявлять особую осторожность, чтобы инерция штампа не давала возможности ни для каких ложных и вредных толкований. Отношения действующих лиц различной национальности в художественном произведении должны быть такими же, как в жизни, как в нашей советской действительности.

Через десятилетия доносится до нас мудрое предостережение Владимира Ильича Ленина:

«Мы, националы большой нации..., незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений, — стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как «полячишкой», как татарина не высмеивают иначе, как «князь», украинца иначе, как «хохол»,

грузина и других кавказских инородцев, как «кавказский человек»... Ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями».

Это было сказано в канун 1923 года, в одной из последних работ Владимира Ильича. Таков один из главных заветов, который получили советские люди и пронесли через четыре десятилетия своей жизни, труда, борьбы. Литература и искусство — один из самых мощных отрядов, призванных содействовать Коммунистической партии в идейном воспитании масс. Об этом снова и снова напомнили встречи руководителей партии с художественной интеллигенцией, июньский Пленум ЦК КПСС. И потому особенно нетерпимы всякие отступления от завещанного Лениным принципа высочайшего уважения наций в отношениях друг с другом, отступления самые малозначащие на первый взгляд, «хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки!»

В этой связи я должен откровенно высказать свою досаду очень мною любимому и уважаемому поэту Ярославу Смелякову за его строки из стихотворения, посвященного русскому человеку в Таджикистане:

Участник жизни непременный,
освоив с ходу местный быт,
за шатким столиком пельменной
с друзьями вместе он сидит.
Совсем не ради маскировки,
а после истинных работ
в своей замасленной спецовке
он ест шурпу и пиво пьет.
Высокомерия и лести
и даже признаков того
ни в интонации, ни в жесте
вы не найдете у него.
Не как слуга, не как владыка —
хоть и подтянут, но открыт —
по-равноправному с таджиком
товарищ русский говорит.

Тот «товарищ русский», который по праву стал героем Вашей «Оды», Ярослав Васильевич, который после работы в замасленной спецовке сидит с друзьями, никогда бы не поставил себе в «список чрезвычайных заслуг» то, что он говорит «по-равноправному» с друзьями — таджиками, белорусами или азербайджанцами.

Семья советских наций стоит у порога пятидесятилетия Октябрьской революции. Прошли полвека совместного строительства социалистического общества. Это — огромный опыт, обогатив-

ший и изменивший старое представление о нации. И теперь бок о бок с русскими братьями стоят в одной шеренге украинцы, создавшие одну из самых мощных промышленностей в Европе; казахи, освоившие при помощи всего советского народа миллионы целинных гектаров; грузины, достигшие по уровню высшего образования первого места в мире; узбеки, имеющие свой атомный реактор; армяне, гордящиеся достижениями своих астрономов и физиков; азербайджанцы, превратившие свои богатейшие запасы недр в базу Большой химии; чуваша, славящие своего славного сына — космонавта Андриана Николаева; башкиры, разрабатывающие богатейшие нефтяные сокровища.

Такой список может включать все национальности, входящие в Союз Советских Социалистических Республик. И в этом — зримое торжество ленинской национальной политики.

В прошлом году кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Шараф Рашидов писал в «Дружбе народов»:

«В условиях социализма действуют две взаимосвязанные прогрессивные тенденции в национальном вопросе. Во-первых, идет бурное и всестороннее развитие каждой нации, расширяются права союзных и автономных республик. Во-вторых, под знаменем пролетарского интернационализма происходит все большее сближение социалистических наций, усиливается их взаимовлияние и взаимообогащение».

Разумеется, сближение и взаимовлияние наций не обозначает нивелировки. Но и существование национальных различий подразумевает не застывшие формы, а развитие каждой нации по социалистическому пути. Потому и нельзя описывать представителя новой социалистической нации 60-х годов XX века средствами и приемами дореволюционного производства.

Еще раз приходится повторить: путь подлинного творчества — в изучении жизни. А жизнь давно и далеко ушла от закостенелых представлений. Скажем, характеристика грузина или армянина как весельчака-анекдотчика, готового при любом случае продемонстрировать свой несдержанный темперамент, также взята из пропитанного нафталином книжного арсенала, как и образ медлительного, неповоротливого сибиряка, вставляющего в каждую фразу неуместное «однако».

Счастливым избежал, как мне уже приходилось писать, обеих этих опасностей Сергей Сартаков в последнем романе «Ледяной клад». Образ главного героя — грузина Николая Цагеридзе, связавшего свою жизнь с далекой Сибирью, привлекает подлинной жизненностью, убедительностью в каждом слове, поступке,

действии. Он начисто лишен тех, давно уже обратившихся в штамп, внешних «этнографических» аксессуаров, о которых говорилось выше. И, не вдаваясь в подробный разбор произведения и его общую оценку, отметим, что в данном случае перед нами подлинное — и принципиальное — достижение.

Не буду вновь прибегать к перечислениям и множить примеры подобных удач, давно уже ставших нормой советской литературы. Именно такие герои, а

не «экзотический» квартет из «Девушки с гитарой» выражает меру подлинного искусства при изображении «инонациональных» персонажей. Писатели, черпающие свои краски в гуще нашей жизни и постоянно помнящие о той высокой ответственности, которую возложил на них народ, являются подлинными подручными партии, проводниками ее политики, которую «Правда» в недавней своей передовице образно назвала «интернационализмом в действии».

Выдающийся мастер советской хореографии

Имя народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Вахтанга Чабукиани связано с крупнейшими завоеваниями советской хореографии, с созданием и становлением грузинского балетного театра.

О В. Чабукиани существует большая литература как в Советском Союзе, так и в зарубежной печати, — в виде отдельных монографий, а также огромного количества статей, рецензий, очерков, высказываний, рассеянных по страницам периодической печати. Немало материалов хранится в театральных музеях Тбилиси, Москвы, Ленинграда, Киева, Риги и других городов у нас и в зарубежных странах, где в различное время гастролировал В. Чабукиани.

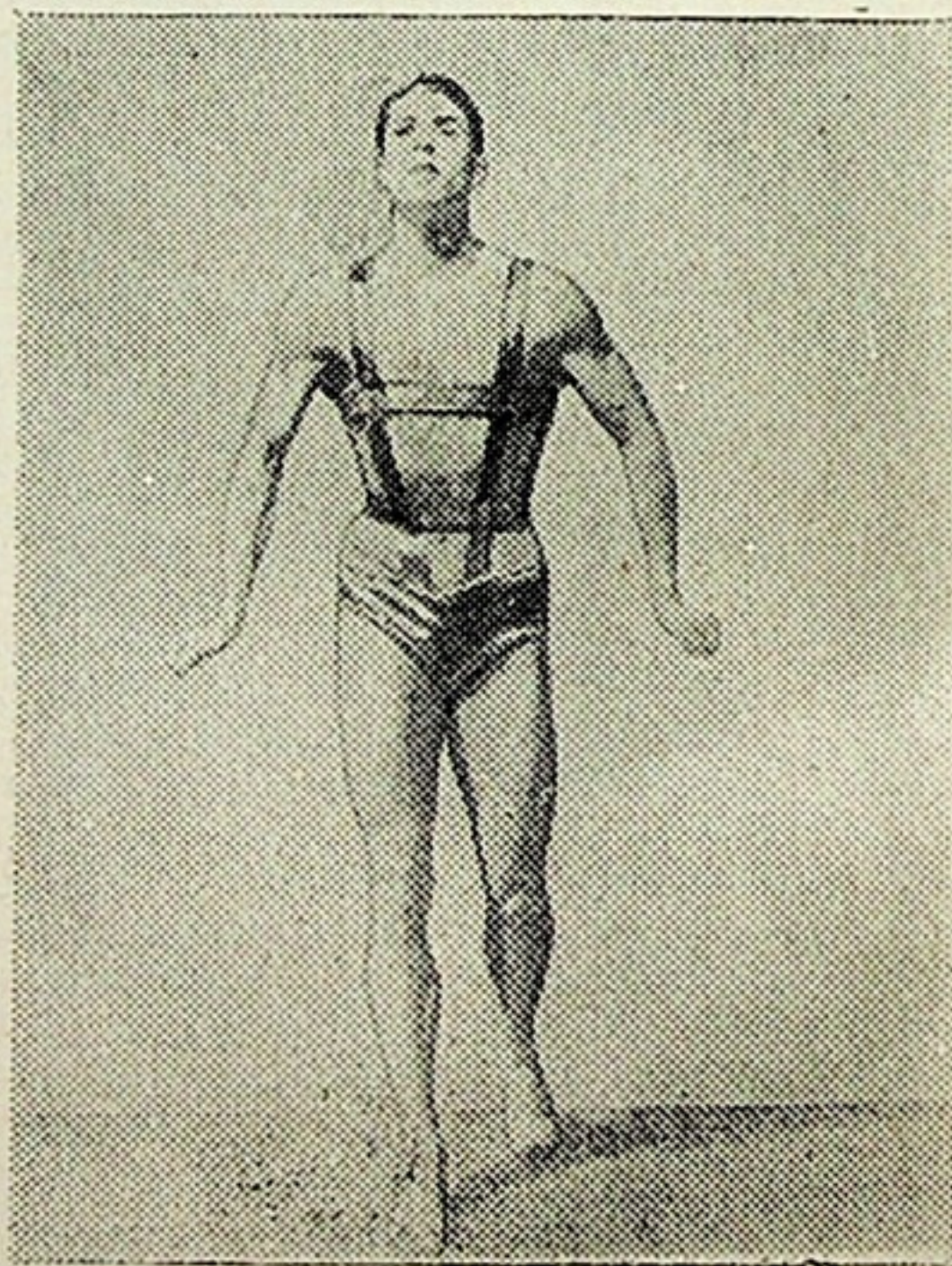
Задача нашего театроведения — выявить, систематизировать и издать сборник материалов, связанных с творчеством замечательного художника танца. Ибо осветить деятельность Чабукиани — это значит проследить основные вехи развития советского народно-героического балета, а также пути создания и становления грузинского балетного театра, внесшего за четверть века своего существования значительный вклад в сокровищницу советской хореографии.

Ниже мы печатаем ряд материалов, раскрывающих творчество В. Чабукиани в разных аспектах.

Чабукиани —

драматург и

режиссер

Каждый, кто хоть раз видел Вахтанга Чабукиани на сцене или на экране, навсегда оставался покоренным властным талантом этого замечательного мастера. Приобщаясь к его высокому искусству, невольно и сам возвышаешься духовно, вступая в мир Прекрасного.

Уходя со спектаклей, зрители навсегда уносят с собой незабываемые впечатления от ярких хореографических образов и балетов, созданных Вахтангом Чабукиани. Но мало кто знает, как зарождались замыслы этих спектаклей, мало кто посвящен в трудный и своеобразный процесс их осуществления.

На мою долю выпало большое счастье свыше десятка лет наблюдать работу этого выдающегося мастера советского балета. О творческих встречах с ним мне и хотелось бы рассказать читателям.

* * *

Работая редактором отдела культуры Грузинского общества культурной связи с заграницей, я писала также ряд материалов для зарубежных стран. В их числе была статья «Балет в Грузии» и расширенные текстовки к большому фотоочерку на ту же тему. Естественно, что эти две работы потребовали встречи с В. М. Чабукиани.

В первой же беседе меня поразила меткость суждений Вахтанга Михайловича не только по вопросам хореографии, но и обо всем, что касалось других видов искусства — музыки, живописи, кино и пр.

Чем больше углублялась я в тему «Балет в Грузии», тем больше и выше — во всей своей значительности! — вырастал передо мной образ создателя новых замечательных балетов, выдающегося танцовщика и воспитателя молодежи — Вахтанга Чабукиани, чье имя не только неразрывно связано с делом создания национального балета в Грузии, но и навеки вписано золотыми буквами в историю советской хореографии.

В результате встреч и бесед с Вахтангом Михайловичем у меня появилось огромное желание написать сценарий для художественного хореографического фильма «Вахтанг Чабукиани».

Работая над сценарием, я неоднократно встречалась с Вахтангом Михайловичем. Он очень подробно и красочно рассказывал мне свою биографию, богатую событиями. Сценарий был одобрен и принят к постановке. Но перед самым запуском его в производство киностудия «Грузия-фильм» неожиданно получила предложение Главка заменить тему «Вахтанг Чабукиани» темой «Мастера грузинского балета».

Поскольку фильм под таким названием перерастал рамки биографического и должен был отобразить все лучшее, что было в хореографии Грузии, киностудия привлекла к работе над этим сценарием уже двух соавторов — В. Чабукиани и меня. Так началась моя совместная работа с Вахтангом Михайловичем, которая на протяжении ряда лет приносила мне столько радости и удовлетворения.

При написании сценария фильма «Отелло» («Венецианский мавр») Вахтанг Михайлович снова привлек меня к своей работе в качестве соавтора.

Может быть, на примере работы в кино особенно наглядно раскрывался широчайший диапазон неисчерпаемых творческих возможностей Чабукиани.

Ведь до этого Вахтанг Михайлович снимался в кино всего несколько раз в качестве танцовщика — в дуэте из балета «Баядерка», в хоруми из «Сердца гор» (в фильме «Щит Джургая») и в «Мастерах русского балета» (в отрывке из «Пламени Парижа»). Однако, приступив к работе над сценарием «Мастера грузинского балета», Вахтанг Михайлович необычайно быстро сориентировался в новой для него киноспецифике и с первых же наших встреч продемонстрировал удивительное умение переключить свое «театральное» мышление на «кинематографическое». Он поражал необычайно четким и ярким «видением» будущего фильма, мгновенно преображал сцены из созданных им спектаклей в киноэпизоды, учитывая при этом и применяя все возможности этого нового для него жанра искусства. А ведь работа над сценарием «Мастера грузинского балета» являлась очень сложной: необходимо было два больших «полнометражных» спектакля («Лауренсия» и «Синатле») уложить в «прокрустово ложе» одного часа времени, которым была заранее ограничена длительность фильма. В связи с этим Вахтанг Михайлович смело и изобретательно шел на перемонтировку эпизодов спектаклей для сценария, полностью сохраняя при этом четкость и логику их драматического развития. Он проявлял большую настойчивость в поисках соответствующей кинообразности для каждого сюжета.

Вахтанг Михайлович дополнял сценарий своих хореографических фильмов такими эпизодами, которые не могли быть показаны в театре, и в то же время отказывался от ряда других, имевшихся в спектакле, чтобы не превысить утвержденного метража.

Интересно отметить, что между Чабукиани — постановщиком спектаклей и

Чабукиани-кинорежиссером происходило постоянное диалектическое взаимообогащение: новые интересные детали, найденные Вахтангом Михайловичем в процессе создания кинофильмов, в дальнейшем он нередко переносил с экрана в спектакли, обновляя их и обогащая.

Впрочем, нельзя не отметить, что Вахтангу Михайловичу, как человеку истинно творческому, свойственно никогда не успокаиваться на достигнутом; как бы хорошо ни шел поставленный им спектакль и как бы высоко ни был оценен он зрителем, Чабукиани неоднократно вносит в него отдельные коррективы, непрерывно совершенствуя свою постановку.

Очень интересно было наблюдать за работой Вахтанга Михайловича над музыкой к хореографическим фильмам.

При написании режиссерского сценария он во всех случаях сам монтировал музыку. Сидя с секундомером в руке рядом с концертмейстером, Вахтанг Михайлович исключительно точно определял купюры, перемещая отдельные музыкальные номера, и т. д.

Особенно большую и мастерскую работу провел Вахтанг Михайлович в музыкальном озвучании тех эпизодов, которых, как я уже говорила, не существовало в спектаклях.

Музыку для этих эпизодов Вахтанг Михайлович находил в партитуре композиторов и настолько органично вводил ее, что никто не мог указать на музыкальный «шов» или же на какое-либо сюжетно-тематическое несоответствие.

Гигантская работа ложилась на плечи Чабукиани при съемках кинофильмов, так как он являлся не только постановщиком, но и исполнителем ведущих партий. Руководить съемками, сниматься самому, знакомить оператора со спецификой хореографии (оператор обоих фильмов Ф. Высоцкий) и выбирать наиболее выгодные точки для съемок — все это приходилось делать Вахтангу Михайловичу. И меня всегда поражала неукротимая энергия и огромная организующая воля этого человека, его способность заражать энтузиазмом огромный постановочный коллектив и, подобно сильной линзе, сводить воедино усилия многих в общих фокус, к одной точке приложения сил, к достижению единой поставленной им цели.

Не могу не вспомнить маленькую, но характерную деталь: во время съемок фильма «Отелло» Вахтанг Михайлович с головы до ног был намазан коричневой краской. Чтобы не испачкать белого костюма Отелло, Чабукиани по десять-одиннадцать часов в дни съемок находился на ногах. А каково это для танцовщика — представить себе, пожалуй, кроме артистов балета, никто не в состоянии!

Вахтанг Михайлович был единоличным постановщиком фильма «Отелло» (в «Мастерах грузинского балета» у него был сопостановщик — кинорежиссер Ш. Манагадзе).

Помимо работы в кино, я имела возможность много лет наблюдать работу Вахтанга Михайловича в театре. Началось это во время нашей совместной работы над киносценариями. В то время — летом 1950 года, во время гастролей Тбилисского театра оперы и балета в Сочи — Вахтанг Михайлович создавал либретто своего нового балета «За мир».

Впрочем, слова «создавал либретто» — неприменимы к творческой манере Вахтанга Чабукиани, к сущности его работы: создавая либретто, он одновременно рассказывал мне свое всестороннее «видение» будущего спектакля, хореографию отдельных сцен, мизансцены и даже свое представление о костюмах, свете и т. д. Забывая о времени, Вахтанг Михайлович часто превращал эти рассказы в увлекательнейшие «показы», делая таким образом многое «видимым» для собеседника, создавая в его воображении яркое впечатление будущего спектакля.

И хотя в период постановки нового балета Вахтангу Михайловичу и приходилось порой — в силу тех или иных обстоятельств — кое от чего отказываться и кое-что видоизменять, но в целом спектакль им решался почти окончательно еще при рождении либретто.

Поручаемая мне Вахтангом Михайловичем работа по балету «За мир», а в дальнейшем — по «Отелло» и «Демону» сводилась к записи его рассказов и дальнейшему изложению их в виде либретто. Однако эти рассказы были настолько яркими, взволнованными, увлекательными и подробными, что ограничиться их кратким изложением было невозможно. Поэтому либретто балетов Чабукиани не умещались, как это обычно бывает, на 5-6 страницах, а превращались в детальное описание будущего спектакля, т. е. становились фактически постановочными сценариями, включавшими в себя и разработанную балетмейстерскую экспозицию.

Как непосредственно проходила наша работа?

Проводя помногу часов в репетиционных залах, Вахтанг Михайлович предпочитал работать со мной на свежем воздухе. С этой целью он обычно предлагал поехать на Набережную или за город, на Комсомольскую аллею или на Мтацминда.

Посидев некоторое время за рулем стремительно мчащейся машины, Вахтанг Михайлович словно забывал о повседневных театральных хлопотах. И где-то на природе, выбрав уголок покрасивее и поукромнее, он начинал свои увлекательные рассказы.

Впрочем, наша работа не раз прерывалась по непредвиденным обстоятельствам. В связи с таким случаем не могу не рассказать об одной из черт, характерных для Чабукиани.

Однажды, когда мы работали на Набережной, Вахтанг Михайлович внезапно прервал свой рассказ и, извинившись, поспешно направился к группе маленьких девочек, незадолго перед этим появившихся неподалеку от нас. Вскоре вернулся, бережно держа на руках небольшой меховой комочек. Оказалось, что девочки принесли на Набережную маленького котенка и «хоронили» его заживо, засыпая землей. Вахтанг Михайлович взял у них котенка, и теперь вставал вопрос — куда его пристроить? Повести к себе домой Вахтанг Михайлович не рискнул, так как у него была овчарка, которая могла причинить немало неприятностей новому питомцу. Я упросила Вахтанга Михайловича поручить котенка мне с тем, чтобы отдать его в хорошие руки. И, надо сказать, что он у меня не «засиделся»: желающих заполучить котенка, спасенного Вахтангом Чабукиани, оказалось более чем достаточно.

Впрочем, наши занятия прерывались и по другим причинам, главной из которых являлась огромная популярность Чабукиани. Не могу не вспомнить случай, происшедший на Комсомольской аллее: к нашей машине дважды возвращался проезжавший мимо «ЗИМ», пассажиры которого рьяно предлагали свою помощь Вахтангу Чабукиани, решив, что остановка его машины вызвана необходимостью ремонта или нехваткой бензина. Вахтанг Михайлович поблагодарил их и ответил, что его «Волга» в порядке. Однако «ЗИМ» снова вернулся. Сидевшие в нем женщины и мужчины на этот раз просто и откровенно попросили помочь им получить билеты на балет «Отелло», попасть на который было невероятно трудно.

Впрочем, невзирая на происшествия подобного рода, моя работа с Вахтангом Михайловичем протекала быстро и успешно.

И действительно, Вахтанг Чабукиани владеет каким-то удивительно заразительным свойством. Вокруг него все и всегда работают в полную силу, открывая в себе подчас такие способности, о которых и не подозревали. И относится это буквально ко всем — начиная с ведущих солистов балета и кончая техническим персоналом.

Весьма показательна с этой точки зрения его работа с композиторами. Мне нередко приходилось наблюдать и эту сферу деятельности Вахтанга Михайловича Чабукиани.

Еще при создании своих очень подробных либретто, В. Чабукиани фактически уже намечал музыкальный сценарий будущего балета. Затем он очень подробно и образно объяснял композитору характер, метр и продолжительность того или иного номера, его настроение, подсказывал ритмическое своеобразие.

Нередко бывало и так, что Вахтанг Михайлович отклонял написанную композитором музыку и терпеливо, снова и снова объяснял ему все «предлагаемые обстоятельства», добиваясь от композитора желаемой «образности» музыкального материала. Чабукиани часто не только показывал композитору те или иные танцевальные наметки, но и напевал.

К сожалению, в таком беглом рассказе невозможно охватить все стороны деятельности В. М. Чабукиани. На этот раз я ничего не сказала о Чабукиани — создателе спектаклей, балетмейстере и воспитателе молодежи, а каждая из затронутых мною тем — «Чабукиани — драматург», «Чабукиани — в кино», «Чабукиани в быту» — передана вкратце и требует более углубленной и детальной разработки.

И. Геловани

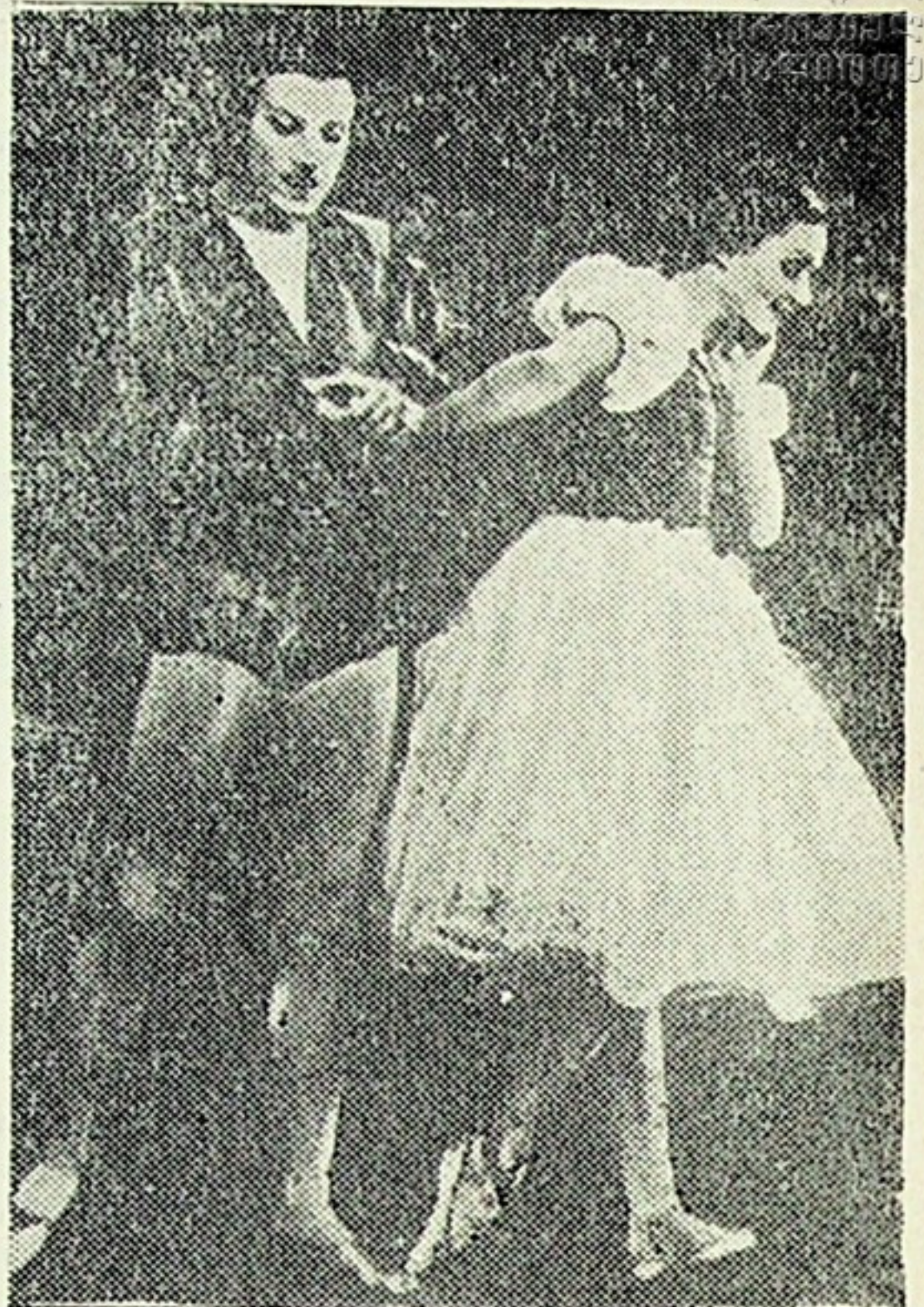

Мой

учитель

и друг

Я думаю, что не так важно, когда я впервые увидела талантливого мастера советской хореографии, общего любимца — Вахтанга Михайловича Чабукиани. Важно то, что увидела его я, будучи тогда одной из молодых, начинающих свою творческую жизнь украинских танцовщиц, тех, кто впервые получил на Украине серьезное, профессиональное хореографическое образование. Это был сезон 1936-1937 годов. В жизни моей было несколько встреч, которые наложили отпечаток на всю мою последующую сценическую деятельность, и одна из них — встреча с Чабукиани.

В совсем юном возрасте я часто стремглав бежала в кино смотреть фильмы с участием знаменитого тогда актера Дугласа Фербенкса. Сила, жизнерадостность, бьющая через край, утверждение волевого начала в человеке — вот, чем пленял молодежь Дуглас Фербенкс. И вдруг перед нами на сцене театра появился молодой танцовщик, который заставил забыть об этом герое. Все положительные качества Фербенкса, а кроме того еще огромное актерское дарование увидели мы у юноши с красивым звучным именем.

Я не помню, что танцевал на первом спектакле у нас Чабукиани — «Лебединое озеро» или «Дон-Кихот», но помню каждое его движение, ту овацию, которую устроила холодная и требовательная киевская публика молодому танцовщику. Люди словно сошли с ума. Танец Чабукиани был вызовом тем, кто пытался еще утверждать, что искусство классического танца чуждо рабочему классу, что в нашей стране его не может быть. Уже тогда даже в старых балетных спектаклях такой танец был созвучен нашей молодой стране, соиздательнице великих достижений человечества, и в костюме принца или Базиля стоял перед нами современный человек. В этом и была огромная сила искусства Чабукиани.

Те годы послужили вообще толчком для развития украинской хореографии. Главным дирижером театра в Киев был приглашен В. Дранишников — один из талантливейших русских дирижеров, режиссером — крупнейший режиссер Ю. Смолич. Они прекрасно понимали, что украинскому молодому балету нужно поднять искусство классического танца, и установили постоянный контакт с Ленинградским Кировским театром. Балетмейстером была Г. Березова, ассистентом А. Ваганова. Она систематически приглашала на гастроли лучших молодых танцовщиков, ставших вскоре гордостью нашей страны. Уланова, Дудинская, Сергеев, так же как Вахтанг Чабукиани, были у нас постоянными гостями. Чабу-

иани танцевал то с Дудинской, то с Улановой, а мы не пропускали ни одной репетиции, ни одного урока, не говоря уже о спектаклях. И от приезда к приезду мы видели, как совершенствовались эти люди, как росло их техническое и актерское мастерство.

Стараясь воспринимать у своих старших товарищей все лучшее, — росли и мы. А вскоре мы еще раз «познакомились» с Чабукиани. В Ленинграде был поставлен балет «Лауренсия». Автором либретто и балетмейстером его был Вахтанг Михайлович. Вторым театром, поставившим этот балет, был киевский. Ставил его сам автор вместе с Н. Дудинской. Они же танцевали на премьере спектакля. Это был настоящий праздник.

Нужно признаться, что я до сих пор поклонница «Лауренсии». Своеобразный танцевальный язык, динамично развивающийся сюжет, насыщенный танцами сложными, технически интересными для любого исполнителя, — вот, что привлекало всех. Не говоря уже о том, что роли в этом спектакле требуют настоящего, большого актерского мастерства.

Итак, для коллектива Киевского театра оперы и балета, как я уже говорила, это был праздник. Люди работали с огромным увлечением, зрители засыпали постановщика цветами. А в моей жизни произошло событие, о котором я расскажу.

В нашем театре я танцевала лирические партии — Одетту, Марию, Черкешенку, Фею сирени. В составе спектакля «Лауренсия» я не была. Но на репетициях, видя, как Вахтанг Михайлович ставит Хасинту моему другу и партнерше Л. Герасимчук, я почувствовала огромное желание станцевать эту партию. До этих пор я всегда верила руководству и, не задумываясь, работала над всем, что мне поручали, с одинаковым удовольствием. Обычно хочется что-то танцевать, когда видишь, что у твоего товарища эта роль или танец не удастся, хочешь попробовать ее сделать сам. Здесь же этого не было, Герасимчук была хорошей актрисой и танцовщицей, и роль у нее шла. Просто меня настолько заинтересовало решение образа, что я однажды не выдержала и попросила Вахтанга Михайловича посмотреть меня. «Останься после репетиции», — ответил он.

Впервые в жизни я просила роль. Не могу сказать, что я волновалась больше обычного. На сердце у меня было радостно и легко от того, что ответ последовал сразу, и я почувствовала в тоне его живой интерес. После репетиции я показала ему танец Хасинты на свадьбе. Результат был неожиданным для всех. «Это не то, что я себе представлял, но это хорошо, и ты будешь танцевать Хасинту в составе», — сказал мне Вахтанг Михайлович с откровенной дружелюбностью. Ликуя шла я домой.

Очень скоро роль была сделана, и я ее танцевала с настроением и успехом.

Впервые в жизни я почувствовала, как трудно мне было до сих пор. Как трудно мне было свой темперамент, довольно «бурный», втискивать в «форму» Одетты и других подобных образов. С Хасинтой пришло «освобождение», и следующая роль, которую мне поручили в нашем театре, была уже сама Лауренсия.

Необходимо сказать несколько слов об исполнителях «Лауренсии» в нашем театре. Все это хорошие танцовщицы и танцовщики, создавшие украинский балет, прошедшие прекрасную трудовую творческую жизнь. Лауренсия — З. Лурье, В. Фаербак; Фрондосо — А. Соболев, В. Преображенский; Менго — А. Ваксмут, А. Бердовский; Цыганский — А. Пирадова; Фанданго — Р. Савицкая; Хасинта — Л. Герасимчук, В. Шехтман. Всех невозможно перечислить в короткой статье.

Итак, я начала готовить роль Лауренсии; ее показывала мне З. Лурье. И вдруг все оборвалось одним светлым ранним утром. Привычный уклад жизни, любимая работа. Все было нарушено черной фашистской птицей, пролетевшей над нашим городом. На любимый Киев падали бомбы, выли сирены. Театр превращался в крепость, в бомбоубежище. Товарищи уходили в армию. Так ушел добровольцем замечательный танцовщик и человек — Александр Ваксмут (не сказавший в плену немцам, что он сам немец, на все вопросы отвечавший «Я русский» и погибший в концлагере).

Казалось, искусству больше нет места в жизни. По старому афоризму — «Когда звучат пушки — музы умолкают». Но государство заботилось о людях, создающих его технику, культуру. Отец мой в числе других ученых, композиторов, художников и других деятелей науки и культуры получил распоряжение уехать из Киева на восток страны. Наша семья уехала с одним чемоданом, в котором лежал драгоценный клавир «Лесной песни» и не лежало ни одной пары балетных туфель. «Кому они сейчас нужны», — думала я. Но вскоре поняла, как ошибалась.

И вот я снова танцую. В работе дружной и интересной проходили тревож-

ные дни, а в сердце была глубокая вера в то, что враг не сломит нашу страну. И возникла мысль поставить спектакль, созвучный трудному времени, спектакль о «непокоренных» — Лауренсию.

В те времена я думала — вот если бы Вахтанг Михайлович видел спектакль, он не ругал бы меня. так как перенести спектакль в другой коллектив не так уж легко. Мы знаем много примеров, когда при переносах хорошее произведение утрачивает свои качества; а зрители говорили, что «Лауренсия» шла без всяких скидок на войну, на республику, где только начало развиваться танцевальное искусство. Там же я танцевала Зарему с Марией — Галиной Сергеевной Улановой.

Я счастлива, что встретила в жизни с такими мастерами.

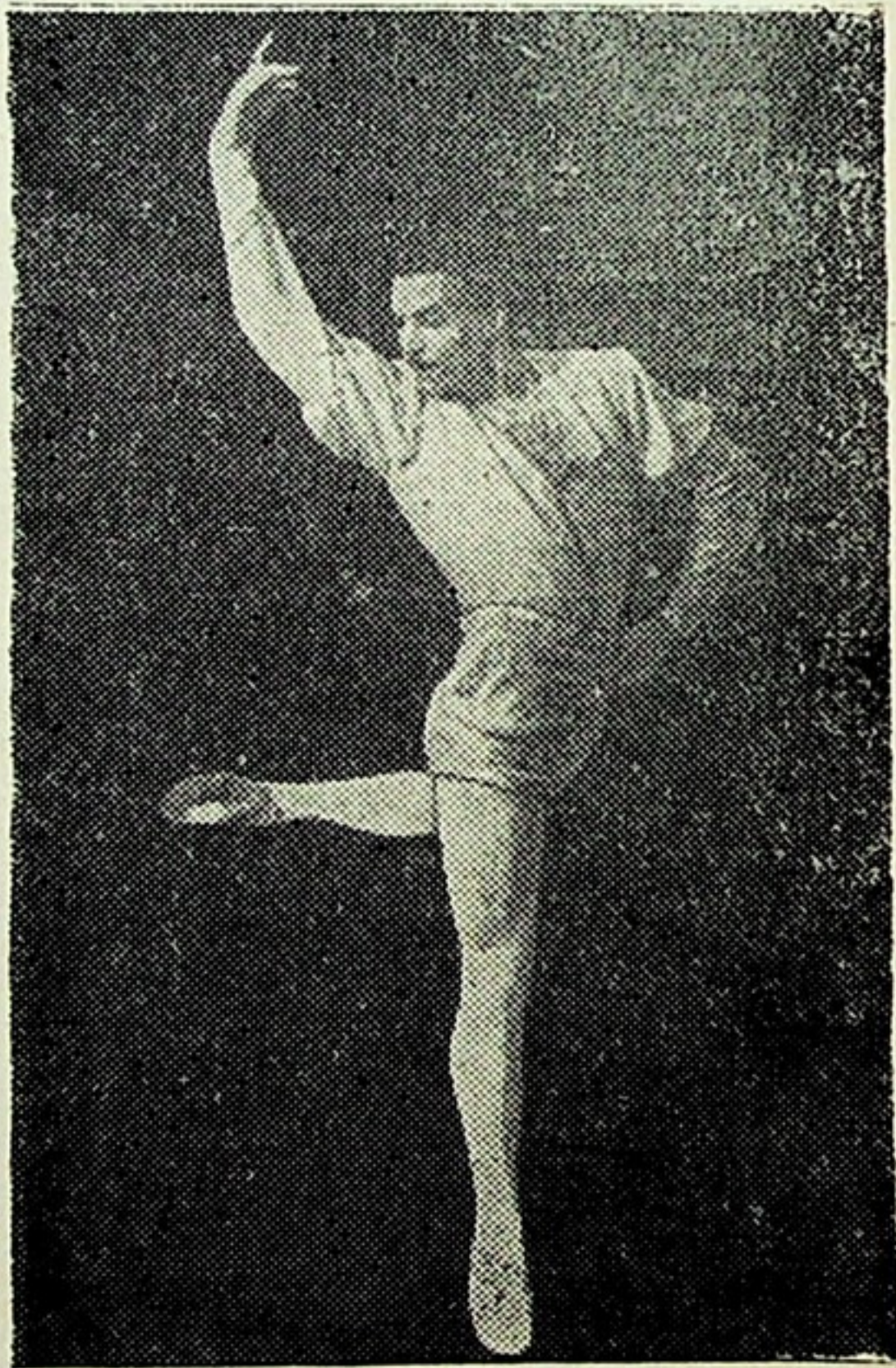
Теперь, когда моя мечта исполнилась, балет моего отца «Лесная песня» идет с огромным успехом и в него вложен мой балетмейстерский труд (я была помощником В. Вронского по постановке), я всегда думаю, что рядом в солнечной Грузии есть человек, которого я считаю своим учителем и другом. Хоть и не пишу ему восторженных писем, но радуюсь каждому его большому успеху. И всегда ношу в душе его прекрасный образ — человека, отдавшего свою жизнь искусству в дар своему народу. Рада высказать свое отношение к нему от всего сердца.

Н. Скорульская

Природное

ощущение

танца

Не было в советском балете актера, который, выходя на сцену, вызывал бы такой горячий и непосредственный отклик, как Вахтанг Чабукиани.

Каждый его выход на сцену — это жизнь в танце, служение танцу, утверждение танца. Юношей завоевал Чабукиани славу блистательного танцовщика. Его стремительные вращения не знали себе подобных, говорили, что Чабукиани родился с большим пируэтом в крови. Его выразительный прыжок давно был назван полетом орла.

Чабукиани не только возвращал балетной сцене мужской танец, но наделял его чертами героическими, тогда новыми и невероятными, и это одно из важнейших обстоятельств успеха актера.

Странно сейчас подумать, что слава этого могучего, воистину не знающего преград таланта долго сопровождалась скептическим шепотом: «Что говорить, блестящий танцовщик, но ведь не актер!» Быть актером — значило вести себя в пантомимической драме точь-в-точь, как в быту. А Чабукиани упорно этого не желал. В самых простых его движениях, в самых обычных, казалось бы, позах меньше всего бытовой достоверности. В них, как будто, нет ровно ничего из того, что встречается каждый день за стенами театра. В то время как многие актеры пытаются «оправдать» танец, приближая его к бытовой пантомиме, Чабукиани насыщает пантомиму танцевальными фразами, фразирует ее как танец, вырывая таким образом из натуралистического плена.

Благодаря этому, ткань любой его роли приобретает необычайное единство. В ней нет внутреннего разрыва, разделения на движения, будто бы передающие смысл, и движения, будто бы передающие чувство. Каждое несет и чувство и мысль, слившиеся воедино в пластике актера.

Танец Чабукиани — пластическая речь. Составляющие ее движения могут быть виртуозны, могут быть и совсем просты. Не в этом дело. Каждое движение, каждая поза полны внутренней значимости. Тело Чабукиани — какой-то особый инструмент. Это не просто тренированное тело классического танцовщика, способное к прыжкам или верчениям. Это как бы живая скульптура, меняющая свои очертания, но остающаяся гармоничной и выразительной. Чабукиани в совершенстве владеет тем, что называется мастерством. Но секрет его величия прежде всего в том, что существеннейшее начало балетного артистизма — пластическая отзывчивость, обычно достигаемая тщательным самоанализом и тончайшим расчетом, — дано Чабукиани природой.

Чабукиани захватывает и целиком подчиняет себе зрителя тем, что танцевально-пластическое выражение чувства для артиста самое естественное. Это не дань условностям балета, не игра, даже и выверенная и предусмотренная до мелочей. Это непосредственный разговор со зрителем.

Танец Чабукиани всегда несет в себе нечто от импровизации. Его пластическое изобилие непревосхитимо. Эта почти невероятная для балета, столь напряженного в своей технической основе, непосредственность и одухотворяет его героев. И если говорить о подлинном актерском мастерстве в балете, то самые истинные его зерна в этом свойстве Чабукиани, в его природном ощущении танца как стихии выразительности. Поэтому-то на Чабукиани нельзя наглядеться, и каждая новая встреча с ним волнует, как первая.

Искусство танца жестоко. Это искусство молодости. Перевалив за возрастной рубеж, который в любой другой области обозначает лишь самое начало зрелости, артист балета, не желающий унижить свой вчерашний успех, уходит со сцены. Никому нет пощады. Исключение составляет лишь Вахтанг Чабукиани.

Пятидесятилетний танцовщик потряс зрителей своей последней ролью — венецианского мавра Отелло. Шекспировский герой зажил в танце с неподражаемой свободой, которая позволила переплавить в пластику и его страстную любовь, и оскорбленное достоинство, и застилающую глаза ревность.

И вновь и вновь в поисках ответа на вопрос «Что же такое балет?» можно сегодня сказать: «Взгляните на Вахтанга Чабукиани!»

(«Театральный Ленинград», октябрь 1960 г.)

ТБИЛИСИ

ДВЕСТИ НАЗВАНИЙ КНИГ

У издательства «Литература и искусство» большие планы в этом году. Созданное на базе издательств «Сабчота мцeralи», «Заря Востока» и «Хеловнеба», оно готовит к печати около 200 названий оригинальной и переводной литературы.

С какими из них познакомятся читатели, каковы перспективы издательства в новом году?

Вот что рассказал об этом директор издательства «Литература и искусство» поэт Реваз Акакиевич Маргуани:

— В прошлом году нами было издано много интересных книг на грузинском и русском языках — Саят-Нова, Маяковский, Леся Украинка, произведения Константинэ Гамсахурдиа, Демны Шенгелая, сборники стихов Ираклия Абашидзе и Георгия Шатберашвили, монография Вахтанга Челидзе о Иванэ Мачабели, «История скульптуры» Вахтанга Котетишвили и многие другие. Большой интерес вызвали и произведения зарубежных писателей — Апулея, Артура Лейса, Джона Стейнбека и других в переводе грузинских авторов.

В сериях «Современный грузинский роман», «Первая книга писателя» и «Сокровища грузинского народного творчества» были изданы романы Лео Киачели, Константина Лордкипанидзе, Бориса Чхеидзе, Реваза Джапаридзе, рассказы и повести молодых писателей: Нодара Думбадзе, Тамаза Чиладзе и Тамаза Натрошвили, «Сказания и легенды грузинского народа» с иллюстрациями народного художника Грузии Ладо Гудиашвили.

В 1964 году издательство продолжит публикацию произведений в этих сериях. Сюда войдут первая и вторая части романа С. Клдиашвили «Пепелище» и роман А. Абашели «Женщина в зеркале» на грузинском языке, «Женская ноша» Михаила Джавахишвили на русском, стихотворения молодых поэтов — Резо Амашукели, Нанули Кебурия и других, «Грузинская народная поэзия» в переводах известных русских поэтов.

Будут продолжены и закончены в новом году трехтомник грузинской прозы XIX—XX веков, шеститомное собрание сочинений Константинэ Гамсахурдиа и десяти томное Василия Барнова, выйдет из печати и последний, 6-й том сочинений Шекспира, подготовленный к 400-летнему юбилею великого писателя. К этому же времени будет издан сборник статей «Грузинская шекспириана».

— Как вы знаете, — продолжал Реваз Акакиевич, — в связи с реорганизацией при издательстве создано несколько редакций: грузинской оригинальной художественной литературы, русских изданий, переводной литературы — братских республик и зарубежных стран и искусства.

Сейчас здесь «развернутым фронтом» идет подготовка к изданию рассказов Григола Абашидзе, Михаила Мревлишвили, «Избранных новелл» Лео Киачели, драматической поэмы Алио Мирцхулава «Руставская симфония» и других.

Отдельными изданиями выйдут литературные статьи писателей, критиков, литературоведов — Симона Чиковани, Демны Шенгелая, Бесо Жгенти, Георгия Маргвелашвили, Лавросия Каландадзе, Владимира Замбахидзе, Гурама Канкава, а также очерки Ираклия Чхиквишвили.

Как будет представлена грузинская поэзия в переводах на русский язык?

— Прежде всего — это средневековый эпос «Амиран Дареджаниани», а также стихи современных поэтов — Хута Берулава, Михаила Квливидзе, Отара Челидзе и других.

На грузинском языке будут изданы стихи и поэмы Карло Каладзе, Валериана Гаприндашвили, Колау Надирадзе, Маквалы Мревлишвили, Александра Гомиашвили, Бсндо Кешелава и других поэтов.

В тематическом плане издательства книги абхазских писателей — рассказы Ш. Чкадуа, сборник стихов Ивана Тарба, произведения осетинских поэтов — Бестаути, Гафеза.

Литература народов СССР в переводах грузинских писателей включает лучшие образцы художественной прозы и поэзии Прибалтики, Армении, Азербайджана и других союзных республик. Такова поэма Донелайтиса «Времена года», которая будет издана к 250-летию со дня рождения поэта, поэма Низами «Хосров и Ширин», рассказы узбекских писателей.

В 1964 году в Грузии состоится декада украинской литературы. В связи с этим знаменательным событием издательство «Литература да хеловнеба» готовит к печати 18 отдельных сборников произведений Павло Тычины, Максима Рыльского, Олеса Гончара, Александра Корнейчука, Платона Воронько, Любови Забашты и других.

Разнообразна и зарубежная литература в переводах грузинских писателей. В новом году будут изданы стихи польского поэта К. Гальчинского, роман Э. Хемингуэя «Иметь и не иметь», рассказы Мозма, романы Золя «Дамское счастье» и «Аббат Мура», «Путешествие по Кавказу» Александра Дюма и другие.

Редакция искусства готовит к изданию книгу выдающегося скульптора Якова Николадзе «Год у Родэна», альбом репродукций известного художника Давида Какабадзе, литературу о театре — сборники статей режиссера Сандро Ахметели и театроведа Гугули Бухникашвили, «Театральные портреты» Этери Гугушвили, «30 лет на сцене» Давида Гамрекели, монографии Г. Цицишвили об актере Васо Годзиашвили и Г. Алибегашвили, о творчестве театрального художника Петре Оцхели и другие.

— Как и прежде, — закончил беседу Реваз Маргиани, — большое внимание будет уделено изданию произведений классиков грузинской литературы на русском языке, а также современных грузинских писателей и поэтов.

ПРАЗДНИК ГРУЗИНСКОГО ТЕАТРА

Мысленно вернемся на сто с лишним лет назад... Актный зал тбилисской гимназии превращен в театр. Идет комедия Георгия Эристави «Раздел». Одну из главных ролей играет сам автор, остальные — любители сцены.

О том большом успехе, который имел этот спектакль, можно судить по отзывам прессы того времени, восторженно встретившей его, и, в частности, по впечатлению известного русского поэта Якова Полонского, писавшего о пьесе Г. Эристави на страницах «Закавказского вестника».

Газета «Кавказ», например, сообщала, что спектакль сопровождался непрерывными аплодисментами и смехом, что «Раздел» был так разыгран, как только могли бы это исполнить самые опытные, самые талантливые артисты».

Было это 2(14) января 1850 года. Этот день стал датой возрождения грузинского театра.

Вот почему две знаменательные даты в истории грузинского театрального искусства — 150-летие со дня рождения Георгия Эристави и день национального театра в этом году отмечаются одновременно. Им были посвящены юбилейный вечер, состоявшийся 14 января в малом зале театра имени Руставели и научная сессия, проведенная на следующий день Театральным обществом Грузии в Доме работников искусств.

На вечере 14 января, который вступительным словом открыл министр культуры Грузинской ССР Т. Буачидзе, доктор фило-

логических наук, профессор Д. Гамезардашвили рассказал собравшимся о жизни и деятельности основоположника нового грузинского театра.

— Общественная деятельность Георгия Эристави, — сказал докладчик, — была чрезвычайно многосторонней. Мы знаем его как поэта, драматурга, переводчика, основателя и директора грузинского профессионального театра, редактора первого грузинского литературного журнала «Цискари».

Много интересного можно было услышать о выдающемся грузинском драматурге, театральном и общественном деятеле и на научной сессии в Доме работников искусств, в которой приняли участие деятели сцены, писатели, художники, композиторы, искусствоведы и критики. Все они подчеркивали, что именно под руководством Георгия Эристави грузинский театр пошел по единственно верному пути реалистического отображения действительности. Доказательство тому его комедии «Раздел» и «Тяжба», которые и по сей день не сходят с нашей сцены.

Юбилейные торжества закончились показом новой постановки театра имени Руставели «Вечер поэзии». Как сказал режиссер спектакля М. Туманишвили, это — «наш первый опыт в этом жанре». И глубоко знаменательно, что именно в этот день наши театральные деятели принесли на алтарь искусства свои поиски нового в грузинском национальном театре, первый кирпич в здание которого положил более века назад Георгий Эристави.

СЪЕЗД АРХИТЕКТОРОВ ГРУЗИИ

В конце апреля в Тбилиси состоится VII съезд архитекторов Грузии. Творческая деятельность Союза архитекторов за два года, выборы его нового правления — таковы основные вопросы съезда, к которому будет подготовлена выставка новых архитектурных проектов по всем мастерским и проектным институтам республики.

В мае-июне в Сухуми будет проведен выездной пленум Союза архитекторов Грузии, посвященный вопросам планировки и застройки городов Черноморского побережья (Абхазии). На пленум будут приглашены ведущие архитекторы Украины, Латвии, Литвы и других союзных республик с богатым опытом проектирования курортов.

ПЕРВЫЙ ГРУЗИНСКИЙ КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР

Репетиции этого оркестра проходили в одном из залов Союза композиторов Грузии. Исполнялась современная и классическая музыка, произведения молодых грузинских композиторов — Николая Гудиашвили, Важа Азарашвили, Нодара Габуния и других, создавших их специально для оркестра.

Организованный по инициативе Союза композиторов республики первый грузинский камерный оркестр состоит в основном из струнной группы молодых исполнителей — скрипачей Батнашвили и Кекелия, виолончелиста Гомелаури, альтиста Галкина и других.

Под руководством дирижера Гиви Азмайпарашвили оркестр выступит в Тбилиси, совершит гастрольные поездки в Гори и Рустави.

МОСКВА

ГРУЗИНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ — УЧАСТНИКИ КОНКУРСА ИМЕНИ БАХА

Одним из крупных событий в музыкальной жизни Москвы в конце 1963 года явился отборочный конкурс на лучшее ис-

полнение произведений Иоганна Себастьяна Баха.

17 пианистов Москвы, Ленинграда и других городов СССР демонстрировали в последнем туре свое мастерство перед членами жюри, председателем которого был лауреат Государственной премии композитор Отар Тактакишвили.

От Грузии прошла по конкурсу молодая пианистка Русудан Ходжава — педагог Тбилисской консерватории и аспирантка Московской консерватории по классу органа Этери Мгалоблишвили.

Международный конкурс музыкантов-исполнителей (фортепиано, вокал и орган), посвященный великому немецкому композитору, состоится в Лейпциге в мае 1964 года.

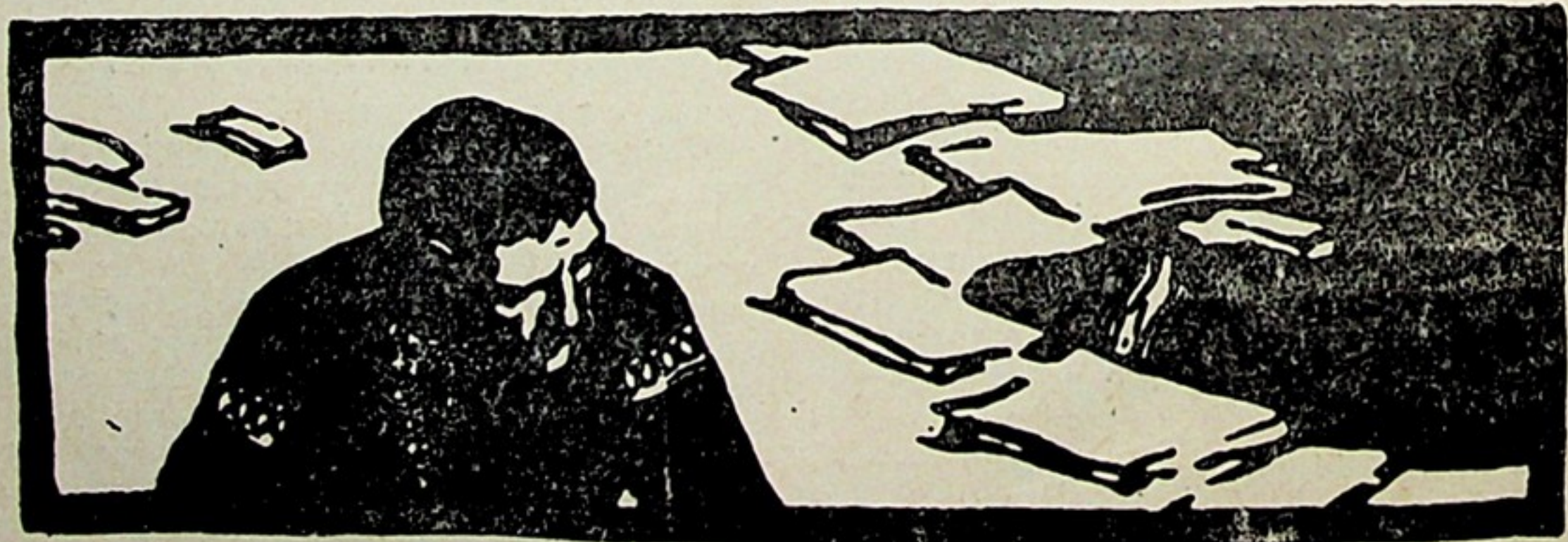
США

УСПЕХ ХУДОЖНИКА Т. КУБАНЕЙШВИЛИ

Выставка советской графики в Нью-Йорке, Филадельфии и других городах США по-прежнему привлекает внимание американцев. На ней представлено 400 работ художников РСФСР, Прибалтики, Украины и других республик Советского Союза. Большой успех выпал на долю мастера грузинской иллюстрации — Теймураза Кубанейшвили.

Как было отмечено, 12 иллюстраций с текстом на грузинском, русском и английском языках, изданные альбомом, к трем поэмам Важа Пшавела — «Змеесед», «Алуда Кетелаури» и «Гость и хозяин» отличаются новизной, лаконичностью, образностью, глубоким проникновением в национальный характер.

«Это настоящий шедевр, исполненный с большим мастерством и с большой художественной силой», — пишет японский профессор С. Ионемура; «Благодарю Вас за прекрасные гравюры к поэмам Важа Пшавела», — обращается к художнику руководитель отдела литературы и искусства ЮНЕСКО барон Мишель Дар; «Меня сильно заинтересовали иллюстрации художника Кубанейшвили, предназначенные для литературных произведений, созданных в ду-

хе грузинских эпических песен Важа Пшавела», — делится впечатлением Конрад Ордеман, литератор из ФРГ.

Несколько лет назад иллюстрации Кубанейшвили к повести Ильи Чавчавадзе «Отарова вдова» «обошли» Англию, Францию, Швейцарию, Финляндию, Австралию, Польшу, Чехословакию, Румынию и другие страны.

ГДР

ПРЕМИИ ФИЛЬМУ «РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ»

Впервые научно-популярный фильм «Рассказ об одном опыте» был удостоен премии на Всесоюзном кинофестивале художественных, научно-популярных и документальных фильмов в Минске в 1958 году. (Авторы сценария А. Геловани и Е. Черкович, режиссеры Д. Абашидзе и Н. Жужунадзе, оператор О. Деканосидзе, дикторский текст И. Месхи.)

В 1961 году фильм демонстрировался вне конкурса на Пражском кинофестивале, а в следующем, 1962 году, режиссерское и операторское мастерство, выразительный текст снискали ему всеобщее признание в Варшаве на фестивале и конгрессе Международной ассоциации научного кино, где он был удостоен первой премии.

Посвященный работе советских ученых-медиков в области гипертонии, «Рассказ об одном опыте» с успехом демонстрировался в 1963 году на Всемирном конгрессе патологов в Нью-Йорке.

В 1964 году фильм будет демонстрироваться в ГДР.

ФРАНЦИЯ

ЖАН РОЛЛЭН — О ГРУЗИНСКИХ ЭМАЛЯХ

В парижском издательстве «Серкль дар», а затем в итальянском переиздании вышел в свет труд члена-корреспондента Академии наук Грузинской ССР Ш. Я. Амиранашвили «Эмали Грузии».

«Вот труд, наиболее ценный из того, что было издано до сих пор «Серкль дар», — пишет Жан Роллэн в «Юманите».

«Редкость сюжета определила выбор бумаги, плотной как первопечатный пергамент, шестьдесят иллюстраций вне текста напоминают красоту средневековых миниатюр, тисненый золотом переплет роскошен, как оклад.

Текст, составленный Шалвой Амиранашвили... сопровождающий иллюстрации, комментирует и раскрывает все то, что необходимо знать об искусстве изготовления эмали на золоте, рассматриваемом как вершина декоративного искусства древней Грузии.

Грузинское искусство изготовления эмалей представлено в виде икон, медальонов, окладов рукописей, нагрудных крестов, мощехранилищ и т. д.»

04105320
308-0110333

MERVEILLES DE L'ART EN ORIENT
LES ÉMAUX DE GEORGIE

ÉDITIONS CERCLE D'ART PARIS

Жан Роллэн останавливается на нагрудном кресте массивного красного золота из Мартвили, кресте царицы Тамары, — «прославленном произведении ювелирного искусства, — украшенного индийскими изумрудами, рубинами и жемчугами», хахульском триптихе, «прославленном шедевре мирового значения» и других «сказочных сокровищах», как назвал эмали Грузии Жан Роллэн.

О мировом значении грузинских эмалей пишет и швейцарский журнал «Стиль»:

«По своему количеству, своим художественным качествам и интересу, который они представляют для ученого, они занимают одно из первых мест.

Благодаря эрудиции, которая его пронизывает, точности и большой непринужденности изложения, этот труд несомненно является самым замечательным из того, что было предложено в этой области».

Журнал дает подробную характеристику происхождения и развития грузинских перегородчатых эмалей, способах ее производства с древних времен:

«Удалось в особенности установить, что они не являются выродившимся вариантом византийских эмалей, а, повинувшись собственному гению Грузии, они извлекли часть своей оригинальности из местных первичных материалов, использованных в

их композициях... Таким образом, в Грузии в первые века нашей эры существовала школа золотых дел мастеров и ювелиров, продолжавшая вековые самобытные традиции, причем глубокие корни связывали ее с эпохой средней бронзы...

...Так г-н Амираншвили набрасывает полную картину перегородчатых эмалей, хранящихся в национальном музее искусств

Грузии, одной из самых богатых коллекций в мире.

Издавая свой труд, — заключает журнал, — автор хотел сделать эти сокровища доступными для всех, как для ученых, так и для широкой публики. Поэтому его книга обращена не только к специалистам, но и ко всем любителям средневекового искусства и красоты».

Подписано к печати 10 февраля 1964 г. 6 печ. листов
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}.

Заказ № 573

Тираж 2400

УЭ 05431

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова.
Тбилиси, проспект Руставели, 42.

Отпечатано в типографии издательства ЦК КП Грузии
«Коммунисти» — ул. Ленина, 14.

0 / 5 2

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
78117